Изъ редакціи „Освобожденія“

МАТЕРІАЛЫ ПО УНИВЕРСИТЕТСКОМУ ВОПРОСУ

Выпускъ первый

Извлеченія изъ книги **А. И. Георгіевскаго:**
Краткій очеркъ правительственныхъ мѣръ и предначертаній противъ студенческихъ безпорядковъ“

Съ предисловіемъ **Петра Струве**

Цѣна 2 марки

Stuttgart
Verlag und Druck von J. H. W. Dietz Nachf. (G. m. b. H.)
1902

Содержаніе.

Предисловіе . . . . . .
Характеръ студенческихъ безпорядковъ . . . . . .
Вредныя ихъ послѣдствія . . . . . .
Подчиненіе студентовъ общей полиціи и учебному начальству (1858—1861
Запрещеніе всякихъ сходокъ и депутацій и отмѣна форменной одежды
Уставъ 1863 года . . . . . .
Ограниченіе числа студентовъ польскаго происхожденія . . . . . .
Коммиссія графа И. Д. Делянова 1866 г. и положеніе Комитета Министровъ 1867
Комитетъ 1869 г. подъ предсѣдательствомъ графа И. Д. Делянова . . . .
Совѣщаніе гг. Министровъ 1874 г. подъ предсѣдательствомъ графа П. А. Валуева
Коммиссія по пересмотру университетскаго устава 1863 г. . . . . .
Настроеніе профессоровъ въ университетахъ:
а) С.-Петербургскомъ . . . . . .
б) Московскомъ и в) Казанскомъ . . . . . .
Представленіе Совѣта С.-Петербургскаго университета о причинахъ студенческихъ безпорядковъ и о мѣрахъ къ ихъ устраненію (29-го декабря 1873 г.) 7
Особое мнѣніе проф. Ленца . . . . . .
Запросъ г. Попечителя Округа и отвѣтъ на него Совѣта 10
Мнѣніе г. Попечителя округа по поводу записки Совѣта 1
Отвѣтъ г. Министра Народнаго Просвѣщенія на представленіе Совѣта С.-Петербургскаго университета 1
Участіе воспитанниковъ учебныхъ заведеній въ противогосударственной пропагандѣ съ половины 1873 г. по 1-е января 1877 г. 1
Проектъ средняго исправительнаго учебнаго заведенія (1878—1879 г.) 1
Новое устройство университетской инспекціи въ 1879 г. 1
Причины безуспѣшности мѣръ 1879 г. къ упорядоченію университетовъ . . . 2
Недостатокъ прежнихъ порядковъ по надзору за студентами и преимущества новыхъ 21
73. Безпорядки и смуты въ университетахъ послѣ 1-го марта 1881 г. 22
Совѣщаніе гг. Министровъ 20-го ноября 1882 г. 24
Вопросъ о лишеніи всѣхъ льготъ по воинской повинности уволенныхъ за безпорядки изъ учебныхъ заведеній 2
Совѣщаніе гг. Министровъ 18-го марта 1883 г. 2
Порядокъ отдачи въ дисциплинарные батальоны 2
Совѣщаніе гг. Министровъ 10-го іюня 1883 г. 29
Доводы противъ принудительнаго отбыванія воинской повинности уволенными за безпорядки изъ учебныхъ заведеній 30
Доводы въ пользу принудительнаго отбыванія воинской повинности уволенными за безпорядки изъ учебныхъ заведеній 33
Дѣло 1-го марта 1887 г. и мѣры къ болѣе осмотрительному пріему въ высшія учебныя заведенія 39
Студенческіе безпорядки въ Казани 43
Студенческіе безпорядки въ С.-Петербургѣ въ концѣ 1887 г. 55
Студенческіе безпорядки въ С.-Петербургскомъ университетѣ 1890 г. 56
Примѣчанія издателя 59

Предисловіе.

Предлагаемая вниманію читателя брошюра представляетъ извлеченія всего самаго существеннаго изъ изданной въ 1890 году по распоряженію министра Народнаго Просвѣщенія въ самомъ ограниченномъ количествѣ экземпляровъ книги бывшаго предсѣдателя Ученаго Комитета М. Н. П. д. т. с. А. И. Георгіевскаго подъ заглавіемъ „Краткій очеркъ правительственныхъ мѣръ и предначертаній противъ студенческихъ безпорядковъ“.

* * *

„Сегодня неумные исполнители, вчера неумные, тридцать лѣтъ сряду неумные: что за рокъ такой? Не спросить-ли себя: умна-ли сама задача?“

Эти слова Ив. Аксакова объ органахъ цензуры невольно пришли намъ въ голову при чтеніи оффиціальной исторіи правительственной борьбы со студенческими безпорядками, составленной г. Георгіевскимъ. Какъ намъ передавали за вѣрное, книга, изъ которой мы печатаемъ извлеченія, сохранилась только въ количествѣ 9 экземпляровъ, всѣ же остальные, въ виду явно компрометирующаго правительство характера историческаго труда г. Георгіевскаго, были уничтожены. Такой характеръ его и побуждаетъ насъ напечатать обширныя извлеченія изъ этого произведенія воистину „подпольной“, т. е. не тайно печатаемой, а въ тайнѣ содержимой литературы нашей бюрократіи. Не лица желаемъ мы этимъ компрометировать, а систему, или строй. Въ произведеніи г. Георгіевскаго передъ читателемъ проходятъ самыя различныя лица высшей бюрократіи, начиная отъ классическихъ реакціонеровъ, гр. Д. А. Толстого и К. П. Побѣдоносцева, и кончая „либералами“ вродѣ гр. Лорисъ-Меликова, и всѣ они компрометируются въ той мѣрѣ, въ какой они предстаютъ въ роли служителей системы бюрократическаго произвола. Вся безуспѣшная правительственная борьба со студенческими безпорядками, породившая невѣроятные проекты, которые звучатъ сатирой, была продиктована стремленіемъ оградить и сохранить бюрократическое самодержавіе. Эта неумная и безнравственная задача неизбѣжно налагаетъ и будетъ впредь налагать свое отвратительное клеймо на всѣ примѣняемыя для ея осуществленія средства. Попраніе элементарныхъ началъ всякаго права,[1]) проекты спеціальныхъ исправительныхъ заведеній для строптивыхъ студентовъ и гимназистовъ,[2]) затрудненіе бѣднякамъ доступа въ университетъ, владиславлевская очистка университета отъ неудобныхъ элементовъ,[3]) постановка въ арсеналѣ „воспитательныхъ“

[1]) См. оффиціальную характеристику наказательной отдачи студентовъ въ солдаты на стр. 30—35. [illegible] й характеристикѣ заключается убійственное осужденіе „Временныхъ правилъ“ 1893 г.
[2]) Стр. 14—15, 37—38. [3]) См. стр. 35—43.

средствъ университета на первое мѣсто карьера[1]) и шпіонства инспекціи,[2]) систематическое ограниченіе правъ профессоровъ[3]) и доносительство на нихъ,[4]) вмѣненіе имъ въ обязанность читать лекціи въ вицмундирѣ, съ послѣдне пожалованнымъ орденомъ на шеѣ или через плечо[5]) — всѣ эти осуществленныя и неосуществленныя, большія и малыя, трагически-возмутительныя и водевильно-смѣхотворныя измышленія — неизбѣжное и вполнѣ законное порожденіе бюрократическаго строя. Отмѣтимъ, что, какъ раскрывается съ полной ясностью въ книгѣ г. Георгіевскаго, „Временныя правила“ 1899 г. объ отдачѣ студентовъ въ солдаты, приведшія русское общество въ какое-то остолбенѣніе, какъ нѣчто совершенно новое или, если угодно, старое, николаевски дикое, изданы не съ размаху, а, наоборотъ, являются зрѣлымъ продуктомъ напряженной работы коллективной бюрократической мысли, продуктомъ, который правительство вынашивало двадцать лѣтъ.

Исторія правительственной борьбы съ студенческими безпорядками воочію показываетъ, какъ усиленно прячется отъ свѣта самодержавная бюрократія, когда она въ особыхъ совѣщаніяхъ гг. министровъ и иныхъ „особъ“ вершитъ важнѣйшія дѣла русскаго народа. Тѣхъ, кто еще не понялъ всей глубокой безнравственности существующаго государственнаго строя, настоящая наша публикація можетъ просвѣтить въ этомъ отношеніи. Даже эта „казенная“ исторія должна убѣдить всякаго, обладающаго здравымъ моральнымъ сужденіемъ, что именно въ этихъ тайныхъ особыхъ совѣщаніяхъ настоящіе злоумышленники куютъ ковы противъ безгласной страны и, во истину, предаютъ отечество. Да, не даромъ самодержавная бюрократія ограждаетъ себя судомъ, разбирающимъ дѣла при закрытыхъ дверяхъ, а чаще всего обходится безъ всякаго суда надъ своими противниками, не даромъ она издаетъ по временамъ даже законы, которые стѣсняется или опасается опубликовывать, вещи, неслыханныя во всемъ цивилизованномъ мірѣ! Ей есть основаніе бояться гласности и свѣта. Вѣдь, кромѣ всѣмъ видимаго чиновничьяго механизма, она имѣетъ свое, въ сущности единственное подлинное въ Россіи, подполье, которое по самой своей природѣ боится свѣта и воздуха. Подвиги этого подполья, отмѣченные печатью низости и глупости, мы отдаемъ настоящей публикаціей на судъ и подъ судъ общественнаго мнѣнія и исторіи.

Произведеніе г. Георгіевскаго не нуждается въ дальнѣйшихъ комментаріяхъ.[6]) При всемъ своемъ оффиціально-суконномъ языкѣ оно поразительно краснорѣчивый обвинительный актъ, къ которому нечего прибавлять. Жаль только, что этотъ обвинительный актъ обрывается на 1890 г. и ближайшая исторія мѣропріятій позднѣйшихъ годовъ остается еще тайной бюрократическаго подполья.

---

[1]) Стр. 42. [2]) Стр. 15—23. [3]) Стр. 15—23. [4]) Стр. 52—54. [5]) Стр. 20.
[6]) Наши примѣчанія въ концѣ содержатъ фактическія разъясненія.

Петръ Струве.

15392/8.

Характеръ студенческихъ безпорядковъ.

Начиная съ 1858 г. и по сію пору, отъ времени до времени съ небольшими перерывами, въ университетахъ и другихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ происходятъ такъ называемые студенческіе безпорядки (сходки въ зданіяхъ, садахъ и на дворахъ учебныхъ заведеній, иногда на городскихъ улицахъ и площадяхъ, сопровождаемыя всегда шумомъ, гамомъ, криками, иногда разбитіемъ стеколъ въ окнахъ, иногда публичными процессіями, и соединенныя съ явнымъ неповиновеніемъ своему, а иногда и общему гражданскому начальству, и даже съ оскорбленіемъ чиновъ того и другого словами, а иногда и дѣйствіемъ, а также съ заявленіемъ различныхъ, въ большинствѣ случаевъ совсѣмъ неисполнимыхъ, требованій).

Вредныя ихъ послѣдствія.

Безпорядки эти представляютъ собою весьма значительное зло: они прерываютъ на болѣе или менѣе продолжительное время правильный ходъ ученія; пріучаютъ молодежь къ неповиновенію властямъ, къ буйству, къ безчинствамъ и даже къ насиліямъ противъ должностныхъ лицъ, вообще къ революціонному образу дѣйствій; подрываютъ авторитетъ правительственной власти, а именно обнаруживаютъ ея безсиліе вообще въ борьбѣ съ этимъ зломъ, а нерѣдко — слабость, неумѣлость и несостоятельность мѣстныхъ ея представителей; склоняютъ ее къ разнымъ уступкамъ, поблажкамъ и потворствамъ въ ущербъ требованіямъ или дисциплины, или серьезнаго ученія; достигаютъ иногда смѣны тѣхъ или другихъ правительственныхъ лицъ или колеблютъ ихъ положеніе, иногда же потрясаютъ и принятую правительствомъ учебно-воспитательную систему, ведутъ къ отмѣнѣ или измѣненію уставовъ, постановленій и распоряженій, и, наконецъ, въ случаѣ твердаго отпора злу, возбуждаютъ неудовольствіе противъ правительства не только въ молодежи, но и въ самихъ наставникахъ, въ родителяхъ и въ цѣломъ обществѣ. Далѣе, студенческіе безпорядки неминуемо сопровождаются увольненіемъ или исключеніемъ изъ высшихъ учебныхъ заведеній болѣе или менѣе значительнаго числа замѣшанныхъ въ нихъ молодыхъ людей. „Эти уволенные, по заявленію въ бывшей при министерствѣ народнаго просвѣщенія въ концѣ 1882 г. коммиссіи члена ея, директора государственной полиціи, нынѣ товарища министра, сенатора В. К. фонъ-Плеве, „являютъ собой главный контингентъ, изъ котораго крамола вербуетъ своихъ дѣятелей: безпорядки въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ и неминуемо слѣдующія за ними болѣе или менѣе многочисленныя изъ за нихъ исключенія представляютъ какъ бы рекрутскій наборъ, производимый крамолой въ рядахъ учащейся молодежи. Въ бездѣйствіи, нуждѣ и лишеніяхъ, исключенные изъ учебныхъ заведеній молодые люди, жизнь которыхъ оказывается разбитою въ самомъ ея началѣ, ожесточаются противъ всего общественнаго и государственнаго строя, и изъ нихъ тѣ, которые только склонялись прежде къ ученіямъ крамолы, теперь вполнѣ проникаются ими, причемъ подвергшіеся административной ссылкѣ уже въ мѣстахъ оной начинаютъ оказывать вредное вліяніе на мѣстное населеніе, а по возвращеніи изъ ссылки, если успѣютъ снова проникнуть въ высшія учебныя заведенія, становятся дѣятельными агентами тайныхъ обществъ и въ ихъ духѣ дѣйствуютъ среди своихъ товарищей, растлѣвая ихъ умственно и подстрекая ихъ ко всякаго рода безпорядкамъ“. „Судебно-полицейская статистика свидѣтельствуетъ, по заявленію того же члена коммиссіи 1882 г., что безпорядки въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, происходившіе въ 1861 г., подготовили Каракозовцевъ, безпорядки 1869 и послѣдующихъ годовъ — тѣхъ лицъ, которыя судились по такъ-называемому процессу 193-хъ, и даже безпорядки 1881 г. не остались въ этомъ отношеніи безслѣдными, такъ какъ два лица, изъ коихъ одно было убійцею генерала Стрѣльникова, а другое не успѣло принять въ этомъ преступленіи участія по независящимъ отъ него причинамъ, были исключены изъ Петербургскаго университета вслѣдъ за бывшими въ немъ въ февралѣ 1881 г. безпорядками.“ Студенческіе безпорядки, согласно съ тѣмъ же заявленіемъ вполнѣ компетентнаго лица, входятъ въ разсчеты революціонной партіи въ двоякомъ отношеніи: 1) какъ легчайшій и удобнѣйшій способъ вербовать своихъ агентовъ и 2) какъ средство до извѣстной мѣры дискредитировать правительственную власть.

Подчиненіе студентовъ общей полиціи и учебному начальству (1858—1861 гг.).

Хотя размѣры связаннаго съ этими безпорядками зла раскрывались для правительства очень медленно и мало-по-малу, тѣмъ не менѣе нельзя сказать, чтобы и съ самаго начала оно относилось къ этому злу вполнѣ равнодушно. Первые студенческіе безпорядки[1]) вызвали Высочайшее повелѣніе отъ 6 мая 1859 г. о подчиненіи студентовъ внѣ университетскихъ зданій полицейскимъ установленіямъ и надзору полиціи на общемъ основаніи. Это Высочайшее повелѣніе вскорѣ пришлось дополнить другимъ (отъ 14-го января 1860 г.) о томъ, что подчиненіе студентовъ надзору общей полиціи не избавляетъ ихъ отъ повиновенія университетскому начальству и внѣ зданій университета, причемъ полиціи вмѣнялось въ обязанность извѣщать университетское начальство о всѣхъ проступкахъ студентовъ, а университетскому начальству сообщать полиціи о намѣреніяхъ студентовъ, клонящихся къ нарушенію общественнаго порядка; вмѣстѣ съ тѣмъ предоставлялось студентамъ внѣ зданій университета ходить въ партикулярной одеждѣ.

Запрещеніе всякихъ сходокъ и депутацій и отмѣна форменной одежды.

31-го мая 1861 г. состоялось новое Высочайшее повелѣніе о полномъ подчиненіи учащихся университетскому начальству въ стѣнахъ университета съ воспрещеніемъ положительно всякихъ сходокъ безъ разрѣшенія начальства и объясненій съ нимъ черезъ депутатовъ или сборищемъ, о недопущеніи ни подъ какимъ предлогомъ и ни въ какомъ видѣ шумнаго одобренія или порицанія преподаванія и о вмѣненіи университетскому начальству въ непремѣнную обязанность имѣть неуклонный надзоръ за соблюденіемъ студентами надлежащаго порядка въ университетѣ, за несоблюденіе же онаго не подвергать ихъ никакимъ другимъ взысканіямъ, а увольнять изъ университета. Вмѣстѣ съ тѣмъ предписывалось не принимать впредь студентовъ ранѣе 17-тилѣтняго возраста, отмѣнить форменную одежду и не дозволять ношенія какихъ-либо знаковъ отдѣльной народности или какихъ-либо товариществъ или обществъ, частная же одежда студентовъ должна быть приличная. Тогда же послѣдовало другое Высочайшее повелѣніе, коимъ освобождались отъ ежегодной платы за ученіе только тѣ дѣйствительно бѣдные студенты, которые до поступленія въ университетъ признаны на экзаменѣ достойнѣйшими, и притомъ не болѣе двоихъ на каждую принадлежащую къ университетскому округу губернію, въ томъ числѣ одинъ изъ учившихся въ гимназіи („другихъ исключеній не допускается ни подъ какимъ предлогомъ“), и о назначеніи пособій и стипендій только отличившимся бѣднымъ студентамъ, преимущественно изъ гимназистовъ университетскаго округа. Здѣсь впервые высказывалось какъ бы желаніе ограничить наплывъ въ университеты бѣдняковъ, особенно же изъ губерній посторонних учебныхъ округовъ.

Всѣ эти мѣры не привели ни къ какимъ результатамъ, тѣмъ болѣе, что онѣ не были въ точности и выполняемы. Осень 1861 г. ознаменовалась и въ Москвѣ, и въ Петербургѣ, еще не виданными до того времени уличными студенческими безпорядками. С.-Петербургскій университетъ былъ закрытъ на долгое время, бывшій министръ народнаго просвѣщенія гр. Е. В. Путятинъ смѣненъ (въ декабрѣ 1861 г.) и подъ предсѣдательствомъ бывшаго попечителя Дерптскаго учебнаго округа фонъ-Брадке назначена коммиссія для выработки главныхъ основаній университетскаго устава.

Уставъ 1863 года.

Уставъ этотъ состоялся только 18-го іюня 1863 г.: университеты вполнѣ предоставлялись самимъ себѣ, ихъ самопополняющимся профессорскимъ коллегіямъ и отъ нихъ избираемымъ должностнымъ лицамъ: умиротворенія университетовъ, ихъ профессоровъ и ихъ студентовъ, правительство разсчитывало достигнуть предоставленіемъ университетамъ полнаго самоуправленія. Разсчетъ оказался совсѣмъ ошибочнымъ, и при уставѣ 1863 г., который послужилъ образцомъ для всѣхъ другихъ высшихъ учебныхъ заведеній, безпорядки въ нихъ почти не прекращались.

Ограниченіе числа студентовъ польскаго происхожденія.

Слѣдственною по дѣлу Каракозова коммиссіей графа М. Н. Муравьева было, между прочимъ, обнаружено дѣятельное, въ возбужденіи всѣхъ этихъ безпорядковъ, начиная съ 1858 г., участіе весьма многочисленныхъ во всѣхъ университетахъ, особенно же въ столичныхъ, студентовъ польскаго происхожденія, которые въ 1863 г. сверхъ того уходили въ большомъ числѣ въ отряды повстанцевъ.

Послѣдовало ограниченіе числа студентовъ польскаго происхожденія 20%, и независимо отъ сего было Высочайше повелѣно 21-го августа 1866 г. . . . . дабы „положить конецъ, елико возможно, злу, растравляющему наше молодое поколѣніе, установить, для успѣшнѣйшаго надзора за студентами внѣ стѣнъ университетовъ, болѣе связи и взаимной поддержки въ совокупныхъ дѣйствіяхъ университетскаго и полицейскаго начальствъ, съ цѣлью тщательнаго изысканія и опредѣленія необходимыхъ въ семъ отношеніи мѣръ“, составить особую коммиссію.

Коммиссія графа И. Д. Делянова 1866 г. и положеніе Комитета Министровъ 1867 года.

Коммиссія эта подъ предсѣдательствомъ товарища министра народнаго просвѣщенія, нынѣ министра, графа И. Д. Делянова, состояла главнѣйше изъ ректоровъ университетовъ и директоровъ другихъ высшихъ учебныхъ заведеній или лицъ, ихъ замѣнявшихъ.

На основаніи трудовъ этой коммиссіи состоялось Высочайше утвержденное 26-го мая 1867 года, положеніе комитета министровъ. въ силу котораго установлено было между вѣдомствами, при коихъ имѣются средніе и высшіе учебныя заведенія, сообщеніе другъ другу, а равно и мѣстному гражданскому начальству, свѣдѣній обо всѣхъ исключенныхъ или удаленныхъ изъ опыхъ учащихся, съ изложеніемъ причинъ удаленія или исключенія, и между всѣми высшими учебными заведеніями сообщеніе другъ другу дисциплинарныхъ и другихъ объ учащихся правилъ, „въ видахъ единства дѣйствій и распоряженій“, недостатокъ коего все болѣе обнаруживался студенческими безпорядками. Тѣмъ же положеніемъ, „въ устраненіи потери времени для ученія и исправнаго посѣщенія лекцій“, воспрещалось учащимся устройство концертовъ, спектаклей, чтеній и другихъ публичныхъ собраній, посторонніе же лица, желавшія оказать этими способами помощь учащимся, должны были на то испрашивать разрѣшеніе отъ учебнаго начальства и ему же доставлять вырученныя деньги, такъ какъ этому начальству „ближе и болѣе всего извѣстны дѣйствительно нуждающіеся и достойные пособія“. Наконецъ, тѣмъ же положеніемъ были приняты мѣры къ уменьшенію прилива въ университеты вольныхъ слушателей, „составляющихъ самый опасный и ненадежный элементъ въ университетской молодежи“, а именно былъ запрещенъ переходъ студентовъ въ вольные слушатели и пріемъ въ вольные слушатели молодыхъ людей, не окончившихъ курса среднихъ учебныхъ заведеній, или при окончаніи сего курса получившихъ неудовлетворительныя отмѣтки въ законѣ Божіемъ, въ русскомъ языкѣ и въ математикѣ или въ латинскомъ языкѣ, прочіе же, равно какъ и ученики реальныхъ гимназій, не обучавшіеся латинскому языку, могли быть принимаемы на одинъ годъ въ вольные слушатели подъ условіемъ чрезъ годъ выдержать экзаменъ изъ латинскаго языка и удовлетворить вообще требованіямъ для поступленія въ студенты. Сверхъ того, вольными слушателями могли быть лица, имѣющія опредѣленное общественное положеніе или занятіе (служащіе и отставные чиновники, помѣщики и т. д.)

Комитетъ 1869 года подъ предсѣдатсльствомъ графа И. Д. Делянова.

Въ мартѣ 1869 г. снова произошли крупные безпорядки въ С.-Петербургскомъ университетѣ, Медико-хирургической Академіи и Технологическомъ Институтѣ. По случаю этихъ безпорядковъ былъ по Высочайшему повелѣнію составленъ особый комитетъ „для обсужденія мѣръ къ отвращенію на будущее время разнообразія дисциплинарныхъ правилъ, существующихъ въ разныхъ учебныхъ заведеніяхъ“. Выработанныя этимъ комитетомъ и Высочайше утвержденныя 8-го іюня 1869 года правила клонились къ тому, чтобы: 1. затруднить переходъ изъ однихъ высшихъ учебныхъ заведеній въ другія, съ каковою цѣлью постановлено подвергать переходящихъ повѣрочному испытанію и требовать о каждомъ изъ нихъ подробныхъ свѣдѣній посредствомъ частныхъ сношеній съ прежнимъ ихъ начальствомъ; 2. усилить учебныя занятія учащихся, съ каковою цѣлью предписывалось: а) соблюдать при испытаніяхъ переводныхъ и окончательныхъ всѣ постановленныя для нихъ правила безъ малѣйшаго послабленія; б) совѣтамъ университетовъ обсудить мѣры для привлеченія студентовъ къ научнымъ работамъ подъ руководствомъ преподавателей; в) разрѣшить литографированіе лекцій только самимъ преподавателямъ; г) оставлять на одномъ и томъ же курсѣ не болѣе двухъ лѣтъ и то не болѣе двухъ разъ въ продолженіе всего ученія; д) отлучающихся изъ города безъ разрѣшенія начальства увольнять вовсе изъ заведенія; е) обсудить ближайшимъ начальствамъ, не слѣдуетъ ли большую часть суммъ, назначенныхъ на пособія и

стипендіи и преміи, предоставлять учащимся, достойнымъ того по поведенію и успѣхамъ; ж) при освобожденіи отъ платы, отсрочкѣ оной, назначеніи пособій и стипендій обращать самое тщательное вниманіе на успѣхи учащихся и ихъ поведеніе; замѣчанія, выговоры и другія взысканія заносить инспекціи въ особую книгу, съ тѣмъ, чтобы отмѣтки эти имѣли вліяніе при предоставленіи учащимся разныхъ льготъ; з) при зачисленіи посторонних слушателей въ студенты и при пріемѣ вновь въ студенты уволенныхъ обращать особенное вниманіе на прежнее ихъ поведеніе, и и) не оставлять длинныхъ промежутковъ между лекціями и печатать въ протоколахъ или же представлять центральнымъ управленіямъ вѣдомости о числѣ пропущенныхъ каждымъ преподавателямъ лекцій. Комитетъ, очевидно, руководился мыслію, что студенческимъ безпорядкамъ былъ бы положенъ конецъ, коль скоро удалось бы водворить въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ серьезное ученіе, серьезныя занятія науками, въ томъ числѣ и болѣе самостоятельныя подъ непосредственнымъ руководствомъ преподавателей. Вмѣстѣ съ тѣмъ были установлены высшія мѣры взысканія: а) увольненіе на годъ съ правомъ немедленно поступать въ высшее учебное заведеніе другого города; б) удаленіе на годъ и на два года безъ сего права и г) исключеніе съ тѣмъ, чтобы въ теченіе трехъ лѣтъ не принимать никуда, а затѣмъ не иначе, какъ подъ отвѣтственностью учебнаго начальства, рѣшившагося на пріемъ исключеннаго, и съ разрѣшенія главнаго управленія, которому подвѣдомо принимающее учебное заведеніе. Лишеніе или уменьшеніе стипендій, пособій и льготъ могло служить для пользующихся ими мѣрою взысканія, назначаемою или отдѣльно, или совокупно съ другимъ взысканіемъ.

Совѣщаніе гг. Министровъ 1874 г. подъ предсѣдательствомъ графа П. А. Валуева.

Осенью 1874 г. вновь возникли крупные безпорядки во многихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ С.-Петербурга, и министрамъ военному, внутреннихъ дѣлъ, юстиціи, народнаго просвѣщенія, финансовъ, путей сообщенія, государственныхъ имуществъ, главноуправляющему II отдѣленіемъ Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, государственному контролеру и шефу жандармовъ было Высочайше повелѣно обсудить въ общемъ совѣщаніи, какъ причины, вызвавшія безпорядки, такъ равно и мѣры, которыя могли бы способствовать предупрежденію ихъ на будущее время. Совѣщаніе это подъ предсѣдательствомъ П. А. Валуева происходило 24-го и 28-го ноября, 1-го, 5-го и 12-го декабря 1873 г. Имъ были указаны нижеслѣдующія причины безпорядковъ: 1. Вслѣдствіе упраздненія корпоративнаго устройства учащихся и обращенія ихъ въ публику внѣ стѣнъ учебнаго заведенія, начальства и преподаватели учебныхъ заведеній утратили прежнее нравственное вліяніе на массу учашихся. 2. Предоставленная профессорскимъ коллегіямъ автономія съ правомъ замѣщенія всѣхъ должностей по выбору лишаетъ начальствующія лица прямого вліянія на общій ходъ дѣлъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ и составляетъ весьма важный недостатокъ въ ихъ организаціи; 3. Коллегіи эти притомъ пренебрегаютъ нравственными способами вліянія на учащихся (иначе говоря, воспитательною своею задачею), склонны признавать за ними гражданскую зрѣлость и гражданское значеніе, коихъ они имѣть не могутъ, и нерѣдко способствуютъ, сознательно или безсознательно, водворенію въ ихъ средѣ неправильныхъ понятій о ихъ положеніи въ заведеніи и ихъ отношеніяхъ къ начальству. Наиболѣе вліятельные члены этихъ коллегій, какъ только возникаютъ волненія или безпорядки, обыкновенно устраняютъ себя отъ участія въ ихъ прекращеніи. 4. Снисхожденіемъ на ведущихъ къ высшимъ учебнымъ заведеніямъ испытаніяхъ, излишнею умѣренностью платы за ученіе и всякаго рода денежными льготами искусственно увеличивается число учащихся, съ одной стороны, мало подготовленными или малоспособными молодыми людьми, а съ другой — лишенными всякаго матеріальнаго обезпеченія, а нерѣдко и всякой семейной опоры, которые въ борьбѣ съ нуждою и всякаго рода лишеніями, въ постоянно напряженномъ и раздраженномъ состояніи, легко поддаются вліянію злонамѣренныхъ, литературныхъ и нелитературныхъ агитаторовъ. Въ теченіе послѣднихъ трехъ лѣтъ, кромѣ Нечаевскаго дѣла, болѣе 600 студентовъ и учениковъ разныхъ заведеній были привлечены къ дѣламъ вѣдомства III Отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи. 5. При этомъ увеличеніи числа учащихся преподаватели лишены возможности не только слѣдить за ихъ прилежаніемъ, успѣхами и умственнымъ и нравственнымъ ихъ развитіемъ, но даже и знать въ лицо большинство своихъ слушателей. 6. Значительная часть студентовъ ищетъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ не знанія, а внѣшнихъ выгодъ, правъ и преимуществъ, соединенныхъ съ окончаніемъ въ нихъ курса, и строгость или отчетли-

вость экзаменовъ возбуждаетъ постоянныя сѣтованія и жалобы и составляетъ новый поводъ къ тому раздраженному настроенію, въ которомъ находится значительная часть учащагося юношества. 7. Настроеніе родителей и родственниковъ и вообще всего общества нисколько не содѣйствуетъ начальству въ охраненіи порядка въ учебныхъ заведеніяхъ. Заботы родственниковъ направлены не къ основательному образованію учащихся, а къ скорѣйшему пріобрѣтенію ими извѣстныхъ правъ и преимуществъ, и въ случаѣ безпорядковъ молодые люди, въ нихъ виновные, находятъ себѣ нравственную поддержку и даже полугласное одобреніе не только въ кругу ихъ родственниковъ, но и въ средѣ лицъ посторонних, со стороны такъ-называемаго общественнаго мнѣнія.

Въ устраненіе вышеозначенныхъ причинъ безпорядковъ были установлены совѣщаніемъ гг. министровъ нижеслѣдующія руководящія начала: 1. Пересмотръ нынѣ дѣйствующихъ уставовъ составляетъ предметъ несомнѣнной потребности, причемъ министръ народнаго просвѣщенія заявилъ, что имъ уже потребованы по этому предмету отзывы университетскихъ совѣтовъ. 2. Автономія профессорскихъ коллегій можетъ быть ограничена какъ путемъ изъятій изъ ихъ вѣдѣнія нѣкоторыхъ дѣлъ административно-полицейскаго свойства, такъ и установленіемъ другого порядка назначенія профессоровъ и прочихъ должностныхъ лицъ. 3. Правительственный контроль за направленіемъ преподованія можетъ быть усиленъ въ тѣхъ размѣрахъ и формахъ, въ какихъ это будетъ признано удобнымъ и возможнымъ по особому свойству и строю каждаго заведенія. Относительно университетовъ министръ народнаго просвѣщенія заявилъ, что такой контроль можетъ быть установленъ безъ стѣсненія свободы преподаванія отдѣленіемъ отъ него выпускныхъ экзаменовъ и учрежденіемъ особыхъ экзаменныхъ коммиссій по назначенію министра и съ приглашеніемъ депутатовъ отъ другихъ вѣдомствъ, и совѣщаніе признало, что надлежитъ воспользоваться этими предположеніями графа Д. А. Толстого. 4 Возвращеніе къ корпоративнымъ условіямъ быта учащихся при нашихъ нравахъ и при нынѣшнемъ настроеніи не только студентовъ, но даже и профессоровъ, признано невозможнымъ, и принятыя начала отдѣльности слушателей и подчиненія ихъ общей полиціи внѣ стѣнъ заведенія должны быть сохранены. Установленіе и охраненіе во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ правильнаго дисциплинарнаго строя имѣетъ существенное значеніе, и потому признано желательнымъ усилить средства инспекторскаго надзора за студентами и охраненія полицейскаго порядка въ стѣнахъ заведеній. 5. Въ виду переполненія учебныхъ заведеній учащимися, одинаково затрудняющаго и педагогическую дѣятельность преподавателей, и административный надзоръ начальства, подлежитъ стѣснять, по возможности, дальнѣйшій притокъ учащихся мало подготовленныхъ въ научномъ отношеніи и притомъ не обезпеченныхъ матеріально. Прямымъ къ тому средствомъ должна служить правильная строгость пріемныхъ испытаній. 6. Дѣйствующая система льготъ и пособій подлежитъ пересмотру въ вышеозначенныхъ видахъ. Въ особенности желательно уменьшить число льготъ отъ учебной платы. Стипендіи — самый правильный ходъ воспособленія учащимся; но они должны быть назначаемы лишь тѣмъ недостаточнымъ молодымъ людямъ, которые соединяютъ въ себѣ надлежащія способности, надлежащую подготовку и необходимое для дальнѣйшихъ успѣховъ прилежаніе. По мнѣнію министровъ военнаго и внутреннихъ дѣлъ, съ ними должны быть соединяемы извѣстные сроки обязательной службы въ тѣхъ случаяхъ, когда подлежащія вѣдомства встрѣтятъ въ томъ потребность. 7. На дѣйствительныя учебныя нужды учащихся должно быть обращено надлежащее вниманіе начальствъ разныхъ учебныхъ заведеній. Такими нуждами, затрудненіями и неудобствами постоянно мотивируются всѣ домогательства о правѣ сходокъ и депутацій. Въ германскихъ университетахъ не узаконено ни сходокъ, ни депутацій, и тѣмъ не менѣе всѣ правильныя ходатайства находятъ себѣ правильную форму выраженія и всѣ дѣйствительныя потребности учащихся могутъ быть удовлетворяемы. При непрерывныхъ ежедневныхъ отношеніяхъ учащихся къ преподавателямъ и къ начальству учебнаго заведенія всегда представляется возможность прибѣгать къ заявленіямъ и просьбамъ — безъ приданія имъ коллективной формы; но установленіе по этому предмету болѣе опредѣлительныхъ правилъ можетъ скорѣе порождать недоразумѣнія и затрудненія, чѣмъ ихъ предупреждать. 8. Въ случаѣ возникновенія въ какомъ-либо учебномъ заведеніи новыхъ волненій или безпорядковъ, необходимо имъ не оказывать ни малѣйшихъ послабленій, не прибѣгать ни къ какимъ уступкамъ, не входить ни въ какіе переговоры, обнаруживающіе колебаніе со стороны начальства, но немедленно принимать соотвѣтствующія мѣры къ прекращенію возникшаго движенія, дабы предупредить и предотвратить его дальнѣйшее развитіе

и распространеніе. 9. Выраженную шефомъ жандармовъ мысль, что никакія частныя мѣры не приведутъ къ желаемымъ результатамъ безъ общаго возвышенія уровня воспитанія, но что для этого желательно соединеніе въ одномъ вѣдомствѣ всѣхъ гражданскихъ учебныхъ заведеній, не имѣющихъ спеціальныхъ свойствъ, и въ особенности всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній какъ мужскихъ такъ и женскихъ, совѣщаніе признало едва ли подлежащею разрѣшенію въ тогдашнее время. Наконецъ, 10. по поводу замѣчанія князя С. Н. Урусова о томъ, что полезно было бы изъять изъ юрисдикціи общихъ судовъ такіе проступки студентовъ, которые хотя и совершены внѣ стѣнъ учебныхъ заведеній, но направлены противъ ихъ начальства, совѣщаніе заключило предоставить министру юстиціи войти въ соглашеніе съ министрами, въ вѣдѣніи коихъ имѣются высшія учебныя заведенія, и затѣмъ дать своимъ окончательнымъ предположеніямъ дальнѣйшій ходъ въ установленномъ порядкѣ. На подлинномъ докладѣ Собственною рукою Его Императорскаго Величества было написано 23-го декабря 1871 г.: „Исполнить“.

Коммиссія по пересмотру университетскаго устава 1863 г.

Практическихъ послѣдствій эти предначертанія правительства не имѣли, дѣло же о пересмотрѣ университетскаго устава шло своимъ порядкомъ. Осенью и зимою 1875 г. отдѣлъ Высочайше назначенной для сего коммиссіи подъ предсѣдательствомъ графа И. Д. Делянова посѣтилъ всѣ Россійскіе университеты, въ томъ числѣ Варшавскій и Дерптскій, и выслушавъ всѣхъ профессоровъ и должностныхъ лицъ каждаго университета, собралъ драгоцѣнныя свѣдѣнія о всѣхъ сторонахъ и условіяхъ быта университетовъ и обо всѣхъ ихъ потребностяхъ и нуждахъ. Во всѣхъ провинціальныхъ университетахъ коммиссія встрѣчала со стороны большинства профессоровъ полное радушіе и готовность откровенными показаніями содѣйствовать разъясненію предложенныхъ имъ вопросовъ и положенія дѣлъ. Первые признаки противодѣйствія обнаружились только въ Москвѣ, но и тутъ оно было устранено безъ труда.

Настроеніе профессоровъ въ университетахъ.

а) С.-Петербургскомъ.

Напротивъ, въ Петербургѣ за весьма немногими исключеніями всѣ профессора, являясь въ коммиссію заявляли одинъ за другимъ, что они о дѣлахъ университетскихъ не считаютъ себя въ правѣ давать никакихъ показаній и разъясненій иначе какъ въ коллегіальныхъ учрежденіяхъ самого университета, и затѣмъ ни на одинъ изъ предложенныхъ имъ вопросовъ не отвѣчали, а когда коммиссія заявила ректору П. Г. Рѣдкину[2]) желаніе посѣщать лекціи профессоровъ и осмотрѣть всѣ учебно-вспомогательныя учрежденія, какъ она то дѣлала во всѣхъ другихъ университетахъ, то получила отъ него предостереженіе, что въ виду крайней возбужденности и раздраженія студентовъ онъ не можетъ поручиться за сохраненіе въ такомъ случаѣ спокойствія въ университетѣ, а равно и за безопасность самихъ членовъ коммиссіи отъ оскорбленій. Объ этомъ было сообщено министру народнаго просвѣщенія, и, согласно съ рѣшеніемъ гр. Д. А. Толстого, Высочайше назначенная коммиссія была лишена возможности посѣтить С.-Петербургскій университетъ и не безъ большихъ затрудненій и послѣ усиленныхъ настояній успѣла достигнуть того, что ей были доставлены дѣла по производству экзаменовъ въ университетѣ и по студенческой инспекціи.

б) Московскомъ и в) Казанскомъ.

Когда профессоръ Любимовъ, бывшій членомъ коммиссіи, возвратился въ Москву, то въ двадцатыхъ числахъ ноября 1876 г. противъ него была произведена студентами, его слушателями, демонстрація: во время его лекціи 50 студентовъ съ шумомъ вышли изъ аудиторіи, и въ ней осталось всего 15 человѣкъ. Вслѣдъ за тѣмъ 26-го декабря 1876 г. имъ было получено письмо за подписью 35 профессоровъ, осуждавшихъ съ нравственной точки зрѣнія дѣятельность профессора по вопросу о пересмотрѣ университетскаго устава. На это письмо Н. А. Любимовъ отвѣчалъ въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“, совѣтъ же университета въ чрезвычайномъ засѣданіи 13-го января 1877 г. высказалъ ему рѣшительное свое порицаніе. Профессора Казанскаго университета присоединились къ письму 35 московскихъ профессоровъ. Дальнѣйшая профессорская агитація была пріостановлена мѣрами министерства; но противоправительственное настроеніе профессорскихъ коллегій нашло себѣ особенно сильное выраженіе въ 1878 г. Въ этомъ году студенческіе безпорядки, на-

чавшись въ Кіевѣ 14-го марта, разбросались по всѣмъ университетскимъ городамъ и не прекращались въ продолженіе всего года. 29-го ноября 1878 г. въ Петербургѣ дѣло дошло до того, что учащіеся различныхъ высшихъ учебныхъ заведеній собрались толпою и двинулись по направленію къ Аничковскому дворца для подачи коллективнаго прошенія Государю Наслѣднику Цесаревичу, а 29-го декабря того же года совѣтъ С.-Петербургскаго университета представилъ отъ себя попечителю учебнаго округа записку о причинахъ студенческихъ безпорядковъ и о мѣрахъ къ ихъ устраненію.

Представленіе Совѣта С.-Петербургскаго университета о причинахъ студенческихъ безпорядковъ и о мѣрахъ къ ихъ устраненію (29-го декабря 1878 г.).

Записка эта[3]) и всѣ относящіяся къ ней обстоятельства заслуживаютъ особеннаго вниманія. Не смотря на всѣ запрещенія студенческихъ сходокъ, университетское начальство въ продолженіе многихъ лѣтъ постоянно ихъ терпѣло, и при этомъ „совѣтъ университета, какъ сказано въ его запискѣ, долгимъ опытомъ убѣдился въ томъ, что большинство изъ студентовъ, принимающихъ участіе въ сходкахъ, отстаетъ отъ нихъ, какъ скоро онѣ выходятъ за предѣлы чисто студенческихъ интересовъ“. Такимъ образомъ, между прочимъ, и въ декабрѣ 1878 г. собралась въ С.-Петербургскомъ университетѣ студенческая сходка для прочтенія и обсужденія писемъ изъ Харькова о происходившихъ тамъ волненіяхъ въ Ветеринарномъ институтѣ и университетѣ. Ректоръ С.-Петербургскаго университета потребовалъ на этотъ разъ, чтобы сходка разошлась, но встрѣтилъ сопротивленіе особенно со стороны нѣкоторыхъ студентовъ. Надлежало удалить или исключить ихъ изъ университета, но для этого необходимо было передать ихъ университетскому суду, такъ какъ по правиламъ С.-Петербургскаго университета вся дисциплинарная власть не только инспектора, но и ректора ограничивалась лишь замѣчаніемъ и выговоромъ провинившемуся студенту. Оказалось, что съ марта 1869 г. университетскій судъ вовсе не собирался, и взысканія съ провинившихся студентовъ ограничивались лишь замѣчаніями и выговорами. Судъ въ декабрѣ 1878 г. не рѣшался собраться, и „мнѣ, какъ доносилъ попечитель округа министру, стоило большаго труда, чтобы убѣдить назначить судъ, чего я достигъ, лишь получивъ заранѣе словесное обѣщаніе Главнаго Начальника III-го Отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, а равно и С.-Петербургскаго Градоначальника, не высылать тѣхъ студентовъ, которые оказались бы удаленными университетскимъ судомъ. Судъ ограничился вообще весьма легкими взысканіями, но за то совѣтъ университета, по иниціативѣ ординарнаго профессора Фаминцына, занялся, „теоретическимъ изученіемъ причинъ безпорядковъ между студентами“. Причины эти, по мнѣнію совѣта, частью кроются въ общихъ свойствахъ молодости, въ ея воспріимчивости и впечатлительности, частью же въ особенныхъ условіяхъ, въ которыя поставлена у насъ университетская молодежь; „Она весьма часто служитъ отголоскомъ настроенія общеотва, вызываемаго тѣми или другими явленіями общественной жизни. . . . Всякая общественная скорбь, всякій поводъ къ неудовольствію, будетъ ли то экономическій кризисъ, международныя замѣшательства, безпорядки и злоупотребленія въ той или другой отрасли управленія, возбуждаютъ молодежь больше чѣмъ всѣ другіе общественные элементы. Такое возбужденіе особенно сильно у насъ въ Россіи, потому что въ нашей странѣ слабое развитіе общественной жизни, равнодушіе къ общественнымъ дѣламъ среди зрѣлой части общества, трудныя условія, и иногда полная невозможноть разъясненія многихъ вопросовъ общественной жизни въ печати — наводитъ молодежь на ложную мысль, что она должна дѣлать то, чего не можетъ или не хочетъ дѣлать общество взрослое, что она должна протестовать противъ тѣхъ или другихъ неустройствъ и ненормальныхъ явленій“. Вмѣсто того, чтобы противодѣйствовать этой „ложной мысли“ всѣми зависящими отъ него способами и мѣрами, совѣтъ университета все это находилъ естественнымъ, во всемъ этомъ винилъ нашъ государственный и общественный строй, терпѣлъ все время сходки и безнаказанностью поощрялъ увлеченія молодежи. „Нѣтъ сомнѣнія, говорится далѣе въ запискѣ, что при свойственной молодымъ людямъ воспріимчивости они могутъ, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, поддаваться и вліянію агитаторовъ. Но огромному большинству русской молодежи революціонныя стремленія такъ же чужды, какъ чужды они и всему русскому народу. Политическія волненія въ собственномъ смыслѣ остаются и останутся дѣломъ немногихъ лицъ, составляющихъ незамѣтное исключеніе изъ большинства.“ „Студенческія же волненія въ дѣйствительномъ значеніи этого слова опредѣляются иными спеціальными условіями, обстановкою учащейся молодежи.“ Главнѣйшимъ

изъ этихъ условій представляется взглядъ на студенчество, какъ на элементъ неблагонадежный въ политическомъ отношеніи, установившійся въ послѣднее время въ администраціи и переходящій даже въ извѣстные слои общества. „Учащаяся молодежь не только взята въ подозрѣніе, но и подвергнута особому полицейскому надзору. Въ этомъ кроется источникъ многихъ прискорбныхъ явленій. Такими мѣрами сплачивается учащаяся молодежь въ нѣчто цѣлое, и въ силу этого безпорядки, напр. въ Харьковѣ или Кіевѣ, находятъ отголосокъ въ Москвѣ или въ Петербургѣ, въ университетахъ и въ другихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Тотъ же недовѣрчивый взглядъ на студентовъ способенъ натолкнуть ихъ на ложную мысль, будто они составляютъ какую-то силу и имѣютъ политическое значеніе. Легко понять, что при свойственной юношеству наклонности къ самомнѣнію и чувству тщеславія такой взглядъ на себя можетъ служить источникомъ самыхъ необдуманныхъ поступковъ. Наконецъ, въ томъ же взглядѣ учащейся молодежи на себя какъ „на опальныхъ и гонимыхъ“ слѣдуетъ искать причины, почему всякое столкновеніе въ учебной средѣ, какой-нибудь споръ лзъ-за репетиціи или изъ-за экзамена обращается въ общій протестъ, сопровождаемый шумными демонстраціями. Учебное начальство, которое при другихъ условіяхъ легко могло бы устранить всѣ недоразумѣнія, нерѣдко остается безсильнымъ противъ движенія, характеръ котораго зависитъ не отъ него. Изъ всѣхъ органовъ государства, съ которыми учащаяся молодежь находится въ ближайшемъ соприкосновеніи внѣ стѣнъ университета первое мѣсто занимаетъ полиція. По ея дѣйствіямъ и отношеніямъ молодежь начинаетъ судить и судить о томъ, что можно назвать существующимъ государственнымъ порядкомъ. Такое обстоятельство, очевидно, требовало бы особенно бережнаго и осторожнаго отношенія полицейскихъ властей къ учащейся молодежи, въ интересахъ какъ юношества, такъ и достоинства государства. Не то мы видимъ въ дѣйствительности.“ Упомянувъ, что общеніе съ людьми своего круга и товарищами составляетъ для всякаго молодого человѣка существеннѣйшую потребность, и что въ западныхъ университетахъ, и даже у насъ Дерптѣ и Гельсингфорсѣ, она легко удовлетворяется въ приноровленныхъ къ студенческимъ потребностямъ корпораціяхъ, клубахъ, ферейнахъ и пр., а у насъ и въ Петербургѣ не только нѣтъ ничего подобнаго, но даже и въ дѣлѣ домашняго общенія между собой студенты сталкиваются съ непреодолимыми препятствіями, заключающимися въ распоряженіяхъ и дѣйствіяхъ полицейскихъ властей, — записка продолжаетъ: „Всякое собраніе нѣсколькихъ студентовъ на квартирѣ ихъ товарища тотчасъ же внушаетъ полиціи преувеличенныя опасенія. О всякомъ, даже малочисленномъ, собраніи дворники и даже квартирные хозяева обязаны сообщать полиціи, и собраніе нерѣдко разсѣевается появленіемъ полицейской власти. Совѣтъ не можетъ считать такую мѣру цѣлесообразной, предполагая даже, что въ нѣкоторыхъ изъ такихъ собраній могутъ быть затронуты вопросы политическіе и соціальные. Когда каждый молодой человѣкъ имѣетъ возможность вполнѣ высказаться у себя дома, въ тѣсномъ кругу, — и онъ и его товарищи меньше будутъ думать о сходкахъ въ зданіи учебныхъ заведеній. Не имѣя возможности домашняго общенія для какихъ то ни было цѣлей, даже самыхъ невинныхъ, студенты не пользуются и личною безопасностью въ частной жизни. Наблюденіе, учрежденное надъ студентами, имѣетъ не только характеръ надзора, но переходитъ во вмѣшательство въ частную ихъ жизнь. Гдѣ бываетъ студентъ? Чѣмъ занимается? Когда возвращается домой? Что читаетъ? Что пишетъ? Таковы вопросы, обращаемые полиціей къ дворникамъ и квартирнымъ хозяевамъ, т. е., людямъ обыкновенно мало развитымъ, слѣдовательно, исполняющимъ требованія полиціи съ безцеремонностью и безтактностью, раздражающею впечатлительную молодежь. Притомъ же обязанности, возлагаемыя полиціей на квартирныхъ хозяевъ, и частыя посѣщенія студенческихъ квартиръ полиціей обременяютъ хозяевъ до такой степени, что многіе изъ нихъ, притомъ лучшіе, положительно отказываются держать у себя студентовъ, во избѣжаніе непріятныхъ столкновеній съ полиціей.“

Далѣе совѣтъ изъясняетъ, что всякое студенческое волненіе, каковъ бы ни былъ его поводъ, уже разсматривается внѣ-университетскими властями какъ движеніе политическое и грозящее государственному порядку, и не только исключенные университетскимъ судомъ въ мартѣ 1869 г., но и удаленные изъ университета на годъ были немедленно высланы изъ города и отданы подъ надзоръ полиціи, и въ декабрѣ 1878 г. полицейскій приставъ прислалъ непосредственно отъ себя отношеніе ректору о сообщеніи ему списка лицъ, преданныхъ университетскому суду. Временное удаленіе изъ университета нѣсколькихъ лицъ, дѣйствующихъ дурно на молодежь, было бы полезно, а иногда и необходимо; но „университетское

начальство затрудняется примѣнять къ виновнымъ высшую мѣру дисциплинарныхъ взысканій, опасаясь, что результатомъ этой мѣры будетъ высылка осужденныхъ съ учрежденіемъ надъ ними особаго полицейскаго надзора."

Указавъ затѣмъ на нѣсколько случаевъ долговременныхъ предварительныхъ арестовъ по политическимъ дѣламъ студентовъ, оправданныхъ впослѣдствіи рѣшеніями судебныхъ мѣстъ, а также на административныя высылки оправданныхъ по суду, Совѣтъ прибавляетъ: „Подобные случаи, конечно, не могутъ дѣйствовать на молодежь въ смыслѣ развитія уваженія къ закону и къ судебнымъ рѣшеніямъ, являясь притомъ нерѣдко непосредственнымъ источникомъ новыхъ волненій."

„Такимъ образомъ, — заключаетъ Совѣтъ, — ближайшими причинами студенческихъ безпорядковъ являются преимущественно слѣдующія:

1. Предвзятое недовѣрчивое отношеніе къ студенчеству, какъ элементу будто бы по существу своему политически неблагонадежному;

2. Значительныя полицейскія стѣсненія студенчества въ его частной жизни, лишающія молодежь не только возможности пользоваться обществомъ товарищей, но даже отнимающія отъ нея сознаніе личной безопасности;

3. Стѣсненное положеніе университетскаго начальства, лишеннаго возможности пользоваться со спокойной совѣстью дисциплинарными мѣрами для прекращенія возникающихъ безпорядковъ, и

4. Отсутствіе строгой разборчивости въ производствѣ арестовъ и примѣненіе административныхъ каръ, гибельно дѣйствующихъ на всю будущность молодого человѣка."

Какъ мѣры къ устраненію поводовъ къ студенческимъ безпорядкамъ Совѣтомъ С.-Петербургскаго университета были указаны нижеслѣдующія:

1. Полезно открыть студенчеству возможность общенія какъ у себя дома, такъ и въ особыхъ учрежденіяхъ, приспособленныхъ къ его потребностямъ. Общеніе это несомнѣнно содѣйствовало бы смягченію нравовъ учащихся и успѣшному ходу ихъ научныхъ работъ.

2. Если на основаніи § 103 унив. уст. студенты внѣ университета подлежатъ полицейскимъ установленіямъ на общемъ основаніи, т. е., наравнѣ со всѣми обывателями, то изъ этого слѣдуетъ, что и мѣры надзора должны быть общія, а не спеціально изобрѣтенныя для студентовъ.

3. Молодежь можетъ быть удержана отъ увлеченій скорѣе ласковымъ, снисходительнымъ обращеніемъ, чѣмъ какими-либо крутыми мѣрами. Спокойное отношеніе къ движеніямъ въ средѣ молодежи, безъ употребленія чрезвычайныхъ мѣръ строгости, всего лучше можетъ прекращать возникающіе безпорядки.

4. Крайне необходимо обезпечить самостоятельность и авторитетность дѣйствій университетскаго начальства и суда по прекращенію безпорядковъ въ стѣнахъ университета. Для достиженія этой цѣли должно быть устранено всякое усиленіе дисциплинарныхъ взысканій мѣрами полиціи.

5. Для своевременныхъ распоряженій со стороны университетскаго начальства и въ видахъ предупрежденія недоразумѣній, могущихъ возникать среди молодежи вслѣдствіе, напримѣръ, арестованія кого-либо изъ ея среды и т. п., необходимо, чтобы по смыслу существующихъ законовъ обязательность увѣдомленія университетскаго начальства о совершившемся задержаніи распространялась на всѣ подлежащія власти безъ исключенія.

6. Желательно устранить примѣненіе административныхъ каръ къ учашейся молодежи. Административная высылка учащагося гибельно отражается на всей его будущности, лишая возможности образованія и ставя его въ условія, нерѣдко дѣлающія его врагомъ существующаго порядка.

Совѣтъ С.-Петербургскаго университета убѣжденъ, что когда устранятся указанные выше поводы къ безпорядкамъ среди учащейся молодежи, въ ней будетъ все сильнѣе и сильнѣе развиваться уваженіе къ закону и его требованіямъ, и она будетъ несравненно менѣе доступна къ воспріятію вредныхъ ученій." Вмѣстѣ съ тѣмъ совѣтъ высказалъ увѣренность, что „министръ народнаго просвѣщенія, и какъ глава министерства, и какъ почетный членъ университета, обратитъ особенное вниманіе на представляемую записку и окажетъ свое просвѣщенное содѣйствіе къ осуществленію предлагаемыхъ въ ней мѣръ".

Особое мнѣніе проф. Ленца.

Только одинъ членъ совѣта не присоединился къ этой запискѣ, подписанной ректоромъ А. Н. Бекетовымъ и всѣми профессорами, именно проф. Р. Ленцъ. Изъ приложеннаго къ ней особаго его мнѣнія отъ 25-го декабря 1878 г. видно,

что почтенный профессоръ признавалъ способъ дѣйствія совѣта не соотвѣтствующимъ ни важности вопроса, ни достоинству самого совѣта. „Совѣтъ университета рѣшилъ приступить къ основательному изслѣдованію дѣла о безпорядкахъ . . . . , но до окончательного обсужденія этого дѣла совѣтъ счелъ нужнымъ представить г. Попечителю С.-Петербургскаго округа записку съ изложеніемъ тѣхъ внѣшнихъ причинъ къ безпорядкамъ, которыхъ отмѣненіе весьма желательно, но не зависитъ отъ власти совѣта. . . . „Ходатайству объ отмѣнѣ какихъ-либо мѣръ должно предшествовать глубокое всестороннее обсужденіе дѣла о безпорядкахъ. Тогда, послѣ полнаго собранія фактовъ, совѣтъ будетъ въ состояніи утвердить всѣ свои предположенія о причинахъ безпорядковъ, онъ покажетъ, какія сводятся на внутренній строй учебныхъ заведеній, какія слѣдуетъ приписать невѣрному отношенію къ студенчеству, какія наконецъ недовольству и броженію общества. Имѣя въ рукахъ весь необходимый матеріалъ, совѣтъ уже не станетъ просить объ измѣненіи предвзятаго мнѣнія, онъ самъ измѣнитъ этотъ взглядъ не просьбами, а силою фактовъ и аргументовъ“. . . . „Въ запискѣ приведены выводы, указывающіе весьма убѣдительно на крайне тяжкое положеніе учащейся молодежи. Но не это требовалось показать“, доказательствъ же, что отношеніе администраціи къ студенчеству неправильное, основанное на предвзятомъ о немъ мнѣніи, въ запискѣ нѣтъ, и „покуда не приведены фактическія доказательства для этого убѣжденія, оно само можетъ быть названо предвзятымъ мнѣніемъ . . . “ „Совѣтъ покуда еще не приступилъ къ основательному разбору дѣла о безпорядкахъ, онъ не обсуждалъ даже вопроса — слѣдуетъ ли разсматривать причины, указанныя совѣтомъ, какъ послѣднія, не представляются ли онѣ сами послѣдствіями другихъ болѣе основныхъ; равнымъ образомъ въ совѣтѣ не разсматривался вопросъ, отчего въ однихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ безпорядки повторяются относительно часто, въ другихъ, напротивъ представляютъ рѣдкіе случаи“.... Проф. Ленцъ внесъ съ своей стороны, въ видѣ компромисса, новое предложеніе; но „совѣту не угодно было его принять“. Въ чемъ заключалось это новое предложеніе, въ свое время выяснено не было. По справкѣ въ настоящее время (1890 г.) оказалось, что въ журналѣ совѣта С.-Петербургскаго университета за 1878 г. никакихъ слѣдовъ этого предложенія г. Ленца сохранилось.

Запросъ г. Попечителя Округа и отвѣтъ на него Совѣта.

29-го декабря 1878 г, за № 1432, записка совѣтаС.-Петербургскаго университета была представлена г. попечителю округа, который предварительно какого-либо заключенія или представленія записки министру предложилъ совѣту (17-го янв. 1879 г.) сообщить ему „точныя и подробныя указанія на тѣ частныя случаи, каждый въ отдѣльности, которые имѣлись въ виду при обсужденіи совѣтомъ неправильнаго отношенія полиціи къ студентамъ“.

Прежде чѣмъ былъ полученъ отвѣтъ отъ университета на этотъ запросъ и дѣло было представлено министру, послѣдній получилъ отношеніе отъ шефа жандармовъ генералъ-адъютанта Дрентельна (отъ 12-го января 1879 г.) о томъ, что до „свѣдѣнія Государя Императора дошло, что будто бы профессора С.-Петербургскаго университета подали министру петицію о причинахъ студенческихъ безпорядкахъ и о мѣрахъ противъ нихъ, но, что пока Его Величеству извѣстно лишь частнымъ образомъ, что объ этомъ обсуждалось въ совѣтѣ университета и состоялся журналъ совѣта, оффиціальнаго же представленія по сему предмету онъ еще не получалъ“.

Между тѣмъ записка была напечатана подпольною типографіей съ весьма хвалебнымъ предисловіемъ отъ революціонеровъ-агитаторовъ, университетскій же актъ 8-го февраля 1879 г. начался необычнымъ возгласомъ: „Студенты привѣтствуютъ совѣтъ“.

15-го февраля послѣдовалъ и отвѣтъ Совѣта на запросъ попечителя. Въ немъ, между прочимъ, говоря, что „тотъ крайне стѣснительный надзоръ, которому подчинены студенты со стороны не только полиціи, но и квартирныхъ хозяевъ и даже дворниковъ, во всѣхъ его разнообразныхъ проявленіяхъ, о коихъ говоритъ записка, не представляетъ чего-либо исключительнаго по отношенію къ нѣкоторымъ личностямъ, а практикуется уже нѣсколько лѣтъ по отношенію ко всѣмъ студентамъ, о чемъ не только заявляли студенты профессорамъ и ректору, но неоднократно говорилось и въ печати. Совѣтъ не считалъ необходимымъ указывать на отдѣльные случаи и называть фамиліи студентовъ уже и потому, что онъ не обвинялъ въ какихъ-либо злоупотребленіяхъ отдѣльныхъ чиновъ полиціи, а указывалъ на общій взглядъ администраціи на студентовъ со всѣми его послѣдствіями. Совѣтъ

полагалъ, что чины полиціи вовсе не превышаютъ данныхъ имъ инструкцій, а считалъ именно эти инструкціи или, вѣрнѣе, систему, на которой онѣ основаны, крайне вредною для правильнаго развитія студенческой жизни. Внесеніе въ записку частныхъ случаевъ повело бы только къ безконечной перепискѣ и пререканіямъ съ отдѣльными участковыми и околодочными чинами, перепискѣ не только безполезной, такъ какъ разрѣшеніе такихъ пререканій, по самому свойству указываемыхъ фактовъ, было бы крайне затруднительно, но и вредной, такъ какъ она безъ нужды затянула бы разсмотрѣніе вопроса, имѣющаго, по мнѣнію Совѣта, настоятельную важность". Кромѣ того, „названіе фамилій студентовъ и квартирныхъ хозяевъ, заявлявшихъ о фактахъ спеціальнаго надзора за студентами, могло бы поставить ихъ въ непріятное положеніе по отношенію къ полиціи, что было бы, конечно. крайне нежелательно".

Мнѣніе г. попечителя округа по поводу записки Совѣта.

Пробѣлъ, оставленный въ запискѣ Совѣта, былъ до нѣкоторой степени восполненъ въ представленіи г. попечителя округа[1]) министру отъ 20-го февраля 1879 г. Здѣсь приведены, между прочимъ, слѣдующіе случаи: „Три студента естественнаго отдѣленія физико-математическаго факультета собрались для составленія лекцій по одному изъ предметовъ ихъ курса и вынуждены были по требованію полиціи разойтись. Другой разъ 7 студентовъ изъ самыхъ бѣдныхъ, желая какъ-нибудь удешевить свой и безъ того скудный столъ, договорились съ кухаркой, которая согласилась кормить ихъ у себя за дешевую цѣну; но полиція, узнавъ о томъ, воспретила студентамъ собираться. 6-го января сего года 2 студента, шедшіе по улицѣ, были по неизвѣстной имъ причинѣ остановлены и обысканы проѣзжавшимъ частнымъ приставомъ. Точно также недавно четверо студентовъ собрались у одного товарища на имянины, что вызвало появленіе между ними участковаго надзирателя, который тутъ же переписалъ ихъ фамиліи, а одного, вышедшаго вслѣдъ за тѣмъ, обыскалъ на улицѣ. Подобные случаи, прибавляетъ г. попечитель, весьма нерѣдки, они доходили до меня частнымъ образомъ, и только два изъ нихъ доведены были до моего свѣдѣнія оффиціально." „Довольно часто доходятъ до меня свѣдѣнія, продолжаетъ г. попечитель, что студенты не могутъ устроить себѣ стола, отвѣчающаго ихъ скуднымъ средствамъ, или пріискать себѣ квартиру, получая отказъ отъ хозяевъ, не желающихъ имѣть объясненій съ полиціей. Къ тому же это падаетъ на тѣхъ бѣдныхъ полуголодныхъ молодыхъ людей, которые ютятся по разнымъ подваламъ и чердакамъ, тогда какъ студенты, имѣющіе родителей, живущіе въ достаткѣ, оставляются въ покоѣ." Г. Попечитель распространяется вслѣдъ за тѣмъ о вредныхъ послѣдствіяхъ такого образа дѣйствій полиціи, какъ подготовляющаго почву для всякихъ революціонно-агитаторскихъ посѣвовъ, и расходится съ Совѣтомъ университета только въ томъ, что относитъ эти дѣйствія не къ системѣ, а къ неумѣлости и излишнему рвенію нѣкоторыхъ низшихъ чиновъ полиціи, указывая, что „высшія власти полиціи не оставляли безъ выясненія, а когда слѣдовало, и безъ удовлетворенія его заявленій", а также находитъ, „что въ предубѣжденіи администраціи противъ учащейся молодежи не безъ вины и она сама, а отчасти и ея наставники". „Учащаяся молодежь, руководимая Совѣтомъ, должна путемъ строгаго исполненія всѣхъ налагаемыхъ на нее существующими постановленіями обязанностей, изгладить то мнѣніе, которое не въ пользу ея сложилось въ обществѣ."

Г. Пепечитель раздѣляетъ также мнѣніе Совѣта въ пользу предоставленія молодежи способовъ общенія между собою, но находитъ, „что всякія частныя студенческія собранія съ серьезной цѣлью, а не клубы, ферейны и корпораціи, должны находиться подъ постояннымъ контролемъ одного изъ лицъ инспекціи, по выбору совѣта, и допускаются только въ томъ случаѣ, если совѣтъ и ректоръ примутъ на себя отвѣтственность за то, что собранія отудентовъ не поведутъ къ какимъ либо безпорядкамъ". Высказываясь далѣе въ пользу устройства семинарій такъ, какъ бы они были простыми собраніями студентовъ для общенія между собою съ научной цѣлью, и въ пользу собраній студентовъ, въ небольшомъ, конечно, числѣ, въ домахъ тѣхъ изъ нихъ, которые живутъ у своихъ родителей и родственниковъ, г. попечитель присовокупляетъ: „Кто же можетъ болѣе содѣйствовать устройству такихъ собраній, если не профессора — члены университетскаго Совѣта?"

Причина недовѣрчиваго отношенія администраціи къ студентамъ заключается, по мнѣнію г. попечителя, „въ неправильныхъ условіяхъ постановки студентовъ въ отношеніи какъ къ заведенію, въ которомъ они учатся, такъ и къ лицамъ, руководящимъ ихъ направленіемъ". Г. Попечитель даетъ понять, что ни инспекція, ни

ректоръ университета, ни въ особенности университетскій судъ, не собиравшійся въ продолженіе 10-лѣтъ и имѣющій почти всю дисциплинарную власть надъ студентами (право ареста до семи дней, лишеніе стипендій, увольненія, удаленія на опредѣленный срокъ и исключенія), ни совѣтъ и отдѣльные его члены — профессора, не исполняли надлежащимъ образомъ своихъ обязанностей. Три главныя причины—факторы волненій учащейся молодежи—стоятъ, по мнѣнію г. попечителя, впереди всѣхъ остальныхъ, а именно: дѣйствіе революціонной пропаганды, вліяніе большей части нашихъ повременныхъ изданій, а иногда даже и той общественной среды, изъ которой выходитъ учащаяся молодежь. „Коль скоро къ недовольной и раздражительной молодежи легко прививается политическая пропаганда, то кто же можетъ успѣшнѣе бороться съ нею, если не члены Совѣта, какъ помощью личнаго на студентовъ вліянія, такъ и съ высоты занимаемыхъ ими каѳедръ, но не вижу я изъ нея (изъ записки совѣта) указанія на тѣ мѣры, которыя принимались бы Совѣтомъ для борьбы съ этими (вышеуказанными) тремя теченіями.“

Г. попечитель вполнѣ соглашается съ мнѣніемъ совѣта, „что наложеніе еще особыхъ административныхъ взысканій на студентовъ, обвиненныхъ университетскимъ судомъ, должно крайне стѣснять университетское начальство“ и что оно „равносильно отмѣнѣ университетскмто суда“, а также съ мнѣніемъ о гибельномъ дѣйствіи административныхъ высылокъ.

„Высылка отнимаетъ у молодого человѣка возможность исправлять свой проступокъ, бросаетъ его въ среду, служащую ему большей частью окончательной пагубой, лишаетъ его способа продолжать свое образованіе и достигнуть обезпеченнаго положенія, наконецъ, возводитъ его въ глазахъ молодежи и извѣстной части общества, а затѣмъ въ его собственныхъ глазахъ, на пьедесталъ какого-то мученика. Все это способно окончательно обратить его въ пропагандиста и врага правительству, что̀ мы и видимъ. Вотъ почему, въ виду невозможности устранить кару, соотвѣтствующую административной ссылкѣ, мнѣ казалась бы предпочтительнѣе замѣна ея тюремнымъ заключеніемъ, съ предоставленіемъ студенту пользованія во время заключенія научными пособіями и права, по окончаніи срока задержанія продолжать курсъ ученія.“ По вопросу объ отсутствіи строгой разборчивости въ производствѣ арестовъ, признавъ какъ Совѣтъ, такъ и самого себя, совершенно некомпетентнымъ, по совершенной неизвѣстности всѣхъ мотивовъ, вызывающихъ тотъ или другой арестъ, ту или другую административную кару, г. попечитель въ заключеніи своемъ признаетъ „мѣрами, ведущими къ устраненію, или по крайней мѣрѣ къ уменьшенію на будущее время, безпорядковъ“ нижеслѣдующія:

„1. Постоянное дѣйствіе университетскаго суда, который долженъ собираться не только въ крайнихъ случаяхъ . . . , но и дѣйствовать въ тѣхъ маловажныхъ случаяхъ, которые влекутъ за собой замѣчанія, выговоры, аресты.

2. Строгое исполненіе университетскимъ судомъ всѣхъ возложенныхъ на него обязанностей.

3. Оставленіе безъ высылки изъ столицы студентовъ, которые по приговору университетскаго суда будутъ наказуемы удаленіемъ или увольненіемъ изъ университета.

4. Усиленіе инспекціи какъ численное, такъ и качественное, и болѣе дѣятельное отношеніе ея къ своимъ обязанностямъ, причемъ, насколько возможно, примѣненіе относительно инспекціи правилъ наблюденія (?) за студентами, имѣющими общія квартиры и матеріально дурно обставленными. Правила эти отчасти могутъ быть заимствованы изъ Дерптскаго университета.

5. Усиленіе занятій студентовъ устройствомъ профессорами семинарій, въ которыхъ бы студенты обсуждали, интересующіе ихъ въ наукѣ, вопросы и руководились профессоромъ въ своихъ чтеніяхъ, письменныхъ работахъ, сочиненіяхъ на медали и премію, а равно и диссертаціяхъ.

6. Дозволеніе бѣднымъ и благонадежнымъ студентамъ устраивать, подъ надзоромъ инспекціи, столовыя, общія квартиры и тому подобныя учрежденія, ведущія къ облегченію житейскихъ нуждъ бѣдныхъ молодыхъ людей. Конечно, за такими учрежденіями неизбѣжно долженъ быть надзоръ полиціи“, и наконецъ, одинаковость дисциплинарныхъ мѣръ во всѣхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ.

Представленіе г. попечителя заканчивается похвалами „замѣчательному такту и умѣнью“ Совѣта въ дѣлѣ студенческихъ безпорядковъ, бывшихъ въ ноябрѣ 1878 г. и оказавшихся вслѣдствіе того „скорѣе мимолетной вспышкой, чѣмъ серьезнымъ безпорядкомъ“, а также „солидарности его членовъ и отсутствію партій, всегда вредно вліяющихъ, какъ мы видимъ изъ многихъ примѣровъ, на учащуюся моло-

дежь. Этимъ его достоинствамъ, а равно заботливости и умѣнью ректора[5]) вести дѣло, слѣдуетъ приписать, что общее направленіе студентовъ университета, въ настоящее по крайней мѣрѣ время, относительно хорошо, что нарушители порядковъ составляютъ меньшинство весьма незначительное и что Совѣтъ, когда желаетъ — какъ онъ и доказалъ это нынѣшней зимой — можетъ имѣть надлежащее на молодежь нравственное вліяніе".

Отвѣтъ г. Министра Народнаго Просвѣщенія на представленіе Совѣта С.-Петербургскаго университета.

Ни представленіе г. попечителя, ни вызвавшая его записка Совѣта С.-Петербургскаго университета не были предметомъ какого-либо особаго обсужденія ни въ Ученомъ Комитетѣ, ни въ совѣтѣ министровъ, быть можетъ потому, что означенная записка окончательно вызвала рѣшимость министра внести, наконецъ, проектъ новаго устава университетовъ на разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта. Попечителю же С.-Петербургскаго округа было предложено (отъ 2-го марта) „обратить вниманіе Совѣта на неумѣстность и несвоевременность представленія этой записки и поставить Совѣту на видъ, что въ сей запискѣ онъ вышелъ далеко за предѣлы предоставленныхъ ему закономъ правъ и обязанностей".

Указавъ на то, что случай, побудившій Совѣтъ „заняться теоретическимъ изученіемъ причинъ безпорядковъ между студентами и найти ихъ въ дѣйствіяхъ полиціи", не заключаетъ въ себѣ никакого столкновенія между полиціей и студентами, а „составляетъ вполнѣ внутреннее происшествіе въ жизни университета, вызванное главнымъ образомъ тѣмъ, что университетское начальство въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ терпѣло въ университетскихъ стѣнахъ студенческія сходки, запрещенныя существующими правилами", министръ продолжаетъ: „Неумѣстность и несвоевременность такого теоретическаго разслѣдованія и представленія мнѣ результатовъ онаго именно въ настоящее время болѣе чѣмъ очевидны. Университету, конечно, не безызвѣстно, что наше время богато такими прискорбными проявленіями, которыя указываютъ скорѣе на недостаточность силы полиціи, чѣмъ на противное, и правительство, по необходимости, обращаетъ все свое вниманіе не только на усиленіе бдительности и средствъ полиціи, но и на возвышеніе въ глазахъ публики нравственнаго ея авторитета. Такому стремленію правительства не можетъ не сочувствовать и не содѣйствовать всякій вѣрноподданный, кому дороги интересы общественной безопасности и государственнаго порядка и благоустройства. Если это долгъ каждаго гражданина, то правительство вполнѣ въ правѣ ожидать того же отъ всѣхъ своихъ органовъ, дабы общими силами разыскать и уничтожить то скопище злодѣевъ, которое, не гнушаясь никакими средствами, прибѣгая то къ открытому возмущенію, то къ потаенной агитаціи и даже къ убійству, стремится къ уничтоженію всего существующаго порядка вещей. Въ такую тяжкую годину, переживаемую Россіей, ученая корпорація столичнаго университета выступаетъ съ обвиненіемъ противъ полиціи и видитъ въ ней объясненіе происходящихъ между учащеюся молодожью безпорядковъ. Не довольствуясь этимъ, та же корпорація объясняетъ въ оффиціальномъ представленіи, что зло это происходитъ отъ всей принятой правительствомъ системы, на которой основаны данныя полиціи инструкціи". Указавъ на факты заявленнаго уже со стороны части студентовъ и со стороны подпольной печати весьма естественнаго сочувствія къ такому образу дѣйствій Совѣта и обращаясь къ содержанію его записки, предложеніе министра настаиваетъ на томъ, что „такое не подтвержденное фактами обвиненіе со стороны одного изъ органовъ правительства противъ правительственной системы въ администраціи, не останавливающееся притомъ на полиціи, но идущее далѣе и требующее отмѣны всякихъ мѣръ, принимаемыхъ администраціей для обезпеченія самихъ же университетовъ отъ вреднаго вліянія оказавшихся уже неблагонадежными личностей, — заходитъ уже за всякіе предѣлы правъ, предоставленныхъ Совѣтамъ университетовъ... Ни одна статья университетскаго устава не даетъ Совѣту права разсуждать о предметахъ внутренняго государственнаго управленія и о распоряженіяхъ высшей административной власти, образъ дѣйствій которой ни въ какомъ случаѣ не подлежитъ обсужденію и критикѣ университетскаго Совѣта... Полиція не можетъ не быть особенно бдительна въ отношеніи къ учащейся молодежи въ такія времена, когда ею производятся уличные безпорядки, и въ особенности касательно личностей, возбудившихъ уже противъ себя чѣмъ-либо подозрѣніе..., но это нисколько не мѣшаетъ ректору университета въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ мелочной и несправедливой придирчивости со стороны полиціи, если бы это случилось, обращаться куда слѣдуетъ, для обузданія неумѣлаго или слишкомъ усердствующаго полицей-

скаго чиновника..., и я убѣжденъ, что г. с.-петербургскій градоначальникъ будетъ благодаренъ за каждое такое указаніе и приметъ зависящія мѣры, если справедливость онаго подтвердится, чтобы подобные случаи не повторялись". Относительно того невыгоднаго мнѣнія, какое сложилось въ администраціи и въ самомъ обществѣ о студентахъ, въ предложеніи министра Народнаго Просвѣщенія сказано: „Весьма грустный фактъ этотъ, безспорно справедливый въ отношеніи той части молодежи, которая производитъ въ продолженіе послѣднихъ лѣтъ постоянные безпорядки, то въ стѣнахъ заведенія, то внѣ оныхъ, не можетъ быть устраненъ ни законодательными, ни административными мѣрами, а единственно лишь самими студентами, которые своимъ добрымъ поведеніемъ заставили-бы общество перемѣнить невыгодное о нихъ мнѣніе". Впрочемъ, ни администрація, ни общество „никогда не почитали всѣхъ вообще студентовъ неблагонадежными, а всегда протягивали имъ руку помощи, гдѣ это было нужно и возможно... Само собою разумѣется, что соціалистическая агитація не имѣетъ и не можетъ имѣть своего центра между студентами, а заносится извнѣ зловредными агитаторами и находитъ себѣ почву и развитіе въ средѣ лишь нѣкоторой ненадежной части молодежи. Отъ самого университета зависитъ принять мѣры, чтобы неблагонадежное меньшинство студентовъ... („добивающееся невозможныхъ правъ, терроризирующее другихъ студентовъ и мѣшающее имъ заниматься въ университетѣ тѣмъ, для чего онъ учрежденъ, т. е. наукою и ученьемъ") „находило себѣ достаточный отпоръ въ большинствѣ несомнѣнно благонадежныхъ", но университетъ вовсе не пользуется для сего всѣми дарованными ему полномочіями. „Никто не помѣшаетъ порядочнымъ и ни въ чемъ не замѣшаннымъ и не заподозрѣннымъ студентамъ посѣщать другъ друга для занятій или для бесѣды. Что же касается какого бы то ни было корпоративнаго устройства студентовъ или студенчества, какъ выражается Совѣтъ, то печальный опытъ послѣдняго времени, какъ до изданія устава 1863 г., такъ и послѣ изданія сего устава, долженъ былъ бы, какъ я полагаю, достаточно убѣдить Совѣтъ университета въ безцѣльности и невозможности разрѣшенія чего-либо подобнаго. Во всякомъ случаѣ я съ своей стороны считаю допущеніе подобныхъ студенческихъ обществъ и сопряженныхъ съ нимъ сборищъ положительно вреднымъ для университета и для самихъ студентовъ". Предложеніе это было доведено до свѣдѣнія самого Государя Императора, и Его Императорскимъ Величествомъ было одобрено 1-го марта 1879 г., а на другой день было препровождено къ попечителю округа. Другихъ послѣдствій записка Совѣта не имѣла. Но какъ сказано, она побудила графа Д. А. Толстого не медлить болѣе дѣломъ о новомъ университетскомъ уставѣ.

Участіе воспитанниковъ учебныхъ заведеній въ противогосударственной пропагандѣ съ половины 1873 г. по 1 января 1877 г.

Студенты, а вслѣдъ за ними, по ихъ примѣру и подъ ихъ вліяніемъ и ученики среднихъ учебныхъ заведеній, въ значительномъ числѣ принимали участіе въ противогосударственной пропагандѣ, а именно съ половины 1873 г. и по 1 января 1877 г. воспитанниковъ высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній, считая и выбывшихъ, было выше 50 % общаго числа лицъ, прикосновенныхъ къ означенной пропагандѣ и такъ или иначе привлекавшихся къ дѣламъ объ оной, производившимся и оконченныхъ производствомъ за означенное время въ III-мъ Отдѣленіи Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, или около 820 ч., въ томъ числѣ 523 студента (32,7 % общаго числа) и 297 воспитанниковъ среднихъ учебныхъ заведеній (18,3 % общаго числа). Особое Совѣщаніе, образованное для обсужденія причинъ, препятствующихъ положить предѣлъ усиливающейся противогосударственной агитаціи, и для изысканія мѣръ, которыя было бы полезно принять къ ея ослабленію, усмотрѣвъ, что агитація эта обнаруживается и между воспитанниками среднихъ учебныхъ заведеній, скорѣе доступными исправленію, чѣмъ тѣ лица, въ которыхъ преступныя мысли успѣли пустить болѣе глубокіе корни, пришло къ предположенію о возможности учредить, въ особо избранной для того мѣстности, отдаленной отъ столицы и большихъ городовъ, учебное исправительное заведеніе, въ которое могли бы быть отсылаемы воспитанники и ученики, подлежащіе судебному преслѣдованію или по крайней мѣрѣ исключенію изъ своихъ заведеній за участіе въ дѣлахъ противогосударственной и соціальной пропаганды.

Проектъ средняго исправительнаго учебнаго заведенія (1878—1879 года).

Первоначальный проектъ для такого заведенія былъ составленъ тайнымъ совѣтникомъ А. Л. Апухтинымъ, бывшимъ тогда начальникомъ Межеваго института, а для окончательной разработки вопроса о таковомъ учебно-исправительномъ за-

веденіи была, по соглашенію шефа жандармовъ и министра Народнаго Просвѣщенія, въ вѣдѣніи сего послѣдняго, учреждена коммиссія подъ предсѣдательствомъ Тайнаго Совѣтника Георгіевскаго, изъ членовъ (по одному) отъ министерствъ внутреннихъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія и отъ III Отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи. Коммиссія эта, начавъ свои труды 26-го іюля 1878 г., окончила ихъ 11-го апрѣля 1879 г., собравъ надлежащія свѣдѣнія о болѣе или менѣе подходящихъ исправительныхъ заведеніяхъ для несовершеннолѣтнихъ у насъ и заграницей (въ томъ числѣ въ особенности о такъ называемыхъ Maison Paternelle въ Метгрэйской колоніи близъ Тура), и составила подробный проектъ учебно-исправительнаго института съ объяснительною къ нему запискою и штатомъ. Институтъ этотъ разсчитанъ былъ на 200 воспитанниковъ, раздѣляемыхъ для воспитательно-исправительныхъ цѣлей на 12 группъ, каждая въ вѣдѣніи особаго воспитателя-преподавателя и въ особомъ помѣщеніи, при чемъ лица, принадлежащія къ различнымъ группамъ, сходились бы между собою лишь въ церкви и въ классѣ, но не въ свободное отъ молитвы или ученія время. Далѣе, для болѣе виновныхъ или строптивыхъ предполагались совсѣмъ одиночныя помѣщенія (числомъ 10) и одиночное обученіе. Для ученія воспитанники распредѣлялись бы на отдѣленія гимназическое и реальное (по основному и коммерческому подраздѣленію) и на классы, начиная съ IV и выше. Кромѣ директора и его помощника предполагалось 23 воспитателя, занимающихся вмѣстѣ съ тѣмъ и преподаваніемъ. Занятія пѣніемъ, садоводствомъ и огородничествомъ, а затѣмъ или инструментальною музыкою или мастерствомъ, были бы для всѣхъ обязательны.

Неуспѣвающіе въ предметахъ гимназическаго курса переводились бы въ какое-нибудь изъ отдѣленій реальнаго курса, неуспѣвающіе и въ семъ послѣднемъ обязательно и усиленно обучались бы ремесламъ. Вакаціоннаго времени не предполагалось, но въ каникулярное время уменьшалось бы число уроковъ по предметамъ и языкамъ и усиливались бы занятія искусствами, ремеслами, садоводствомъ и огородничествомъ. Отпуски не дозволялись бы, кромѣ какъ въ совершенно исключительныхъ случаяхъ; дозволеніе свиданій съ посторонними лицами зависѣло бы единственно отъ дирекціи; переписка между воспитанниками и ихъ родственниками шла бы не иначе какъ черезъ воспитателей. Это учебно-исправительное заведеніе предполагалось въ вѣдомствѣ министра Народнаго Просвѣщенія, при нѣкоторомъ участіи министра Внутреннихъ Дѣлъ и шефа жандармовъ, а именно директоръ его избирался бы по соглашенію съ нимъ, и по дѣламъ о составленіи или измѣненіи правилъ о внутреннихъ порядкахъ въ институтѣ, о надзорѣ при сужденіи объ ихъ исправленіи, о допущеніи къ выпускнымъ экзаменамъ (которые держатся не въ институтѣ, а въ ближайшемъ къ нему по мѣсту соотвѣтственномъ учебномъ заведеніи), объ увольненіи и исключеніи ихъ, въ педагогическомъ совѣтѣ обязательно присутствовали бы съ правомъ голоса члены отъ означенныхъ вѣдомствъ, по одному отъ каждаго. Устройство подобнаго института предполагалось въ сельской мѣстности, въ одной изъ центральныхъ губерній, неподалеку отъ желѣзныхъ дорогъ.

Представляя свой проектъ, коммиссія не могла не обратить особаго вниманія какъ на безпримѣрность подобнаго учебнаго заведенія, на крайнюю трудность полнаго достиженія предполагаемыхъ цѣлей, такъ и на дороговизну его содержанія (159 т. р.), на неудобство учреждать какъ бы постоянное учебное заведеніе въ виду крайне ненормальныхъ обстоятельствъ, имѣющихъ несомнѣнно лишь временный характеръ, и на предпочтительность мѣръ, которыя имѣли бы своею цѣлью оздоровленіе ненормальныхъ учебныхъ заведеній, прежде же всего университетовъ, какъ преимущественно дающихъ всѣмъ среднимъ учебнымъ заведеніямъ ихъ преподавателей и сверхъ того весьма дурно вліяющихъ черезъ своихъ студентовъ на воспитанниковъ старшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній, — оздоровленіе, для котораго необходимо и оздоровленіе всей вообще нашей среды.

Какъ по симъ соображеніямъ, такъ и еще болѣе по причинѣ совершенной перемѣны съ 6-го февраля 1880 г. во внутренней правительственной политикѣ, проектъ означеннаго учебно-исправительнаго заведенія не имѣлъ никакихъ послѣдствій.

Новое устройство университетской инспекціи въ 1879 г.

Но прежде чѣмъ означенная перемѣна произошла, была сдѣлана попытка преобразовать университетскій уставъ 1863 г., въ той его части, которая относится къ порядку управленія и надзора за студентами и къ устройству университетской инспекціи. Главнымъ начинателемъ этой попытки былъ временный Харьковскій

генералъ-губернаторъ графъ Лорисъ-Меликовъ, который, прибывъ изъ Харькова въ С.-Петербургъ подъ впечатлѣніемъ безпрерывно возобновлявшихся въ Харьковѣ въ 1878—1879 учебномъ году студенческихъ безпорядковъ, справедливо указывалъ, что при тогдашнемъ коллегіальномъ порядкѣ управленія университетами въ нихъ нѣтъ должностныхъ лицъ, которыя дѣйствительно несли бы на себѣ отвѣтственность за соблюденіе въ нихъ порядка, и очень настаивалъ на томъ; чтобы не только всѣ чины инспекціи, но и деканы и ректоръ были, безъ всякихъ выборовъ со стороны профессорскихъ коллегій, непосредственно назначаемы правительственною властью. По Высочайшему повелѣнію, подъ предсѣдательствомъ статсъ-секретаря Валуева и при участіи министровъ народнаго просвѣщенія, финансовъ, юстиціи и внутреннихъ дѣлъ, статсъ-секретаря (нынѣ графа) И. Д. Делянова и графа Лорисъ-Меликова состоялось совѣщаніе, которое указывало на необходимость еще до начала новаго (1879—1880) учебнаго года принять мѣры для предупрежденія возможности возобновленія безпорядковъ между студентами университетовъ и послѣ продолжительныхъ преній остановилось на мысли оставить ректоровъ и деканов на прежнемъ основаніи, но совершенно измѣнить порядокъ управленія и надзора за студентами и самое положеніе университетской инспекціи. Предположенія означеннаго совѣщанія были 23-го іюля 1879 г. Высочайше одобрены и вмѣстѣ съ тѣмъ было Высочайше повелѣно объ исполнительныхъ въ отношеніи къ нимъ распоряженіяхъ ежемѣсячно доводить до Высочайшаго свѣдѣнія по 1-му Отдѣленію Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи. 25-го іюля того же года уже было внесено по сему предмету министромъ народнаго просвѣщенія представленіе въ комитетъ министровъ, а 2-го августа было уже Высочайше утверждено положеніе комитета министровъ о томъ, чтобы въ видѣ временной мѣры, впредь до утвержденія новаго общаго устава Императорскихъ Россійскихъ университетовъ: 1. предоставить министру народнаго просвѣщенія составить, не стѣсняясь университетскимъ уставомъ 1863 г., инструкцію для университетской инспекціи, съ присовокупленіемъ правилъ о дарованіи разныхъ льготъ, пособій и стипендій, и ввести оную въ дѣйствіе во всѣхъ университетахъ, подлежащихъ дѣйствію общаго устава; 2. предоставить попечителямъ учебныхъ округовъ, въ случаяхъ, если ими самими или мѣстнымъ генералъ-губернаторомъ существующая нынѣ университетская инспекція будетъ признана не соотвѣтствующею своему назначенію, измѣнять ея составъ по соглашенію съ мѣстнымъ генералъ-губернаторомъ, при чемъ объ утвержденіи инспектора (или проректора) представлять министру народнаго просвѣщенія, а помощниковъ инспектора утверждать собственною властью, и 3. предоставить попечителямъ учебныхъ округовъ увеличивать составъ университетской инспекціи, по мѣрѣ надобности и возможности, назначеніемъ бо́льшаго противъ положеннаго по штатамъ числа помощниковъ инспектора, съ отнесеніемъ потребныхъ по сему предмету расходовъ на спеціальныя средства университетовъ.

Противъ предположеній, высказанныхъ въ особомъ совѣщаніи, въ представленіи министра народнаго просвѣщенія сдѣланы два измѣненія въ смыслѣ расширенія испрашивавшихся для правительственной власти полномочій, а именно относительно правилъ о льготахъ, пособіяхъ и стипендіяхъ для студентовъ и относительно увеличенія числа помощниковъ инспектора, причемъ возникшая въ министерствѣ народнаго просвѣщенія мысль о присоединеніи къ составу инспекціи во всѣхъ университетахъ педелей была устранена самимъ министромъ. Съ другой стороны, особое совѣщаніе требовало, чтобы инструкція для университетской инспекціи была составлена и утверждена по соглашенію съ генералъ-губернаторами, министръ народнаго просвѣщенія въ видахъ ускоренія хода этого дѣла въ своемъ представленіи въ комитетъ министровъ предполагалъ ограничиться соглашеніемъ лишь съ двумя генералъ-губернаторами: С.-Петербургскимъ и Харьковскимъ; но комитетъ министровъ обошелъ этотъ пунктъ совершеннымъ молчаніемъ, за то занесъ въ свой журналъ указанія своего предсѣдателя генералъ-адъютанта графа Игнатьева 1 на тѣ полномочія, которыя самимъ уставомъ 1863 г. были предоставлены попечителямъ учебныхъ округовъ (а именно принимать всѣ нужныя, по ихъ усмотрѣнію, мѣры, чтобы принадлежащія къ университетамъ мѣста и лица исполняли свои обязанности, въ случаяхъ же чрезвычайныхъ дѣйствовать всѣми способами, хотя бы они и превышали ихъ власть; сверхъ того, дѣлать университетскому совѣту предложенія и утверждать проектируемыя совѣтомъ правила объ обязанностяхъ студентовъ и о взысканіяхъ за нарушеніе оныхъ, утверждать предположенія правленія о назначеніи пособій бѣднымъ студентамъ и по ходатайствамъ объ освобожденіи отъ платы за слушаніе лекцій, а равно и утверждать избранный совѣтомъ способъ контроля надъ занятіями студентовъ), причемъ находилъ необ-

ходимымъ, чтобы министръ народнаго просвѣщенія безъ всякаго замедленія далъ попечителямъ учебныхъ округовъ необходимыя указанія относительно пользованія принадлежащими имъ правами въ полномъ ихъ пространствѣ и объемѣ, на что графъ Д. А. Толстой тотчасъ же изъявилъ свое согласіе. Тѣмъ не менѣе графъ Д. А. Толстой считалъ необходимымъ предварительное соглашеніе какъ со всѣми генералъ-губернаторами, такъ и съ попечителями учебныхъ округовъ относительно инструкціи инспекціи, правилъ для студентовъ и предложенія попечителямъ, проекты коихъ были по его порученію составлены т. сов. Георгіевскимъ, который былъ командированъ въ Москву, Харьковъ, Кіевъ, Одессу для скорѣйшаго и легчайшаго достиженія соглашенія съ мѣстными попечителями и генералъ-губернаторами. Хотя 15-го уже августа онъ выѣхалъ изъ Москвы съ заготовленными имъ проектами, тѣмъ не менѣе только 26-го октября 1879 г. означенныя инструкція, правила и предложеніе были окончательно установлены, подписаны и разосланы, и только въ С.-Петербургскомъ университетѣ приведены въ исполненіе съ самаго начала учебнаго года въ первоначальномъ своемъ видѣ.

Мѣры эти были направлены къ существенному измѣненію организаціи и быта университетовъ. Ими прежде всего упразднялся университетскій судъ съ его выборными судьями изъ числа профессоровъ юридическаго факультета, какъ доказавшій на дѣлѣ полную свою несостоятельность; функціи его переходили всецѣло къ правленію, съ ректоромъ во главѣ, изъ декановъ, съ непремѣннымъ и авторитетнымъ участіемъ инспектора студентовъ; вмѣстѣ съ тѣмъ совѣтъ университета устранялся вовсе отъ участія въ судебной, карательной власти надъ студентами, тогда какъ прежде онъ разсматривалъ и утверждалъ приговоры суда; онъ же устранялся и отъ раздачи студентамъ стипендій, каковое право исключительно принадлежало ему на основаніи представленій факультетовъ, теперь же всѣ дѣла о льготахъ студентамъ должны были сосредоточиваться въ правленіи, но могли быть вчинаемы только инспекторомъ на основаніи какъ собранныхъ инспекціей, такъ и доставленныхъ ей отъ профессоровъ и факультетовъ свѣдѣній, и подлежали окончательному утвержденію попечителя округа. Одновременно съ лишеніемъ карательной и милующей власти надъ студентами, совѣтъ университета лишался права располагать по своему усмотрѣнію спеціальными суммами (главнѣйше сборомъ платы за ученіе) и ограничивался въ избирательныхъ своихъ правахъ. Предлагая значительно усилить и расширить дѣятельность университетской инспекціи, нельзя было не сознать необходимости значительно увеличить личный ея составъ, по указаніямъ бывшаго временнаго С.-Петербургскаго генералъ-губернатора ген.-адъютанта Гурко, по меньшей мѣрѣ, въ такомъ размѣрѣ, чтобы на каждаго помощника инспектора приходилось не болѣе 150 студентовъ, съ отнесеніемъ расходовъ по этой части на спеціальныя суммы университетовъ, почему и смѣта доходовъ и расходовъ изъ этихъ суммъ должна была представляться правленіемъ на окончательное утвержденіе не совѣта, а попечителя округа, и уже отъ усмотрѣнія сего послѣдняго зависѣло, спросить ли по этому предмету мнѣніе совѣта, или вовсе его не спрашивать. Ограниченіе же совѣта въ его избирательныхъ правахъ заключалось въ томъ, что всѣ чины инспекціи, равно какъ секретарь по студенческимъ дѣламъ и университетскій врачъ, какъ лица, обязанныя исполнять порученія инспектора относительно студентовъ, были назначаемы безъ всякихъ выборовъ попечителемъ округа — чины инспекціи по соглашенію съ генералъ-губернаторомъ (а въ Казани съ губернаторомъ), и притомъ инспекторъ съ утвержденія министра, а всѣ прочіе собственною его властью по представленію инспектора. Инспекція ставилась очень твердо и совершенно независимо отъ всѣхъ прочихъ университетскихъ властей, въ непосредственное подчиненіе попечителю округа и подъ его руководство. Ректоръ обязанъ былъ имѣть общее наблюденіе за правильностью и успѣшностью ея дѣйствій, но о результатахъ своихъ наблюденій долженъ былъ доносить попечителю, не дѣлая самъ никакихъ распоряженій, замѣчаній или выговоровъ чинамъ инспекціи. Какъ лицо, наблюдающее за инспекціей и какъ предсѣдатель правленія, состоящаго изъ выборныхъ декановъ, выборный ректоръ сохранялъ за собою весьма значительный авторитетъ и относительно студентовъ; впрочемъ, никакой карательной власти непосредственно ему не присвоивалось, и вчинаніе всѣхъ дѣлъ о студентахъ въ правленіи исключительно ввѣрялось инспектору, и дѣла эти, въ случаѣ разногласія между инспекторомъ и прочими членами правленія, должны были идти на окончательное рѣшеніе попечителя округа. Собственная карательная власть инспектора не шла далѣе выговора со внесеніемъ въ штрафную книгу и ареста не болѣе какъ на 7 дней; дальнѣйшія взысканія могли быть налагаемы правленіемъ, причемъ исключеніе изъ университета безъ права

поступленія въ какое-либо другое учебное заведеніе — не иначе какъ съ утвержденія попечителя.

Располагая болѣе или менѣе всѣми карами, которыя могли постичь студентовъ, и всѣми милостями, какія могли быть имъ оказаны, непосредственно подчиненный только попечителю округа, имѣя голосъ въ правленіи по всѣмъ дѣламъ, и особенно вѣскій, почти рѣшающій по дѣламъ студентовъ, располагая достаточнымъ числомъ непосредственно подчиненныхъ ему помощниковъ, по меньшей мѣрѣ по 1 на каждыхъ 150 студентовъ, инспекторъ студентовъ вмѣстѣ со всѣми своими помощниками являлся властью, не только охраняющею внѣшній порядокъ во всѣхъ университетскихъ помѣщеніяхъ, не только надзирающею за студентами въ этомъ отношеніи, но и завѣдывающею ими какъ въ дисциплинарномъ, такъ и въ нравственномъ отношеніи, властью до нѣкоторой степени нравственно-воспитательною, причемъ наблюденію ея подлежало поведеніе студентовъ не только въ университетѣ, но и внѣ его при содѣйствіи полиціи, которой вмѣнялось въ обязанность исполнять всѣ законныя требованія инспекціи и увѣдомлять ее о всякомъ дошедшемъ до ея свѣдѣнія предосудительномъ поступкѣ студентовъ.

Инспекція въ цѣломъ составѣ своемъ (т. е. хотя бы одинъ изъ ея членовъ по принадлежности) должна была знать ввѣренныхъ ей студентовъ въ лицо и по фамиліи, а по возможности также характеръ и наклонности каждаго изъ нихъ, часто обращаясь между ними, распрашивая ихъ объ обстоятельствахъ ихъ воспитанія, о родѣ ихъ жизни и занятіяхъ, объ ихъ знакомствахъ, о способахъ существованія, посѣщая ихъ на ихъ квартирахъ, особенно тѣхъ изъ нихъ, которые не являются на лекціи хотя бы только въ продолженіе трехъ дней, не давая знать о причинѣ неявки. Въ видахъ сближенія студентовъ съ чинами инспекціи первымъ вмѣнено было въ обязанность по всѣмъ своимъ дѣламъ и надобностямъ обращаться къ указанному каждому изъ нихъ помощнику инспектора, для чего послѣдніе обязаны были опредѣлить ежедневно извѣстные часы пріема; сверхъ того студенты были обязаны ежемѣсячно въ указанные дни и часы являться для визировки выданныхъ имъ отъ инспекціи билетовъ на жительство: имѣлось, между прочимъ, въ виду положить этимъ конецъ отчужденію студентовъ отъ университета, проживательству нѣкоторыхъ изъ нихъ даже внѣ университетскаго города, нерѣдкимъ разъѣздамъ тѣхъ или другихъ изъ нихъ по разнымъ университетскимъ городамъ особенно съ цѣлью агитаціи, а, главное, усилить способы ознакомленія чиновъ инспекціи со ввѣренными имъ студентами, при чемъ предполагалось, что визировка эта будетъ происходить ежедневно и что съ этою цѣлью студенты будутъ распредѣлены по днямъ мѣсяца, такъ что на каждый день, въ особо назначенный для того часъ, помощнику инспектора придется имѣть дѣло по большей мѣрѣ съ пятью изъ ввѣренныхъ ему 150 студентовъ.

Особенному вниманію инспекціи поручались студенты, пользующіеся стипендіями, пособіями и какими-либо льготами относительно платы за ученіе. „Отнюдь не должно быть терпимо, чтобы этими преимуществами и льготами пользовались не только неисправные въ какомъ-бы то ни было отношеніи студенты, но и такіе, которые по своему образу мыслей и жизни и по своему характеру и наклонностямъ неспособны служить добрымъ примѣромъ для товарищей“. За полученіемъ стипендій студенты должны были являться лично къ инспектору или указанному имъ его помощнику. По отношенію къ стипендіатамъ, обнаружившимъ наклонность издерживать стипендію не надлежащимъ образомъ, предоставлялось чинамъ инспекціи разсрочивать выдачу стипендіи или же уплачивать изъ нея за квартиру студента, за его столъ, одежду и т. д. Предоставлялось также инспектору съ разрѣшенія попечителя замѣнять выдачу стипендій на руки студентамъ устройствомъ для нихъ или для нѣкоторыхъ изъ нихъ общежитій подъ непосредственнымъ надзоромъ его и одного изъ его помощниковъ. „На устройство общежитій желательно обращать возможно большую часть стипендій“. Одна кондуитная книга, съ занесеніемъ въ нее всѣхъ данныхъ и свѣдѣній о каждомъ студентѣ, ведется о стипендіатахъ и прочихъ, пользующихся пособіями и льготами, и другая подобная же объ остальныхъ студентахъ; факультетамъ вмѣняется въ обязанность сообщать инспектору чрезъ каждые два мѣсяца и тотчасъ же послѣ репетицій и экзаменовъ свѣдѣнія объ особыхъ занятіяхъ и трудахъ и объ успѣхахъ въ наукахъ каждаго студента; о студентахъ, замѣченныхъ профессоромъ въ неисправномъ посѣщеніи лекцій или въ уклоненіи отъ обязательныхъ для нихъ научныхъ упражненій и письменныхъ работъ, профессора обязаны немедленно сообщать декану факультета и университетской инспекціи, которая обязана и сама неослабно слѣдить всѣми зависящими отъ нея способами за исправнымъ посѣщеніемъ студентами университетскихъ лекцій

и еженедѣльно доводить до свѣдѣнія попечителя, сколькими студентами каждаго курса, отдѣленія, факультета и сколько лекцій въ общей сложности было пропущено. Дабы облегчить студентамъ эту обязанность, предложено попечителямъ не допускать слишкомъ неравномѣрнаго распредѣленія числа лекцій по днямъ недѣли (бывали такіе примѣры, что однимъ и тѣмъ же студентамъ приходилось слушать то по одной, то по шести лекцій въ день), а равно не допускать и оставленія промежутковъ между лекціями, литографированіе же лекцій самими студентами вновь запрещено съ тѣмъ, что инспекція обязана отбирать литографированныя лекціи, а виновныхъ въ имѣніи таковыхъ подвергать взысканію. Инспекторъ не обязанъ принимать на себя ходатайство о предоставленіи стипеній, пособій или какихъ-либо льготъ тѣмъ студентамъ, о занятіяхъ коихъ ему не доставлено никакихъ одобрительныхъ удостовѣреній ни факультетами, ни отдѣльными профессорами. Сверхъ того требовалось еще, чтобы кто-либо изъ преподавателей факультета (изъ числа указанныхъ инспекторомъ) поручился за студента, желающаго получить стипендію, пособіе или льготу, и при этомъ согласился принять его подъ свое ближайшее руководство, попеченіе и отвѣтственность. Назначаются стипендіи, пособія и льготы не болѣе какъ на годъ и по истеченіи года возобновляются тѣмъ же порядкомъ, т. е. по ходатайству инспектора правленіемъ съ утвержденія попечителя. Инспектору, почти въ тѣхъ выраженіяхъ, какъ и въ инструкціи 1837 г., вмѣнялось въ обязанность „отличать своимъ обхожденіемъ и ходатайствомъ предъ правленіемъ и попечителемъ тѣхъ изъ учащихся, въ коихъ онъ замѣтитъ, при хорошихъ успѣхахъ, чистоту нравовъ, правильный образъ мыслей и благородство характера и поведенія".

Въ предложеніи попечителямъ особенно указывалось на необходимость, чтобы инспекторъ былъ „непремѣнно развитою личностью", равно какъ каждый изъ его помощниковъ. „Но, говорится далѣе, достиженіе предположенной высшимъ правительствомъ цѣли прочнаго огражденія университетовъ отъ всѣхъ происковъ и усилій преступной пропаганы и агитаціи, направленныхъ главнѣйше на питомцевъ какъ этихъ, такъ и другихъ разсадниковъ высшаго образованія, едва ли окажется возможнымъ безъ дружнаго и энергичнаго содѣйствія университетской инспекціи со стороны всѣхъ университетскихъ властей и отдѣльныхъ университетскихъ преподавателей. Къ таковому содѣйствію Вы (попечитель округа) и имѣете ихъ призвать, пользуясь для сего принадлежащими Вамъ правами въ полномъ ихъ пространствѣ и объемѣ". Указавъ на эти права, циркуляръ министра отъ 26 октября 1879 г. продолжаетъ: „Обстоятельства настоящаго времени, когда дѣло идетъ о востановленіи духа порядка и дисциплины между учащимися, какъ несомнѣннаго и перваго условія правильнаго и спокойнаго существованія университетовъ и прочнаго огражденія учащейся въ нихъ молодежи отъ происковъ и усилій преступной агитаціи, и потому впредь до полнаго возстановленія духа дисциплины и порядка между учащимися во ввѣренномъ Вамъ университетѣ, Вы уполномочиваетесь дѣйствовать для достиженія этой цѣли всѣми способами, хотя бы они и превышали предоставленную Вамъ власть. Вы потребуете, чтобы всѣ университетскія власти и преподаватели оказывали всевозможное содѣйствіе инспекціи во всѣхъ случаяхъ, въ особенности же въ случаѣ какихъ либо возникающихъ безпорядковъ и волненій между студентами, когда весь университетскій совѣтъ и всѣ отдѣльные преподаватели могутъ быть призваны Вами для предупрежденія всѣми зависящими отъ нихъ способами уклоненія учащихся съ пути долга и для предотвращенія тѣхъ бѣдствій, какія отъ этого могутъ послѣдовать какъ для нихъ самихъ, такъ и для цѣлаго университета, вслѣдствіе закрытія его въ цѣломъ составѣ или отдѣльными курсами и факультетами".

Такимъ образомъ и попечителямъ даны были неограниченныя полномочія для возстановленія духа порядка и дисциплины между студентами университетовъ, и настойчиво и неоднократно было имъ указываемо, что всѣ профессора и преподаватели должны были быть привлечены къ содѣйствію инспекціи въ этомъ важнѣйшемъ для университетовъ при данныхъ обстоятельствахъ дѣлѣ.

Въ правилахъ для студентовъ, одновременно съ инструкціей для инспекціи разосланныхъ по всѣмъ университетамъ, большею частью были повторены уже существовавшія и прежде правила; въ виду же тѣхъ безобразій, которыя представляло тогда студенчество, были съ особенною настойчивостью предложены нѣкоторыя весьма элементарныя правила, казалось бы, совершенно излишнія для лицъ этого возраста и образованія, какъ-то: о строгомъ соблюденіи правилъ наружнаго благоприличія, о ношеніи приличной одежды общепринятого въ образованномъ обществѣ покроя, о томъ, чтобы вездѣ вели себя скромно, вѣжливо и пристойно, ничѣмъ не нарушая тишины и порядка, чтобы ко времени прихода профессора на лекцію

всѣ были на своихъ мѣстахъ въ аудиторіи и послѣ начала лекціи не позволяли себѣ ни входить въ нее, ни выходить изъ нея, при входѣ же въ нее лицъ начальствующихъ вставали предъ ними, при встрѣчѣ же съ ними въ корридорахъ давали имъ свободный проходъ, и вообще своимъ начальникамъ и преподавателямъ вездѣ оказывали знаки уваженія, общепринятые въ отношеніяхъ младшихъ къ старшимъ, на экзаменѣ же отвѣчали стоя.

Такъ какъ во всѣхъ этихъ отношеніяхъ и сами профессора оставляли желать весьма многаго, то въ циркулярномъ предложеніи попечителямъ было сказано: „Въ видахъ водворенія духа порядка и дисциплины между учащимися, преподаватели обязаны сами служить имъ примѣромъ точнаго и строгаго соблюденія всѣхъ своихъ обязанностей, а равно и всѣхъ предписаній закона, относящихся къ государственной службѣ, профессора и преподаватели обязаны являться на службу не иначе какъ въ присвоенной имъ форменной одеждѣ и съ старшимъ изъ пожалованныхъ имъ Монаршею милостью орденовъ. Было бы крайнею непослѣдовательностью требовать отъ учащихся соблюденія приличія въ ихъ обществѣ и дозволять учащимъ пренебрегать въ этомъ отношеніи требованіями закона. Точно также профессора и прочіе преподаватели должны служить для учащихся примѣромъ уваженія къ старшимъ и въ особенности къ начальникамъ, каковъ для нихъ прежде всего попечитель округа. Однимъ изъ знаковъ такого уваженія должно служить то, чтобы профессора и прочіе преподаватели, при назначеніи вновь въ свою должность, при повышеніи въ званіи или чинѣ, при полученіи какой либо почетной или денежной награды, а равно и по возвращеніи изъ командировки или отпуска, непремѣнно представлялись ему лично, для чего Вы имѣете назначить особые дни и часы внѣ обычнаго времени чтенія лекцій“.

Въ числѣ правилъ для студентовъ было еще одно нововведеніе, а именно предписывалось испрашивать особое разрѣшительное свидѣтельство за подписью инспектора на право давать частные уроки, каковое свидѣтельство могло быть выдаваемо только студентамъ, вполнѣ благонадежнымъ въ нравственномъ отношеніи, при отсутствіи и со стороны полиціи отзывовъ о неблагонадежности, и исполняющимъ свои обязанности по университету; въ противномъ случаѣ выданное свидѣтельство отбирается; преподающему же безъ разрѣшенія воспрещается на все время бытности студентомъ даваніе уроковъ, дальнѣйшее же нарушеніе этого правила подвергаетъ виновнаго удаленію изъ университета.

Предложеніе министра попечителямъ заканчивалось слѣдующими словами: „Въ заключеніе не могу не обратить вниманія Вашего Превосходительства на то, что и внѣшній порядокъ между учащимися могъ бы быть наилучше обезпеченъ съ подъемомъ научнаго духа ихъ и научныхъ стремленій. Возбудить этотъ духъ и эти стремленія и поддержать ихъ, привлечь студентовъ сколь можно болѣе къ университету и университетскимъ занятіямъ и тѣмъ отвлечь ихъ отъ дурныхъ и вредныхъ вліяній, которымъ нѣкоторые изъ нихъ поддаются, это—прямая и священная обязанность профессоровъ. А потому имѣю честь просить Васъ подвергнуть обсужденію факультетскихъ собраній, какія мѣры съ этой цѣлью могли бы быть нынѣ же приняты по каждому курсу, отдѣленію, факультету, и о мѣрахъ, которыя будутъ приняты, немедленно сообщить мнѣ“. Къ этому было прибавлено уже передъ самою отправкою слѣдующее: „Вмѣстѣ съ тѣмъ предоставляю Вамъ, буде признаете нужнымъ, сообщить содержаніе настоящаго моего предложенія въ совѣтѣ университета подъ Вашимъ предсѣдательствомъ, и выяснивъ при этомъ, какихъ мѣръ можетъ потребовать введеніе новыхъ порядковъ, о послѣдующемъ довести до свѣдѣнія министерства народнаго просвѣщенія“.

На этотъ разъ имѣлось, повидимому, серьезное и рѣшительное намѣреніе упорядочить наши университеты и оградить ихъ отъ агитаторовъ, которые съ одной стороны возбуждали въ нихъ студенческіе безпорядки, а съ другой уловляли нѣкоторыхъ студентовъ въ сѣти революціонной партіи. Инструкція для инспекціи, правила для студентовъ и предложеніе попечителямъ были окончательно установлены по соглашенію съ генералъ-губернаторами и съ попечителями округовъ, при чемъ послѣдніе, по крайней мѣрѣ въ Одессѣ, Кіевѣ и Харьковѣ, привлекали къ совмѣстному съ тайнымъ совѣтникомъ Георгіевскимъ обсужденію всего этого дѣла во всѣхъ его подробностяхъ и членовъ университетскаго правленія. О ходѣ всего этого дѣла ежемѣсячно доносилось Государю Императору, всѣ вышеозначенныя распоряженія были представлены на Высочайшее воззрѣніе, и Его Императорскому Величеству благоугодно было Собственноручно начертать на нихъ: „Надѣюсь, что новыя правила будутъ добросовѣстно исполняться и принесутъ ожидаемую пользу. Ливадія. 5-го ноября 1879 года.“

Причины безуспѣшности мѣръ 1879 года къ упорядоченію университетовъ.

Но надеждѣ этой не суждено было осуществиться. Въ самомъ центральномъ управленіи министерства народнаго просвѣщенія съ самаго начала уже обнаружились колебанія и какъ бы два различныя теченія, легко и естественно всегда возникающія при осуществленіи мѣръ не тѣми должностными лицами и органами, коими онѣ были обсуждаемы и установляемы. Такъ, вслѣдъ за этимъ предложеніемъ отъ 26-го октября 1879 г. по поводу утвержденныхъ въ тотъ же день правилъ для студентовъ и инструкціи университетскимъ инспекціямъ и какъ бы въ дополненіе къ нему было объяснено попечителямъ учебныхъ округовъ, что „означенное предложеніе предназначено для нихъ самихъ, а потому не подлежитъ никакому опубликованію“, и что даже ректору университета можетъ попечитель, „если признаетъ нужнымъ, сообщить такія изъ него выдержки, какія найдетъ для сего удобнымъ“. Гдѣ инспекторская должность была исполняема профессоромъ съ званіемъ проректора, послѣдній спѣшилъ отъ нея отказаться, и возникалъ вопросъ о выборѣ новыхъ лицъ въ должность инспектора студентовъ. Многіе генералъ-губернаторы, и изъ нихъ въ особенности Кіевскій генералъ-губернаторъ генералъ-адъютантъ Чертковъ, были въ пользу предоставленія этой должности военнымъ лицамъ, съ академическимъ образованіемъ, и въ военномъ мундирѣ, причемъ не было недостатка въ кандидатахъ этой категоріи, вполнѣ развитыхъ и подходившихъ по своему характеру и положенію къ условіямъ, какія требовались для этой должности. Но графъ Д. А. Толстой былъ рѣшительно противъ назначенія военныхъ офицеровъ и въ военныхъ мундирахъ, полагая, что назначеніе таковыхъ лицъ можетъ раздражить и профессоровъ, и студентовъ, и держался мнѣнія бывшаго директора департамента, что для этой должности могутъ быть наиболѣе пригодны инспекторы гимназій съ пенсіономъ.

Въ виду возникшихъ въ самомъ министерствѣ раздвоенія и колебаній, и сами попечители большею частью дѣйствовали съ большою слабостью, нерѣшительностью и медлительностью. Поэтому въ Харьковскомъ университетѣ новыя правила были приведены въ дѣйствіе только 15-го декабря 1879 г., но совѣтъ университета до 22-го мая 1880 г. продолжалъ препираться съ попечителемъ округа по вопросу о разсмотрѣніи и утвержденіи смѣты расходовъ спеціальныхъ средствъ университета и противился назначенію нѣкоторой ихъ части на усиленіе инспекціи. Въ Казанскомъ университетѣ новыя правила были установлены только съ 14-го января 1880 г., въ Кіевскомъ съ 24-го января, въ Новороссійскомъ съ 31-го января, а въ Московскомъ даже съ 18-го февраля 1880 г., и только въ С.-Петербургскомъ университетѣ, для котораго, по соглашенію съ временнымъ генералъ-губернаторомъ, генералъ-адъютантомъ І. В. Гурко, правила были особо утверждены еще 29-го августа 1879 г., они были введены въ дѣйствіе съ самаго начала 1879—1880 учебнаго года.

Что всѣ университетскія власти и большая часть профессоровъ при такихъ условіяхъ отнеслись къ этимъ правиламъ съ нескрываемою враждебностью, это понятно само собою. Бывшій попечитель С.-Петербургскаго округа, нынѣ товарищъ министра народнаго просвѣщенія сенаторъ обергофмейстеръ князь М. С. Волконскій, доносилъ управлявшему министерствомъ народнаго просвѣщенія статсъ-секретарю Сабурову, отъ 5-го ноября 1880 г., что „приведеніе въ исполненіе этихъ правилъ было тѣмъ труднѣе, что помимо точности и серьезности ихъ, къ которой не привыкли студенты, правила были встрѣчены весьма несочувственно профессорами. Такое ихъ несочувствіе къ новымъ порядкамъ должно было вызывать ропотъ и недовольство въ самихъ студентахъ.“

Недостатокъ прежнихъ порядковъ по надзору за студентами и преимущества новыхъ.

„Если, — прибавляетъ князь М. С. Волконскій, — при столь неблагопріятныхъ условіяхъ всетаки не послѣдовало въ теченіе всего учебнаго года безпорядковъ, то, я думаю, можно убѣдиться, что новая организація инспекціи принесла уже пользу университету, между тѣмъ какъ въ теченіе 16-ти лѣтъ со времени введенія устава 1863 г. и при существованіи правилъ, составленныхъ Совѣтомъ, безпорядки среди учащейся молодежи повторялись ежегодно и три раза — въ 1869, 1874, 1878 гг. доходили до такихъ большихъ размѣровъ, что вынуждали на крайнія мѣры.“ Въ донесеніи Совѣта С.-Петербургскаго университета отъ 22-го октября 1880 г. по этому поводу, между прочимъ, сказано, что не было особенныхъ безпорядковъ и волненій только потому, что значительное число вновь введенныхъ

правилъ остались неприменѣнными и что состоялось особое соглашеніе попечителя съ ректоромъ о томъ, что высшей инстанціей по студенческимъ дѣламъ остается ректоръ, которому инспекція должна была доносить во всѣхъ чрезвычайныхъ случаяхъ. Но попечитель отрицаетъ существованіе подобнаго соглашенія и говоритъ, что ректору было дѣйствительно предоставлено руководить всѣми дѣйствіями инспектора въ то весьма непродолжительное время, пока инспекторомъ состоялъ статскій совѣтникъ Антроповъ, въ виду полнѣйшаго незнанія имъ своего дѣла и совершенной безтактности, хотя онъ и былъ назначенъ въ инспекторы изъ помощниковъ по ходатайству самого ректора. Затѣмъ указанія инструкціи исполнялись вообще съ точностью, и неприменимыми оказались только правила о посѣщеніи лекцій всѣми студентами, ибо аудиторіи оказались недостаточными для вмѣщенія всѣхъ принятыхъ и распредѣленныхъ по курсамъ студентовъ. Одна изъ заслугъ новой инспекціи было открытіе этого поразительнаго факта невозможности вмѣстить въ аудиторіяхъ всѣхъ принятыхъ студентовъ и обязанныхъ въ одно и тоже время слушать однихъ и тѣхъ же профессоровъ, — фактъ, который оказался во всѣхъ университетахъ и противъ котораго профессорскія коллегіи не принимали никакихъ мѣръ и даже, напротивъ, по крайнему невниманію своему къ потребностямъ студентовъ сами вызывали его, нерѣдко соединяя студентовъ нѣсколькихъ курсовъ или нѣсколькихъ факультетовъ вмѣстѣ для слушанія однѣхъ и тѣхъ же лекцій въ аудиторіяхъ, которыя не могли вмѣстить и половины всѣхъ обязательныхъ слушателей. По свидѣтельству князя М. С. Волконскаго, до инструкціи 1879 г. инспекторъ и его помощники на самомъ дѣлѣ совершенно бездѣйствовали; имъ не было дано никакой инструкціи и не дѣлалось никакихъ точныхъ и обязательныхъ указаній; они должны были дѣйствовать примѣнительно къ личному взгляду избиравшагося совѣтомъ ректора, и вмѣстѣ съ тѣмъ каждый изъ членовъ совѣта, какъ высшей университетской инстанціи, считалъ инспекцію въ своей зависимости и находилъ не лишнимъ по временамъ высказывать ей свои взгляды и отдавать приказанія. Въ такомъ затруднительномъ положеніи инспекторъ, не имѣя отъ совѣта и ректора никакихъ письменныхъ указаній, не пользуясь даже ни малѣйшей поддержкой и видя, что авторитетъ его всегда подрывается профессорами, относился къ своей обязанности формальнымъ образомъ; изъ 4 его помощниковъ находился въ университетѣ 1 или 2, прочіе же были при другихъ, совершенно посторонніхъ обязанностяхъ. Если случались какія-либо столкновенія между инспекціей и студентами, то первая почти всегда оставалась виновною въ глазахъ совѣта, и ея заявленіямъ о поступкахъ студентовъ не придавалось почти никакого значенія. Будучи малочисленна, она была даже лишена физической возможности слѣдить за тѣмъ, что дѣлалось въ университетѣ; у нея не было никакихъ средствъ къ ознакомленію со студентами; никакихъ билетовъ, никакихъ ихъ визировокъ („столь полезныхъ какъ для сближенія инспекціи со студентами, такъ и для провѣрки, находятся ли студенты на лицо“) не было, и въ университетъ входилъ свободно всякій. Поэтому не удивительно, что на сходкахъ, бывшихъ въ ноябрѣ 1878 г., было нѣсколько рабочихъ съ фабрики Торнтона. „Отсутствіемъ надзора и возможностью проникать въ университетъ людямъ всякаго сброда я позволяю себѣ объяснять многіе изъ тѣхъ безпорядковъ и шумныхъ сходокъ, которые были причиною гибели многихъ, можетъ быть, достойныхъ студентовъ.“ Хотя по университетскимъ правиламъ 1878 г., продолжаетъ попечитель С.-Петербургскаго округа, инспекторъ и былъ обязанъ выдавать свидѣтельства о поведеніи студентовъ для полученія ими какихъ-либо льготъ, но это была только формальность, ибо инспекторъ не зналъ и не могъ знать о поведеніи студентовъ, „Изъ списка студентовъ, уволенныхъ за безпорядки 20-го и 21-го марта 1869 г., видно, что многимъ изъ нихъ въ февралѣ того же года была назначена Императорская стипендія, а другимъ выдано пособіе въ размѣрѣ отъ 40 до 100 руб. изъ суммъ, дарованныхъ Государемъ Императоромъ по случаю исполнившагося (8-го февраля 1869 г.) пятидесятилѣтія университета. Это показываетъ, насколько мало были извѣстны студенты со стороны ихъ благонадежности.“ До какой степени чины инспекціи были излишни въ глазахъ совѣта, видно изъ того, что съ 1870 г. отпускалось изъ государственнаго казначейства содержаніе на 5 помощниковъ инспектора, но совѣтъ неизвѣстно почему никогда не избиралъ пятаго.

При дѣйствіи инструкціи 1879 г. въ теченіе 1879—1880 учебнаго года не было безпорядковъ и въ другихъ университетахъ. Исполнялась она вообще довольно слабо, да едва ли и было бы благоразумно разомъ перейти отъ прежней распущенности къ строгой дисциплинѣ. Тѣмъ не менѣе даже и правило о ежемѣсячной явкѣ студентовъ къ чинамъ инспекціи для визированія билетовъ исполнялось всѣми

за весьма немногими и уважительными исключеніями (въ университетѣ Св. Владимира изъ 1050 студентовъ на долю не являющихся ежемѣсячно приходилось не болѣе 10 студентовъ, и то исключительно по уважительнымъ причинамъ.)

Но прежде чѣмъ новые порядки могли утвердиться и принести всѣ ожидаемые отъ нихъ плоды, произошла рѣшительная перемѣна въ направленіи и образѣ дѣйствій высшаго правительства: 12-го февраля 1880 г. послѣдовало призваніе графа Лорисъ-Меликова къ главной распорядительной дѣятельности, а 22-го апрѣля министерство народнаго просвѣщенія было ввѣрено статсъ-секретарю А. А. Сабурову, и начались „новыя вѣянія“, при которыхъ новая инспекція могла сохраняться въ университетахъ еще нѣкоторое время лишь по имени. И дѣйствительно, 25-го іюля 1880 г. было предложено правленіемъ университетовъ, по разсмотрѣніи отдѣльныхъ случаевъ, вызывавшихъ какіе-либо вопросы по поводу примѣненія правилъ для студентовъ на практикѣ, сообщить отзывъ относительно дополненія или измѣненія сихъ правилъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ управляющій министерствомъ обращался и къ попечителямъ, и къ генералъ-губернаторамъ съ просьбою сообщить ихъ мнѣнія о новыхъ дисциплинарныхъ порядкахъ.

73. Безпорядки и смуты въ университетахъ послѣ 1-го марта 1881 г.

Но дѣло не дошло до законодательнаго разсмотрѣнія этого проекта. 1-го марта 1881 г. не стало Императора Александра II; вслѣдъ за тѣмъ въ университетахъ начались безпорядки и смуты самаго прискорбнаго характера. Такъ, между прочимъ, въ Казанскомъ университетѣ 13-го марта утромъ было усмотрѣно на стѣнахъ объявленіе, по донесенію управляющаго округомъ помощника попечителя М. А. Малиновскаго, „преступнаго содержанія, приглашавшее студентовъ на сходку по преступному дѣлу на 15-ое марта, день погребенія въ Бозѣ почившаго Императора Александра II, и потомъ было найдено вторичное такого же содержанія объявленіе“. Объ этомъ ректоръ и прокуроръ дважды сообщали начальнику губерніи, „ни однимъ словомъ, ни одною строкою не сообщивъ о такомъ экстренно-тревожномъ происшествіи управляющему округомъ“. 14-го марта самъ совѣтъ Казанскаго университета постановилъ просить объ отмѣнѣ временной инструкціи (1879 г.) для инспекціи и о разрѣшеніи собраній студентовъ для обсужденія вопросовъ внутренняго ихъ быта на основаніи правилъ, которыя имѣютъ быть выработаны совѣтомъ университета. Управляющій округомъ счелъ за должное присоединиться къ этому ходатайству, полагая, что подобныя собранія должны быть безусловно разрѣшаемы, смотря по характеру ихъ задачъ, властью ректора, или проректора, или декана, или вообще однимъ изъ профессоровъ, „подъ личнымъ руководствомъ и отвѣтственнымъ наблюденіемъ того или другого изъ поименованныхъ лицъ“. „Эти мѣропріятія, присовокуплялъ дѣйст. ст. сов. М. А. Малинвскій, проектируются университетскимъ совѣтомъ для улучшенія настроенія учащейся молодежи“. Послѣ этого постановленія о разрѣшеніи студентамъ сходокъ, совѣтомъ университета въ томъ же заявленіи было составлено и вывѣшено на стѣнахъ университета объявленіе, въ которомъ, между прочимъ, говорилось, что, „въ послѣднее время, вопреки существующимъ правиламъ, созываются нерѣдко въ стѣнахъ университета сходки, принимающія характеръ, не соотвѣтствующій цѣлямъ и достоинству университета, а равно и интересамъ самихъ гг. студентовъ“. Поэтому совѣтъ „единодушно обращается къ здравомыслію и добрымъ чувствамъ казанскихъ студентовъ, приглашая ихъ рѣшительно воздержаться отъ всякихъ проявленій, несоотвѣтственныхъ университетской жизни. Совѣтъ университета, взывая къ благороднымъ и законнымъ чувствамъ гг. студентовъ, надѣется, что они и впредь не измѣнятъ себѣ. Для профессоровъ Казанскаго университета было бы поразительно и неожиданно-прискорбно убѣдиться, что они ошибались въ своихъ высокихъ представленіяхъ о благородномъ настроеніи юношества, пришедшаго въ университетъ готовиться къ высокому служенію на разныхъ поприщахъ ко благу отечества и во славу Государя“. — По свидѣтельству М. А. Малиновскаго, объявленіе было читано студентами „сочувственно-покорно“.

Въ Московскомъ университетѣ сходки не прекращались. Впрочемъ, нѣкоторыя изъ нихъ происходили и съ доброй цѣлью. Такъ, 5-го марта на сходкѣ юридическаго факультета была объявлена подписка на вѣнокъ въ Бозѣ почившему Государю Императору, но во время рѣчи одного изъ собиравшихъ деньги раздался свистокъ, вызвавшій изгнаніе свиставшаго. На другой день на сходкѣ историко-филологическаго факультета предложеніе вести ту же подписку поименно вызвало неудовольствіе со стороны нѣкоторыхъ студентовъ, при чемъ одинъ студентъ по-

рвалъ подписной листъ. На сходкѣ 7-го марта студентъ Заіончковскій произнесъ по этому поводу рѣчь въ добромъ направленіи, но вызвавшую неудовольствіе его товарищей. Разрѣшенная проректоромъ на 10 марта сходка обратилась въ судилище надъ Заіончковскимъ, при чемъ было выражено ему нравственное порицаніе, и онъ лишенъ былъ голоса въ студенческихъ дѣлахъ. 12 марта была разрѣшена сходка для выбора студентовъ, которые должны были отправиться въ Петербургъ для возложенія вѣнка на гробъ въ Бозѣ почившаго Государя Императора. Сходка приняла бурный характеръ и не разошлась по требованію инспекціи. Зала была очищена при помощи университетской прислуги. 14 марта 1881 г. Ст. Секр. Сабуровъ былъ замѣненъ Ст. Секр. барономъ Николаи, а 27 марта въ Московскомъ университетѣ, при защитѣ магистромъ Иванюковымъ докторской его диссертаціи: „Основныя положенія теоріи экономической политики съ Адама Смита до настоящаго времени“, студентъ-медикъ Викторовъ, возражая ему, доказывалъ связь научнаго соціализма съ революціоннымъ, и когда рѣчь его приняла агитаціонный характеръ, былъ остановленъ деканомъ, а послѣ возраженія лишенъ слова. Рѣчь Викторова была покрыта рукоплесканіями. По окончаніи диспута около 100 человѣкъ остались въ залѣ для обсужденія поступка декана и разошлись лишь тогда, когда начальствомъ университета послано было за полиціей. Викторовъ былъ исключенъ изъ университета безъ суда въ виду очевидности его проступка. Слухъ о преданіи суду 14-ти студентовъ вызвалъ броженіе среди студентовъ, выразившееся въ сходкѣ 2-го апрѣля. Послѣ неповиновенія и грубостей, оказанныхъ инспекціи, было послано за полиціей, и всѣ участники (до 250 человѣкъ) были переписаны. Виновные въ безпорядкахъ, происходившихъ въ Московскомъ университетѣ съ 5-го марта по 1-е апрѣля, были преданы суду, по приговору коего: 2 исключены съ правомъ поступить въ другое учебное заведеніе не ранѣе двухъ лѣтъ; 35 съ правомъ поступить тотчасъ же въ другія учебныя заведенія и 165 — временно удалены изъ Московскаго университета. О томъ, что въ то же время происходило въ стѣнахъ С.-Петербургскаго университета, сохранилось лишь одно письменное донесеніе: въ день погребенія въ Бозѣ почившаго Государя Императора 15-го марта 1881 г. въ стѣнахъ университета происходила недозволенная сходка; виновные въ ней были преданы суду, и изъ нихъ 91 подвергнуты выговору, 33 аресту на 3 дня, 25 аресту на 7 дней, 13 таковому же аресту, но съ предвареніемъ объ исключеніи ихъ въ случаѣ дальнѣйшаго нарушенія правилъ, 13 уволены на годъ безъ права поступленія въ другія учебныя заведенія, — всего при этомъ подверглись взысканіямъ 175 ч.

Совѣщаніе гг. министровъ 20-го ноября 1882 г.

Такъ какъ происходившіе осенью 1882 г. безпорядки въ С.-Петербургскомъ, Харьковскомъ и Казанскомъ университетахъ отразились шумной сходкой 12-го ноября въ С.-Петербургскомъ Лѣсномъ Институтѣ, то по всеподданнѣйшему о семъ докладу г. министра Государственныхъ имуществъ статсъ-секретаря М. Н. Островскаго Его Императорское Величество Высочайше повелѣть соизволилъ: „Вопросъ о томъ, какія общія мѣры могутъ быть приняты къ устраненію на будущее время подобныхъ прискорбныхъ явленій въ стѣнахъ учебныхъ заведеній, разсмотрѣть въ совѣщаніи гг. министровъ: Народнаго Просвѣщенія, Военнаго, Внутреннихъ Дѣлъ, Путей Сообщенія и Государственныхъ Имуществъ, а также управляющаго морскимъ министерствомъ и оберъ-прокурора Св. Синода“. На этомъ совѣщаніи 20-го ноября 1882 г. оберъ-прокуроромъ Св. Синода К. П. Побѣдоносцевымъ было предложено отдавать въ дисциплинарные батальоны и роты тѣхъ изъ воспитанниковъ высшихъ учебныхъ заведеній, которые за свое дерзкое поведеніе и грубое неповиновеніе начальству не только заслуживаютъ исключенія, но и требуютъ особыхъ мѣръ для ихъ исправленія. Предложеніе это было сдѣлано уже послѣ того, какъ первоначальная мысль, на которой останавливалось совѣщаніе, именно о принудительномъ привлеченіи къ отбыванію воинской повинности, съ лишеніемъ всѣхъ льготъ полной, молодыхъ людей, уволенныхъ изъ высшихъ учебныхъ заведеній за безпорядки, встрѣтило сильнѣйшія возраженія со стороны представителей Военнаго и Морского вѣдомствъ — генералъ-адъютантовъ П. С. Ванновскаго и И. А. Шестакова. Совѣщаніе гг. министровъ постановило поручить особой комиссіи, подъ предсѣдательствомъ товарища министра Народнаго Просвѣщенія, изъ представителей отъ министерства Народнаго Просвѣщенія, Государственныхъ Имуществъ, Военнаго и Внутреннихъ Дѣлъ подробно разсмотрѣть и окончательно разработать вышеозначенную мѣру. Комиссія эта, состоявшая подъ предсѣдательствомъ князя М. С. Волконскаго, изъ тайныхъ совѣтниковъ В. И. Вешнякова и А. И. Георгіевскаго, гене-

ральнаго штаба генералъ-маіора Н. И. Петрова и дѣйствительнаго статскаго совѣтника (нынѣ товарища министра, сенатора, тайнаго совѣтника) В. К. Плеве, въ засѣданіяхъ 27-го ноября, 1-го, 3-го, 7-го и 15-го декабря 1882 г., подвергла обстоятельному разсмотрѣнію вопросъ объ отдачѣ уволенныхъ изъ учебныхъ заведеній за безпорядки въ дисциплинарные баталіоны, нашла эту мысль непримѣнимою, особенно же къ массѣ участниковъ въ студенческихъ безпорядкахъ, выяснила, благодаря особенно заявленіямъ тайнаго совѣтника В. К. Плеве (приведеннымъ выше сего въ началѣ настоящей записки), весь вредъ, причиняемый студенческими безпорядками и ихъ послѣдствіемъ — исключеніемъ виновныхъ изъ учебныхъ заведеній, и подвергла подробному разсмотрѣнію мысль о привлеченіи исключаемыхъ за безпорядки студентовъ тотчасъ же къ исполненію воинской повинности, съ лишеніемъ льготъ, которыя вообще установлены уставомъ объ оной.

Вопросъ о лишеніи всѣхъ льготъ по воинской повинности уволенныхъ за безпорядки изъ учебныхъ заведеній.

Отклонивъ мысль объ отдачѣ уволенныхъ изъ высшихъ учебныхъ заведеній за безпорядки въ дисциплинарные баталіоны, комиссія испросила себѣ разрѣшеніе разсмотрѣть вопросъ о привлеченіи означенныхъ лицъ въ ряды войскъ для отбыванія общей для всѣхъ гражданъ воинской повинности, но безъ вынутія жребія, хотя и на положеніи жеребьевыхъ. Мысль эта возникла въ министерствѣ Народнаго Просвѣщенія еще въ 1879 г. при обсужденіи вопроса объ устройствѣ университетской инспекціи на предположенныхъ въ то время основаніяхъ. Она была заявлена тайнымъ совѣтникомъ Георгіевскимъ тѣмъ изъ генералъ-губернаторовъ, которые командовали и войсками соотвѣтственныхъ военныхъ округовъ, и нѣкоторые изъ нихъ не были противъ осуществленія этой мѣры, особенно въ мѣстахъ казарменнаго расположенія войскъ. За тѣмъ въ 1880 г. главнымъ начальникомъ верховной распорядительной комиссіи графомъ М. Т. Лорисъ-Меликовымъ былъ возбужденъ довольно близко соприкасающійся съ этою мѣрою вопросъ объ образованіи изъ лицъ, подлежащихъ, вслѣдствіе своей политической неблагонадежности, надзору полиціи, особыхъ военныхъ командъ въ отдаленныхъ мѣстностяхъ имперіи; но военное министерство признало неудобнымъ учреждать команды изъ нижнихъ чиновъ, завѣдомо неблагонадежныхъ, такъ какъ подобныя команды не могута быть полезны ни для какого рода военной службы, не говоря уже о томъ, что собранныя въ такія команды лица, оставаясь постоянно въ обществѣ людей одинаковаго превратнаго образа мыслей, могутъ не только поддерживать, хотя и въ тайнѣ, эти убѣжденія, но и измышлять систематическія правила для преступнаго осуществленія ихъ убѣжденій по окончаніи службы. Въ концѣ 1880 г., именно 24-го декабря, состоялось Высочайшее повелѣніе, установившее слѣдующія временныя правила о порядкѣ отбыванія воинской повинности лицами, высланными, за участіе въ революціонной пропагандѣ, административнымъ порядкомъ подъ надзоръ полиціи: 1. лица эти не принимаются на службу ни въ сухопутныя войска, ни во флотъ, на правахъ вольноопредѣляющихся, но привлекаются къ исполненію воинской повинности исключительно жеребьевымъ порядкомъ; 2. тѣ изъ означенныхъ лицъ, которыя, по доставшемуся имъ нумеру жребія, будутъ подлежать поступленію на службу, зачисляются въ части войскъ отдаленныхъ округовъ, при чемъ наиболѣе упорные изъ пропагандистовъ назначаются въ войска, расположенныя въ Туркестанскомъ краѣ; 3. за ними вообще устанавливается особо бдительный надзоръ со стороны военнаго начальства и 4. начальники частей, при увольненіи въ запасъ означенныхъ лицъ, сообщаютъ о томъ мѣстному губернатору, вмѣстѣ со свѣдѣніями о ихъ поведеніи во время состоянія на службѣ. Губернаторъ со своей стороны входитъ въ сношеніе съ гражданскимъ начальствомъ тѣхъ мѣстностей, куда отправляются такія лица, для установленія надъ ними негласнаго наблюденія въ теченіе одного года, не стѣсняя ихъ, однако, ни въ свободѣ передвиженія, ни въ способахъ пріисканія занятій и средствъ къ жизни.

Высочайшее повелѣніе это не было обнародовано во всеобщее свѣдѣніе и повлекло за собою лишь секретныя распоряженія. Высочайше назначенная 25-го мая 1881 г. коммиссія подъ предсѣдательствомъ графа И. Д. Делянова, со своей стороны, „признавая, что высшую, во многихъ случаяхъ неизбѣжную и единственную мѣру наказанія, зависящую отъ власти учебнаго начальства, составляетъ удаленіе виновныхъ изъ учебнаго заведенія, обратила вниманіе на опасность и вредъ праздпаго блужданія удаленныхъ, и высказала желаніе, чтобы приняты были мѣры для своевременнаго и даже ускореннаго отбыванія таковыми лежащей на нихъ воинской

повинности, касательно же лишенія наиболѣе виновныхъ такихъ льготъ, которыя имъ предоставлены и сосредоточенія таковыхъ въ отдаленныхъ мѣстностяхъ государства предполагала войти въ дальнѣйшее обсужденіе; но въ виду заявленія одного изъ своихъ членовъ, что вопросъ этотъ уже обсуждается въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, коммиссія воздержалась отъ дальнѣйшаго его разсмотрѣнія. И дѣйствительно, 19-го сентября 1881 г. министерство внутреннихъ дѣлъ сдѣлало на этомъ пути дальнѣйшій шагъ, войдя, съ Высочайшаго разрѣшенія, въ сношеніе съ военнымъ министерствомъ объ отбываніи поднадзорными воинской повинности на правахъ вынувшихъ жребій, съ лишеніемъ ихъ льготъ по образованію и семейному положенію. Проводя то начало, что высланный за политическую неблагонадежность, тѣмъ самымъ лишается нѣкоторыхъ правъ, министерство внутреннихъ дѣлъ полагало вполнѣ соотвѣтственнымъ измѣнить, по отношенію къ административно ссыльнымъ, общеустановленную форму отбытія воинской повинности въ томъ смыслѣ, что всякое лицо, подвергнутое за политическую неблагонадежность полицейскому надзору и подлежащее отбытію воинской повинности, перестаетъ пользоваться льготами, указанными въ уставѣ по воинской повинности по семейному положенію, а также по образованію, и обязательно зачисляется, на правахъ вынувшихъ жребій, въ опредѣленныя военнымъ начальствомъ части войскъ или же въ особыя военныя команды въ отдаленныхъ мѣстностяхъ. Со введеніемъ такой мѣры, по мнѣнію министерства внутреннихъ дѣлъ, правительство имѣло бы возможность, съ одной стороны, сократить въ значительной степени весьма обременительную для него административную ссылку, а съ другой — сдѣлать военную службу для упомянутыхъ лицъ наилучшимъ средствомъ исправленія.

Военное м-во не сочло возможнымъ согласиться съ такимъ предположеніемъ м-ва внутр. дѣлъ въ виду того, что лишеніе поднадзорныхъ, отбывающихъ воинскую повинность, дарованныхъ закономъ правъ на льготы по образованію и семейному положенію, имѣя характеръ карательной мѣры, обратитъ тѣмъ самымъ военную службу въ наказаніе. Въ такомъ видѣ предполагаемая мѣра должна поколебать законъ о воинской повинности въ самомъ существенномъ основаніи его, ибо эта повинность не есть наказаніе, а священная обязанность каждаго русскаго поданнаго (ст. 1 уст. о воин. пов.) и притомъ такая обязанность, къ исполненію которой не допускаются порочные люди, лишенные правъ состоянія, или особенныхъ правъ и преимуществъ, лично и по состоянію присвоенныхъ (№ 16 уст. о воин. пов.). Сверхъ того означенная карательная мѣра была бы въ противорѣчіи со ст. 2115 ч. кн. 1 св. воен. пост., на основаніи которой состоящіе на службѣ въ военномъ вѣдомствѣ сохраняютъ права состоянія и присвоенныя имъ преимущества по образованію и учеными степенями пріобрѣтенныя. Кромѣ того военное министерство указало на то, что по ст. 36 правилъ, приложенныхъ къ указу правительствующему сенату отъ 4-го сентября 1881 г., административная ссылка назначается на время отъ одного года до пяти лѣтъ, по уставу же о воинской повинности срокъ службы въ войскахъ, расположенныхъ въ Европейской Россіи, опредѣленъ въ 6 лѣтъ, а въ дальнихъ областяхъ въ 7 лѣтъ, а потому, при отбываніи воинской повинности высланными административнымъ порядкомъ безъ права на сокращенные сроки, всѣ они, оставаясь одинаковые сроки въ рядахъ войскъ, подверглись бы такимъ образомъ одинаковому наказанію, не смотря на различіе своей виновности. Отклоняя затѣмъ вопросъ объ образованіи особыхъ военныхъ командъ изъ лицъ, политически неблагонадежныхъ, по соображеніямъ, которыя были приведены выше, генералъ-адъютантъ Ванновскій высказалъ, что если, по мнѣнію министерства внутреннихъ дѣлъ, военная служба для означенныхъ лицъ признается средствомъ исправленія, то было бы послѣдовательнѣе сформировать изъ нихъ не обыкновенныя воинскія команды, а дисциплинарныя или, по крайней мѣрѣ, одинаково съ дисциплинарными организованныя команды, съ особымъ наблюдательнымъ составомъ изъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ въ самыхъ отдаленныхъ мѣстностяхъ, что, кромѣ увеличенія военныхъ расходовъ, не можетъ представить какихъ либо особыхъ затрудненій. Впрочемъ, въ томъ же отношеніи отъ 6-го октября 1881 г. за № 419, приводя доводы противъ образованія изъ политически неблагонадежныхъ лицъ особыхъ командъ (обыкновенныхъ), военное министерство высказывало ту мысль, что „лица, политически неблагонадежныя, при распредѣленіи ихъ по различнымъ частямъ войскъ, подъ строгимъ надзоромъ и подъ вліяніемъ войсковой среды, скорѣе могутъ измѣнить свои неразумныя убѣжденія“, нежели будучи собраны въ отдѣльныя, только изъ нихъ однихъ составленныя команды. Какъ бы то ни было, однако же, бывшій министръ внутреннихъ дѣлъ, генералъ-адъютантъ графъ Игнатьевъ, въ письмѣ своемъ къ военному министру отъ 25-го октября

1881 г. высказался въ такомъ смыслѣ, что „будучи поставленъ въ необходимость не настаивать на своемъ предположеніи объ обращеніи въ ряды войскъ лицъ подъ надзорныхъ, въ видѣ карательной для нихъ мѣры“, онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, находилъ полезнымъ осуществленіе предположенія относительно зачисленія подвергнутыхъ полицейскому надзору лицъ, поступившихъ уже въ военную службу на общемъ основаніи, въ особыя дисциплинарныя команды, сформированныя въ отдаленныхъ мѣстностяхъ Имперіи съ тѣмъ, чтобы мѣра эта была примѣнена также ко всѣмъ, состоящимъ подъ надзоромъ полиціи за политическую неблагонадежность лицамъ, которыя впредь будутъ поступать въ войска. Эту же мѣру, въ письмѣ своемъ къ военному министру отъ 4-го декабря 1881 г., графъ Игнатьевъ считалъ полезнымъ распространить и на увольняемыхъ за безпорядки изъ высшихъ учебныхъ заведеній. „Характеръ безпорядковъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, писалъ графъ Игнатьевъ, нерѣдко бываетъ таковъ, что эти безпорядки являются результатомъ дѣятельности тѣхъ злоумышленниковъ, которые стремятся къ ниспроверженію существующаго государственнаго порядка и находятъ между воспитанниками учебныхъ заведеній лицъ, имъ не только сочувствующихъ, но и начинающихъ проявлять свое сочувствіе въ формѣ подстрекательствъ къ различнымъ волненіямъ среди своихъ сотоварищей, причемъ волненія эти служатъ для многихъ первымъ шагомъ на пути къ дѣятельности, направленной прямо къ колебанію существующаго порядка. Посему къ воспитанникамъ высшихъ учебныхъ заведеній, замѣшаннымъ въ подобныя волненія, вполнѣ примѣнима мѣра, соотвѣтствующая вышеприведенной, а именно для молодыхъ людей, уволенныхъ изъ учебныхъ заведеній за участіе въ безпорядкахъ или признанныхъ въ университетахъ университетскимъ судомъ въ сихъ безпорядкахъ виновными въ качествѣ зачинщиковъ или подстрекателей, данныя имъ для окончанія образованія отсрочки немедленно прекращаются, и они немедленно, не ожидая общаго срока, призываются въ войска. Мѣра сія, для осуществленія своего, требуетъ лишь, чтобы военное министерство для подобныхъ молодыхъ людей, назначило особыя части, образованныя по типу, указанному въ отношеніи военнаго министра отъ 6-го октября 1881 г. за № 419, и отданныя подъ управленіе особо надежныхъ начальниковъ, способныхъ къ тому особому надзору, который необходимъ для командованія частями, пополняемыми вышеозначеннымъ порядкомъ.“ Наконецъ, министромъ народнаго просвѣщенія 14-го мая 1882 г. были утверждены правила, въ силу коихъ 1. воспитанники высшихъ учебныхъ заведеній, арестованные по какому либо политическому дѣлу и затѣмъ освобожденные безъ всякихъ послѣдствій съ выдачею о томъ удостовѣренія подлежащей властью, безпрепятственно допускаются къ продолженію курса ученія; 2. признанные участвовавшими въ тайныхъ сообществахъ, но по легкомыслію, безъ обдуманнаго намѣренія, могутъ быть по усмотрѣнію начальства высшаго учебнаго заведенія, уволены изъ заведенія на одинъ, на два или на три года, съ правомъ или безъ права тотчасъ же вступить въ другое учебное заведеніе, и, наконецъ, 3. изобличенные въ злонамѣренномъ участіи въ тайномъ противоправительственномъ сообществѣ или въ политической противоправительственной агитаціи, и притомъ или преданные въ обычномъ порядкѣ суду и признанные въ какомъ либо государственномъ преступленіи виновными, или за преступленія того же свойства подвергнутые взысканію въ административномъ порядкѣ, т. е. по соглашенію министровъ внутреннихъ дѣлъ и юстиціи, удостоенному Высочайшаго утвержденія, или понесшіе за доказанную политическую ихъ неблагонадежность взысканію въ порядкѣ закона о государственной охранѣ, подвергаются со стороны учебнаго начальства исключенію навсегда изъ учебнаго заведенія, съ лишеніемъ права поступать въ какія бы то ни было учебныя заведенія, но могутъ быть вновь приняты въ то же или въ другое высшее учебное заведеніе, равно, какъ и лица вышеозначенной 2-й категоріи, по сношенію подлежащаго министра съ министромъ внутреннихъ дѣлъ и по испрошеніи на то Высочайшаго соизволенія и при соблюденіи еще двухъ слѣдующихъ условій: а) если исключенный изъ заведенія въ теченіе не менѣе двухъ лѣтъ послѣ окончательнаго освобожденія отъ наложеннаго на него подлежащею властью взысканія и притомъ непремѣнно послѣ отбытія воинской повинности докажетъ, что онъ вполнѣ раскаялся и порвалъ всякія связи съ сообщниками, и б) если кто либо изъ преподавателей или чиновъ инспекціи приметъ его подъ ближайшій свой надзоръ и руководство. Отбытіе воинской повинности во всѣхъ подобныхъ случаяхъ признавалось какъ бы средствомъ къ исправленію и какъ бы ручательствомъ, что исправленіе дѣйствительно достигнуто: такую силу и значеніе придаютъ вообще правительственныя лица, болѣе, впрочемъ, гражданскаго, чѣмъ военнаго вѣдомства, военной дисциплинѣ и

военной средѣ, какъ бы способнымъ отрезвить и охладить самыя разгоряченныя головы. Лица же военнаго вѣдомства, скорѣе напротивъ, опасаются, какъ бы отъ вліянія этихъ сравнительно весьма немногочисленныхъ горячихъ головъ не пострадало нравственное здоровье самой этой среды. Такъ, между прочимъ, и въ коммиссіи конца 1882 г. при министерствѣ народнаго просвѣщенія, представитель военнаго министерства, генералъ-маіоръ Н. И. Петровъ высказывался все время самымъ рѣшительнымъ образомъ противъ принудительнаго привлеченія въ армію студентовъ, уволенныхъ за участіе въ безпорядкахъ, и, по приказанію г. военнаго министра, отказался отъ участія въ обсужденіи подробностей этой мѣры и отъ подписанія относящагося къ сему журнала, но изъявилъ готовность быть въ самомъ засѣданіи и давать объясненія коммиссіи по вопросамъ, касающимся военнаго вѣдомства.

Совѣщаніе гг. министровъ 18-го марта 1883 г.

Убѣждаясь доводами коммиссіи, особое совѣщаніе гг. министровъ, съ участіемъ въ этотъ разъ министра юстиціи, въ засѣданіи своемъ 18-го марта 1883 г., отказалось отъ первоначальной своей мысли отдавать въ дисциплинарные батальоны и роты всѣхъ исключенныхъ изъ высшихъ учебныхъ заведеній за дерзкое поведеніе и грубое неповиновеніе начальству и рѣшилось предложить эту мѣру лишь для случаевъ исключительныхъ, когда проступокъ выходитъ изъ ряда обыкновенныхъ и требуетъ примѣрнаго наказанія, распространивъ ту же мѣру взысканія и въ тѣхъ же исключительныхъ случаяхъ и на воспитанниковъ среднихъ учебныхъ заведеній, если они не моложе 18-ти лѣтъ. По отношенію же къ массѣ молодыхъ людей, увольняемыхъ изъ высшихъ учебныхъ заведеній за безпорядки, управляющій морскимъ министерствомъ ген.-ад. предложилъ, а военный министръ ген.-ад. П. С. Ванновскій съ своей стороны одобрилъ нижеслѣдующую мѣру: „Воспитанники высшихъ учебныхъ заведеній, исключаемые изъ оныхъ за дерзкое поведеніе, за грубое неповиновеніе начальству, за подготовленіе безпорядковъ или производство ихъ скопомъ въ стѣнахъ заведеній и внѣ оныхъ, если при этомъ они не изобличаются въ участіи въ противозаконныхъ тайныхъ сообществахъ или въ политической противо-правительственной агитаціи, лишаются всѣхъ пріобрѣтенныхъ уже ими льготъ по образованію, и хотя бы даже они вынули по жеребью освобождающій отъ повинности нумеръ, обращаются къ выпутію жеребья, при чемъ въ случаѣ поступленія на службу обязаны прослужить шесть лѣтъ; но военному начальству предоставляется ходатайствовать, въ случаѣ одобрительнаго поведенія, о сокращеніи этого срока“. Хотя нѣкоторые члены совѣщанія оставались неизмѣнно при томъ убѣжденіи, которое было высказано ими еще 20-го ноября 1882 г., что, „обязательное привлеченіе участниковъ въ безпорядкахъ къ отбыванію воинской повинности безъ вынутія жеребья болѣе всего могло бы воздерживать и посторонннихъ агитаторовъ, и болѣе испорченныхъ изъ студентовъ отъ организаціи безпорядковъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, а всѣхъ другихъ студентовъ отъ участія въ оныхъ, въ случаѣ же принятія въ нихъ участія и затѣмъ исключенія изъ учебнаго заведенія могло бы наиболѣе содѣйствовать ихъ отрезвленію и огражденію отъ окончательнаго вовлеченія въ ряды крамольниковъ“, и большинство совѣщанія было того же мнѣнія, тѣмъ не менѣе, „желая по возможности достигнуть соглашенія съ военнымъ министромъ и съ управляющимъ морскимъ министерствомъ, совѣщаніе рѣшилось воспользоваться для настоящаго времени, впредь до указанія дальнѣйшаго опыта, предложенною генералъ-адъютантами Ванновскимъ и Шестаковымъ мѣрою. Особое совѣщаніе не отрицало возможности, что опасеніе подвергнуться лишенію льготъ по образованію и по семейному положенію, а въ случаѣ особенно дерзкихъ поступковъ и быть отдану въ дисциплинарные батальоны, до нѣкоторой степени въ состояніи будетъ образумить учащуюся молодежь и воздержать ее отъ безпорядковъ скопомъ или заговоромъ. Но при этомъ совѣщаніе не скрывало отъ себя многихъ неудобствъ этой полумѣры, а именно, что по жеребью поступаютъ въ армію не болѣе ¼ всѣхъ вынимающихъ оный. что обстоятельство это, извѣстное и всѣмъ учащимся, значительно будетъ ослаблять дѣйствіе на нихъ этой мѣры, что положеніе трехъ четвертей всѣхъ привлеченныхъ къ жеребью и оставшихся свободными отъ поступленія въ армію, будетъ представлять все тѣ же неудобства и опасности, какъ и нынѣшнее положеніе исключенныхъ изъ высшихъ учебныхъ заведеній, что жребій можетъ поблагопріятствовать наиболѣе участвовавшимъ въ организаціи и производствѣ безпорядковъ и напротивъ оказаться неблагопріятнымъ для лицъ, наименѣе виновныхъ. Тѣмъ не менѣе и эта мѣра въ видѣ опыта могла быть испробована“.

Порядокъ отдачи въ дисциплинарные батальоны.

Совѣщаніе затѣмъ опредѣлило, что отдача въ дисциплинарные батальоны или роты можетъ состояться лишь по рѣшенію особаго совѣщанія, состоящаго при департаментѣ полиціи изъ представителей отъ министровъ юстиціи, военнаго, внутреннихъ дѣлъ, народнаго просвѣщенія и того вѣдомства, къ которому принадлежитъ исключаемый (п. 1-й) при чемъ постановленіе сего совѣщанія подлежитъ утвержденію министра внутреннихъ дѣлъ по соглашенію съ тѣмъ изъ министровъ, въ вѣдѣніи коего находится учебное заведеніе, къ коему принадлежитъ исключаемый (п. 6-й); что порядокъ содержанія исключенныхъ молодыхъ людей въ этихъ баталіонахъ опредѣляется особыми правилами, которые устанавливаются военнымъ министромъ примѣнительно къ общему положенію о дисциплинарныхъ баталіонахъ (п. 2-й); что дѣла по разсмотрѣнію проступковъ, подвергающихъ воспитанниковъ исключенію изъ учебныхъ заведеній, съ обращеніемъ ихъ въ дисциплинарные баталіоны и роты или къ отбыванію воинской повинности съ лишеніемъ всѣхъ льготъ разсматриваются порядкомъ, указаннымъ коммиссіей кн. Волконскаго въ п. 6-мъ ея положеній (см. выше стр. 123), и что мѣры эти распространяются и на всѣхъ нынѣ состоящихъ во всѣхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ (п. 4-й). На журналѣ особаго по сему предмету совѣщанія гг. министровъ Государю Императору благоугодно было Собственноручно написать (въ Москвѣ, 27-го мая 1883 г.): „Я согласенъ на эту мѣры въ видѣ опыта, но полагаю, что онѣ будутъ недостаточны и не принесутъ той пользы, которую ожидаютъ“, и возвратить оный министру государственныхъ имуществъ. При этомъ, въ виду выраженнаго статсъ-секретаремъ Островскимъ сомнѣнія, чтобы комитетъ министровъ рѣшился принять предлагаемыя особымъ совѣщаніемъ мѣры, когда они Самимъ Государемъ Императоромъ признаются недостаточными, а также и вслѣдствіе заявленія, что и большинство совѣщанія рѣшилось принять мѣры, предложенныя военнымъ министромъ и управляющимъ морскимъ министерствомъ лишь во избѣжаніе разногласія съ этими, а не по убѣжденію въ ихъ достаточности и практичности, Его Императорское Величество Всемилостивѣйше разрѣшилъ особому совѣщанію подвергнуть вновь эти вопросы обсужденію, не стѣсняясь положенною на журналѣ Высочайшею резолюціей и объ окончательномъ заключеніи совѣщанія представить на Высочайшее усмотрѣніе.

Совѣщаніе гг. министровъ 10-го іюня 1883 года.

Такимъ образомъ 20-го іюня 1883 г. состоялось третье совѣщаніе гг. министровъ, которое, за исключеніемъ лишь военнаго министра и управляющаго морскимъ министерствомъ, въ замѣнъ сдѣланнаго имъ 18-го марта предложенія, постановило, что „воспитанники высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній за нанесеніе оскорбленія начальству дѣйствіемъ, подвергаются отдачѣ въ дисциплинарные баталіоны и роты“ (п. 1-й); „воспитанники высшихъ учебныхъ заведеній, исключаемые изъ оныхъ за грубое неповиновеніе начальству и за производство безпорядковъ скопомъ въ стѣнахъ заведеній и внѣ оныхъ, если притомъ они не изобличаются въ принадлежности къ противозаконнымъ тайнымъ сообществамъ, лишаются всѣхъ пріобрѣтенныхъ уже ими льготъ по образованію, а равно и принадлежащихъ имъ по семейному положенію, и хотя бы даже они вынули уже по жеребью освобождающій отъ повинности нумеръ, обращаются принудительно, вслѣдъ за исключеніемъ, къ отправленію воинской повинности, безъ вынутія жеребья, и на положеніи жеребьевыхъ правилъ они обязаны прослужить въ военной службѣ шесть лѣтъ; но военному начальству предоставляется ходатайствовать, въ случаѣ одобрительнаго ихъ поведенія, о сокращеніи имъ этого срока“ (п. 2-й). „О принужденныхъ къ обязательному отбыванію воинской повинности, безъ жеребья, съ лишеніемъ пріобрѣтенныхъ уже льготъ по образованію и по семейному положенію, сообщаются подробные списки подлежащимъ министромъ военному министру съ обозначеніемъ именъ, отечествъ, фамилій и проступковъ каждаго лица, дабы военное начальство могло установить должное наблюденіе за поведеніемъ таковыхъ молодыхъ людей въ арміи.“ Прочіе пункты были сохранены въ прежней ихъ редакціи (см. выше). По прочтеніи журнала совѣщанія по сему предмету и приложеннаго къ нему особаго мнѣнія генералъ-адъютантовъ Ванновскаго и Шестакова, Его Императорское Величество 30-го января 1884 г. Высочайше повелѣть соизволилъ разсмотрѣть это дѣло въ комитетѣ гг. министровъ съ приглашеніемъ въ это засѣданіе Великихъ Князей Владимира Александровича, Алексѣя Александровича и Николая Николаевича Старшаго. Засѣданіе по сему дѣлу состоялось въ февралѣ 1884 г. 14 особъ (Ихъ Императорскія Высочества Великіе Князья Владимиръ Александровичъ, Алексѣй

Александровичъ, Николай Николаевичъ Старшій и Михаилъ Николаевичъ, генералъ-адъютантъ графъ Барановъ, статсъ-секретари: баронъ Николаи, Сольскій и Гротъ, дѣйств. тайн. совѣт. Стояновскій. ген.-ад. Ванновскій, дѣйст. тайн. совѣт. Фришъ, ген.-ад. Шестаковъ и тайные совѣтники Бунге и Влангали) высказались противъ предложенной большинствомъ совѣщанія мѣры, а предсѣдатель комитета гг. министровъ графъ М. Хр. Рейтеръ и 5 членовъ (дѣйст. тайн. совѣт. графъ Толстой, статсъ-секретари Деляновъ и Набоковъ, ген.-ад. Посьетъ и статсъ-секретарь Островскій) за оную.

Доводы противъ принудительнаго отбыванія воинской повинности уволенными за безпорядки изъ учебныхъ заведеній.

Противъ отбыванія воинской повинности увольняемыми за безпорядки изъ высшихъ учебныхъ заведеній лицами съ лишеніемъ ихъ при семъ всѣхъ льготъ, въ томъ числѣ и выниманія жеребья, приводятся вообще нижеслѣдующіе доводы: 1. Въ дѣйствующемъ уставѣ о воинской повинности, въ отличіе его отъ прежняго рекрутскаго устава, съ строгою послѣдовательностью проводится то начало, что отбываніе воинской повинности въ рядахъ арміи есть не только повинность, но и нравственный долгъ, „священная обязанность“ каждаго русскаго подданнаго и отнюдь не можетъ быть наказаніемъ. Посему лица, опороченныя по суду, какъ лишенныя всѣхъ правъ состоянія, такъ и лишенныя всѣхъ особыхъ правъ и преимуществъ лично и по состоянію присвоенныхъ, вовсе не допускаются къ жребію и на военную службу. Ст. 158, 217 и 218 уст. о воинской повинности, опредѣляющія для лицъ, уклоняющихся отъ воинской повинности, принудительное поступленіе въ армію безъ выниманія жеребья, не состоятъ въ противорѣчіи съ вышеозначеннымъ: за уклоненіе отъ воинской повинности виновные подвергаются особымъ наказаніямъ установленнымъ общимъ положеніемъ о наказаніяхъ, а затѣмъ зачисленіе ихъ въ ряды арміи безъ выниманія жеребья есть естественное послѣдствіе ихъ попытки уклониться отъ призыва или поступленія въ ряды арміи и тѣмъ нарушить справедливость въ отношеніи къ согражданамъ и къ равномѣрному распредѣленію между ними экономическаго бремени, сопряженнаго съ отбываніемъ воинской повинности. Между тѣмъ, принудительное обращеніе въ войска извѣстнаго разряда лицъ, виновныхъ въ производствѣ скопомъ безпорядковъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, не можетъ быть разсматриваемо иначе, какъ мѣра карательная или исправительная, а признаніе, что военная служба можетъ служить для кого бы то ни было наказаніемъ или средствомъ исправленія, было бы оскорбленіемъ для каждаго военнаго, привыкшаго считать военную службу высшей честью. Когда тягость воинской повинности лежала исключительно на низшихъ сословіяхъ, нравственное начало не играло въ арміи той роли, какъ нынѣ; нынѣ же невозможно поддерживать дисциплину одной грубою силою безъ одухотворяющаго ее начала чести. Обращеніемъ военной службы въ мѣру карательную или исправительную былъ бы поколебленъ основной принципъ столь важнаго для всего государства учрежденія, какъ его армія. — 2. Принудительное обращеніе на военную службу молодыхъ людей, исключенныхъ за участіе въ безпорядкахъ по легкомыслію и горячности, было бы мѣрою несправедливою, ибо, будучи соединено со лишеніемъ льготъ по семейному положенію и образованію, права метанія жребья и увольненія отъ службы по физическимъ недостаткамъ, оно не можетъ не быть признано тяжкимъ уголовнымъ наказаніемъ, которое слѣдовало-бы налагать только въ судебномъ порядкѣ, ограждающемъ соразмѣрность наказанія со степенью вины. Въ данномъ случаѣ несоразмѣрность наказанія съ виною тѣмъ болѣе очевидна, что за свою вину участники въ безпорядкахъ уже потерпѣли наказаніе — въ видѣ удаленія изъ учебнаго заведенія, въ которомъ они находились. Притомъ же наказаніе это падаетъ не только на самихъ виновныхъ, но и на ихъ семьи: многія изъ нихъ лишатся такимъ образомъ, быть можетъ, единственнаго своего кормильца. — 3. Вина участниковъ въ безпорядкахъ различна, и потому они удаляются изъ учебнаго заведенія по нынѣ дѣйствующимъ правиламъ на различные сроки: на годъ, на два и на три. Предлагаемою же мѣрою всѣ безъ различія вины сдаются въ военную службу на шесть лѣтъ, и уже отъ усмотрѣнія военнаго начальства, отъ личныхъ, а потому болѣе или менѣе случайныхъ и произвольныхъ его воззрѣній будетъ зависѣть сокращеніе этого срока. — 4. Самая сила этого особаго наказанія, не установленнаго уголовными законами и налагаемаго не судомъ, а учебнымъ начальствомъ, въ одинаковой степени за весьма различные проступки, при томъ не указанные въ уложеніи о наказаніяхъ, и состоящаго въ самомъ рѣзкомъ противорѣчіи со всѣми условіями и гарантіями истиннаго правосудія, — самая сила этого наказанія была бы также

неодинакова: лица, физически неспособныя къ военной службѣ, вовсе не могутъ быть приняты въ нее, хотя бы были признаны наиболѣе виновными, а число такихъ лицъ въ призывномъ возрастѣ доходитъ до 1/6; лица, вынимавшія же жребій и подлежащія по доставшимся имъ нумерамъ поступленію въ войска на общемъ основаніи, въ сущности будутъ наказаны лишь удлиненіемъ срока ихъ службы; напротивъ тѣ, которыя по доставшимся имъ нумерамъ уже прямо зачислены въ ополченіе и считаются уже отбывшими воинскую повинность, будутъ за ту же или меньшую вину особенно тяжко наказаны и, наконецъ, лица, еще не достигшія призывнаго возраста и по своему недостаточному физическому развитію неспособныя нести тягостей солдатской службы, будутъ и сами въ наиболѣе тягостномъ положеніи, не безопасномъ для ихъ здоровья и жизни, и будутъ также бременемъ для той части, въ которую поступятъ. А, между тѣмъ, такія-то лица, находящіяся на младшихъ курсахъ учебнаго заведенія, чаще всего могутъ по легкомыслію и слабости характера попасть въ категорію исключенныхъ за безпорядки. — 5. Мѣра эта, состоящая въ такомъ вопіющемъ противорѣчіи со всѣми требованіями справедливости и правосудія, не можетъ не возбудить въ подвергнутой ей молодежи сильнѣйшаго озлобленія противъ правительства, и наиболѣе виновнымъ и зараженнымъ анархическимъ духомъ предоставитъ обширное поприще самымъ разлагающимъ образомъ дѣйствовать на новую свою среду, участвовавшихъ въ безпорядкахъ исключительно по легкомыслію и горячности ожесточитъ и сдѣлаетъ доступными всякому тлетворному вліянію и мышленью для усиленія анархической партіи, которая не замедлитъ пріобрѣсти въ нихъ весьма дѣятельныхъ и чрезвычайно полезныхъ для себя агентовъ. Нынѣшняя армія далеко не та, чѣмъ была она при императорѣ Николаѣ I; въ то время, при 25-лѣтнемъ срокѣ военной службы, молодой человѣкъ, отданный въ солдаты, попадалъ въ среду людей не молодыхъ, закаленныхъ въ военной обстановкѣ и тогдашней суровой дисциплинѣ и глубоко съ нею сроднившихся, на которыхъ онъ никакого вліянія имѣть не могъ. Теперь же отданный въ солдаты юноша очутится въ средѣ своихъ однолѣтковъ, которые никакой силы убѣжденій или привычекъ не могутъ ему противопоставить, а времени и способовъ дѣйствій на нихъ у такого образованнаго и развитого юноши будетъ весьма много: ежедневныя, подъ ближайшимъ надзоромъ офицеровъ, упражненія и занятія ни въ какомъ случаѣ не превышаютъ 6 часовъ въ сутки, остальное время эти молодые люди будутъ проводить въ сообществѣ нижнихъ чиновъ при весьма недостаточномъ надзорѣ унтеръ-офицеровъ; особое за ними наблюденіе еще возможно въ тѣхъ частяхъ, которыя расположены казарменнымъ способомъ; во множествѣ же частей, расположенныхъ на такъ называемыхъ широкихъ квартирахъ, наблюденіе это было бы совершеннно номинальнымъ: въ частяхъ этихъ присмотръ офицеровъ за нижними чинами ограничивается только ученьями, производимыми повременно съ болѣе или менѣе значительными промежутками времени. Безъ того уже армія несетъ тяжкую обязанность по отношенію къ пріему въ среду свою лицъ, не осужденныхъ по суду, но высланныхъ административнымъ порядкомъ за участіе въ революціонной пропагандѣ. Опасность отъ этихъ лицъ ослабляется зачисленіемъ ихъ въ части войскъ отдаленныхъ округовъ и ближайшимъ за ними наблюденіемъ военныхъ чиновъ офицерскаго званія. Но безпорядки въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ возобновляются почти ежегодно: исключаемая за нихъ массами молодежь, озлобленная противъ правительства и открытая пропагандѣ, въ нѣсколько лѣтъ проникнетъ во всѣ части арміи, къ явной для нея опасности. Весьма прискорбные, хотя по счастью весьма рѣдкіе, факты показываютъ, что и солдатская среда можетъ быть доступна революціонной пропагандѣ. Наполнять ее лицами во всякомъ случаѣ весьма сомнительной благонадежности значило бы прямо дѣйствовать въ интересахъ революціонной пропаганды. Возможное устраненіе отъ арміи означенной опасности тѣмъ больше имѣетъ значенія для всего строя государственнаго, что армія призвана преслѣдовать высшія въ государствѣ цѣли — защиту престола и отечества отъ враговъ внѣшнихъ и внутреннихъ и, конечно, не менѣе если не болѣе другихъ учрежденій, содѣйствуетъ сохраненію въ странѣ порядка.— 6. Полагать, что съ установленіемъ разсматриваемой мѣры прекратятся безпорядки въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ или сдѣлаются крайне рѣдкими, едва ли есть достаточное основаніе, ибо болѣе чѣмъ сомнительно, чтобы мѣра эта была примѣняема съ надлежащею строгостью и послѣдовательностью учебными начальствами столь многихъ и различныхъ вѣдомствъ, — начальствами, личный составъ которыхъ, по крайней мѣрѣ, въ университетахъ, по самому закону можетъ быть совершенно измѣняемъ чрезъ каждые четыре года. Духъ дисциплины и порядка въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ не исчезъ бы въ такой мѣрѣ, если бы ихъ препо-

даватели были настоящими наставниками учащагося у нихъ юношества и если бы избираемыя или назначаемыя изъ нихъ или ими начальства пользовались надлежащимъ образомъ принадлежащею имъ дисциплинарною властью, хотя бы заключеніемъ ослушниковъ въ карцеръ. Но, если учебныя начальства не рѣшаются пользоваться такимъ сравнительно мягкимъ наказаніемъ, какъ карцеръ, то молодежь всегда въ правѣ будетъ разсчитывать, что эти учебныя начальства еще менѣе рѣшатся исключить изъ учебнаго заведенія участниковъ въ безпорядкахъ и тѣмъ лишать ихъ всякихъ льготъ по воинской повинности и сдавать ихъ на шесть лѣтъ въ солдаты. Въ разсчетѣ на такую слабость своего начальства студенты по прежнему будутъ устраивать безпорядки, и армія, правда, не будетъ принимать въ свой составъ нежелательныхъ для нея элементовъ, но принципъ чести, на которомъ она зиждется, все таки будетъ нарушенъ: будетъ признано, что служба въ рядахъ арміи можетъ быть карою и мѣрою для исправленія лицъ виновныхъ. Но болѣе всего слѣдуетъ опасаться въ данномъ случаѣ крайней непослѣдовательности учебнаго начальства, которое дозволитъ молодежи разсчитывать на возможность безнаказаннаго участія въ безпорядкахъ или даже въ устройствѣ ихъ, а между тѣмъ эта непослѣдовательность иной разъ и въ иномъ учебномъ заведеніи проявится неожиданно исключеніемъ и обращеніемъ въ ряды арміи чрезвычайно большого числа участниковъ въ безпорядкахъ. При послѣдовательномъ и разумномъ воспитательномъ воздѣйствіи на молодыхъ людей ихъ наставниковъ и при такомъ же охраненіи въ ихъ средѣ духа дисциплины и порядка ихъ начальниками едва-ли бы оказалась надобность въ столь экстраординарной мѣрѣ, какъ принудительное привлеченіе виновныхъ въ безпорядкахъ къ выполненію воинской повинности; безъ разумной же строгости и послѣдовательности и эта экстраординарная мѣра окажется недѣйствительной и можно даже опасаться, что въ разсчетѣ на нее учебныя начальства еще уменьшатъ свою заботу о развитіи и поддержаніи въ учащейся молодежи духа порядка и дисциплины. Во всякомъ случаѣ предлагаемая мѣра не представляется единственно возможною въ видахъ предупрежденія дальнѣйшихъ безпорядковъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, и прежде всего учебныя заведенія, начиная съ низшихъ своихъ классовъ и кончая высшими курсами, должны настолько воспитывать ввѣряемыхъ имъ дѣтей, юношей и молодыхъ людей, чтобы они не имѣли надобности въ довоспитаніи ихъ въ дисциплинарномъ отношеніи въ рядахъ арміи, проходя въ ней принудительно солдатскую службу въ продолженіи шести лѣтъ. Нигдѣ въ мірѣ учебныя вѣдомства не слагаютъ съ себя и не возлагаютъ на армію таковой воспитательной задачи, а сами выполняютъ ее и ограждаютъ свои учебныя заведенія отъ производства въ нихъ безпорядковъ скопомъ. И у насъ военно-учебное вѣдомство вполнѣ справилось съ этой задачей, и тогда какъ недавно еще Медико-Хирургическая Академія была очагомъ безпрерывныхъ почти студенческихъ безпорядковъ, въ настоящее время замѣнившая ее Военно-Медицинская Академія оказывается почти вовсе къ нимъ непричастною, и наружный видъ ея студентовъ, вообще довольно строгое соблюденіе ими формы, свидѣтельствуетъ несомнѣнно о возстановленіи въ ихъ средѣ духа порядка и дисциплины. Вообще въ случаѣ надлежащей разработки вопроса о мѣрахъ къ предупрежденію дальнѣйшихъ безпорядковъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ несомнѣнно оказались бы другія менѣе рискованными, чѣмъ предлагаемая нынѣ, мѣры, способныя привести къ той же цѣли. Такъ, уже возбуждался вопросъ объ образованіи особыхъ дисциплинарныхъ командъ изъ увольняемыхъ изъ высшихъ учебныхъ заведеній за безпорядки, объ учрежденіи для нихъ особыхъ мѣстъ заключенія и разобщеніи со всѣмъ міромъ, кромѣ немногихъ лицъ, призванныхъ вліять на нихъ воспитательно и руководить ихъ научными занятіями, насколько то возможно, — словомъ, объ учрежденіи для нихъ такого же исправительнаго заведенія, какъ Maison Paternelle въ Меттрэ близъ Тура, гдѣ съ этой цѣлью устроено 50 отдѣльныхъ келій (cellules) и, наконецъ, какъ обязательство для всѣхъ поступающихъ въ высшее учебное заведеніе, отбыть по окончаніи курса воинскую повинность вольноопредѣляющимися, при чемъ исключаемые за безпорядки естественно тотчасъ же привлекались бы въ ряды арміи, быть можетъ, съ лишеніемъ присвоенныхъ этому званію льготъ и на сроки, соотвѣтствующіе времени, на которое они подверглись увольненію изъ учебнаго заведенія (т. е., отъ одного до трехъ лѣтъ). — Наконецъ, 7. разсматриваемая здѣсь мѣра, нарушая основаніе устава о воинской повинности, представляя опасность для арміи, не отрезвляя, а лишь ожесточая и озлобляя учащуюся молодежь противъ правительства, не предупреждая и самихъ студенческихъ безпорядковъ безъ устраненія тѣхъ причинъ, которыя ихъ порождаютъ и которыя коренятся въ нынѣшнихъ учебно-воспитательныхъ нашихъ по-

рядкахъ, вызывая сильное неудовольствіе въ семействахъ осужденныхъ, вмѣстѣ съ тѣмъ не встрѣтитъ никакого сочувствія и въ самой массѣ общества, которая въ подобной мѣрѣ усмотритъ только ея суровость, не вознаграждаемую никакими добрыми послѣдствіями, ни даже необходимыми условіями всякой кары — безпристрастною справедливостью.

Доводы въ пользу принудительнаго отбыванія воинской повинности уволенными за безпорядки изъ учебныхъ заведеній.

Въ пользу разсматриваемой здѣсь мѣры приводятся обыкновенно нижеслѣдующіе доводы и соображенія: 1. Воинская повинность, будучи всеобщею, по самому существу своему, равномѣрно для всѣхъ обязательна, и какъ бы ни было во всѣхъ отношеніяхъ тягостно ея отбываніе и съ какимъ бы экономическимъ ущербомъ для самихъ отбывающихъ ее и для ихъ семействъ ни было сопряжено оно, тѣмъ не менѣе отбываніе воинской повинности никогда и ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть ни для кого наказаніемъ: изъ всѣхъ повинностей, лежащихъ на подданныхъ государства, это несомнѣнно самая тягостная, но вмѣстѣ съ тѣмъ также несомнѣнно, что это не есть наказаніе, а есть высокая честь, есть нравственный долгъ и болѣе того есть священная обязанность всякаго вѣрноподданнаго. Поэтому и для исключенныхъ за безпорядки изъ высшихъ учебныхъ заведеній поступленіе въ ряды нашей доблестной арміи отнюдь не было бы наказаніемъ, а было бы, какъ и для всѣхъ прочихъ гражданъ, великою честью, и вопросъ могъ бы быть скорѣе лишь о томъ, заслуживаютъ ли они этой чести. Наказаніемъ при этомъ было бы не привлеченіе ихъ къ военной службѣ, а только лишеніе всѣхъ льготъ, которыя у насъ оказалось возможнымъ въ большомъ числѣ и разнообразіи предоставить всѣмъ подданнымъ при установленіи всеобщей воинской повинности. Первая и главнѣйшая изъ этихъ льготъ заключается въ томъ, что далеко не всѣ несутъ дѣйствительную военную службу для защиты Престола и отечества, а что для пополненія рядовъ нашей арміи и флота оказывается достаточнымъ одной четверти всего мужскаго населенія, достигшаго 20-лѣтняго возраста, а $^3/_4$ его увольняется отъ поступленія подъ знамена и зачисляется въ ополченіе. Поступленіе въ ряды арміи или увольненіе опредѣляется жеребьемъ, отсюда участіе въ выниманіи жеребья является первою льготою, и этой льготы естественно лишаются уличенные въ умышленномъ уклоненіи отъ воинской повинности. Затѣмъ являются льготы по семейному положенію и по образованію — послѣднія, заключающіяся въ отсрочкѣ поступленія въ ряды арміи до времени окончанія полнаго образованія, въ сокращеніи срока дѣйствительной службы и въ возможности отбыть воинскую повинность на болѣе льготномъ положеніи вольноопредѣляющихся. Вотъ этихъ-то всѣхъ льготъ предполагается лишать исключаемыхъ за безпорядки изъ высшихъ учебныхъ заведеній. Лишеніе всѣхъ этихъ льготъ есть несомнѣнно тяжкая кара, которая благодаря своей тяжести имѣетъ дѣйствительно устрашающій характеръ, а потому и признается способною положить конецъ всѣмъ студенческимъ безпорядкамъ, то-есть, оказать существенно важную услугу государству, обществу и самимъ молодымъ людямъ, ищущимъ высшаго образованія, и нынѣ, по несчастію, усиленно и всѣми способами сбиваемымъ съ толку. Но сама военная служба отнюдь не потеряетъ своего въ высшей степени почетнаго характера отъ того, что нѣкоторымъ лицамъ пришлось бы проходить ее безъ тѣхъ льготъ, которыхъ они лишились бы по собственной своей винѣ и неразумію, какъ не теряетъ она этого почетнаго характера отъ того, что нѣкоторымъ лицамъ пришлось бы проходить ее безъ тѣхъ льготъ, которыхъ они лишались бы по собственной своей винѣ и неразумію, какъ не теряетъ она этого почетнаго характера отъ того, что къ ней и нынѣ принудительно привлекаются даже тѣ, которые старались отъ нея уклониться, хотя бы даже и посредствомъ членовредительства. Этотъ почетный характеръ, присущъ военной службѣ благодаря тѣмъ высокимъ цѣлямъ, ради которыхъ она установлена; но было бы большимъ заблужденіемъ полагать, что воинская повинность выполняется огромнымъ большинствомъ подлежащаго ей населенія только ради соединенной съ нею чести, или по сознанію тѣхъ высокихъ цѣлей, для которыхъ она установлена, и даже вообще охотно, по доброй волѣ и безъ всякаго принужденія. Въ основѣ всякой повинности лежитъ принужденіе, безъ чего повинность и не была бы повинностью, и если принудительное привлеченіе къ отбыванію воинской повинности даже лицъ, которыя старались съ помощью членовредительства уклониться отъ нея, не наноситъ ни малѣйшаго ущерба почетному характеру военной службы, то тѣмъ менѣе можетъ быть рѣчь о подобномъ ущербѣ отъ принудительнаго привлеченія къ военной службѣ молодыхъ людей, виновныхъ въ боль-

шинствѣ случаевъ только въ горячности, въ необдуманности, въ ложномъ пониманіи товарищескаго долга и въ недостаточной дисциплинировкѣ. Принудительное привлеченіе такихъ лицъ въ ряды арміи нисколько не поколеблетъ основного принципа столь важнаго для всего государства учрежденія, — какъ армія и не можетъ причинить ни малѣйшаго ущерба ея чести: это не воры, не мошенники, не порочные и безчестные люди, не опозоренные по суду, не заговорщики; это горячія необдуманныя увлекающіяся головы и недостаточно дисциплинированные молодые люди. — 2. Тѣмъ не менѣе это люди, причиняющіе своего горячностью и необдуманностью огромный вредъ всей странѣ: себѣ самимъ, своимъ семьямъ, своимъ товарищамъ, своему учебному заведенію, правильному ходу ученія, авторитету власти, а потомъ будучи выброшены изъ учебнаго заведенія и ставъ сначала мишенью для усилій крамольниковъ, а потомъ и ихъ пособниками, являются уже настоящими врагами всего общественнаго и государственнаго строя. Не даромъ крамольная партія съ особенною настойчивостью стремится къ возбужденію съ помощью этихъ горячихъ головъ безпорядковъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Безпорядки эти служатъ ей самымъ удобнымъ и сподручнымъ средствомъ къ пополненію ея рядовъ, къ распространенію, при помощи исключенныхъ и никуда не пристропвшихся юношей, заразы крамольныхъ ученій, къ захвату учащагося юношества въ свои руки и къ удостовѣренію всѣхъ и каждаго въ безсиліи правительства въ борьбѣ съ анархіей. Зло это громадное и для всѣхъ близко знакомыхъ съ развитіемъ въ нашемъ отечествѣ крамолы несомнѣнное и очевидное: оградить отъ него всѣми мѣрами и способами государство и подростающія поколѣнія есть священный долгъ правительства. Наиболѣе дѣйствительною мѣрою къ сему представляется лишеніе участниковъ въ безпорядкахъ всѣхъ льготъ по воинской повинности. Кара эта, безъ сомнѣнія, очень тяжкая, далеко превышающая мѣры умышленной и сознательной виновности этихъ молодыхъ людей, но вполнѣ соотвѣтствующая размѣрамъ того зла и вреда, которые, они большей частью безсознательно и неумышленно, какъ слѣпыя орудія крамолы, причиняютъ странѣ, и потому не можетъ не быть признана вполнѣ справедливою и вполнѣ заслуженною. Совершенно справедливо, что она падаетъ и на ихъ семьи, какъ и вообще всякое болѣе или менѣе тяжкое наказаніе, постигающее кого либо изъ членовъ семьи; но семьи въ этомъ случаѣ должны сѣтовать на этихъ своихъ членовъ, а быть можетъ, отчасти, на самихъ себя, за то, что не успѣли или не хотѣли надлежащимъ образомъ воспитывать, вести и дисциплинировать младшихъ своихъ членовъ и допустили ихъ стать слѣпыми орудіями крамолы. — Двойственность кары — удаленіе изъ учебнаго заведенія и лишеніе всѣхъ льготъ по воинской повинности — не можетъ говорить противъ ея справедливости, ибо подобная же двойственность наказанія встрѣчается и въ самомъ уставѣ о воинской повинности (ст. 217 и 218) и во многихъ другихъ отдѣлахъ нашего законодательства — наложеніе же въ данномъ случаѣ наказанія не судебнымъ, а административнымъ порядкомъ вполнѣ оправдывается характеромъ самой вины и положеніемъ виновныхъ, какъ воспитанниковъ учебнаго заведенія: невозможно предавать формальному судоговоренію тѣ частныя бытовыя стороны жизни учебнаго заведенія, справедливая оцѣнка которыхъ доступна лишь лицамъ, которыя сами вращаются въ этой средѣ. — 3. Одинаковость наказанія при возможномъ различіи вины участниковъ въ безпорядкахъ не составляетъ сущности предлагаемой мѣры: наказаніе это весьма легко можетъ быть приведено въ соотвѣтствіе съ мѣрою вины, напримѣръ, предоставленіемъ однимъ отбыть воинскую повинность на положеніи вольноопредѣляющихся 1-го или 2-го разряда, другимъ на положеніи жеребьевыхъ 1-го, 2-го или 3-го разрядовъ, не говоря уже о томъ, что срокъ службы можетъ быть соразмѣренъ съ поведеніемъ и усердіемъ къ службѣ этихъ служащихъ. — 4. Совершенно справедливо, что уголовное наше законодательство не знаетъ ни такого преступленія, какъ студенческіе безпорядки скопомъ, ни такого наказанія, какъ лишеніе всѣхъ или нѣкоторыхъ льготъ по отбываніи воинской повинности и не должно ихъ вовсе знать и на будущее время, ибо только вслѣдствіе случайныхъ, временныхъ, можно надѣяться — имѣющихъ скоро прекратиться обстоятельствъ и условій недавняго прошлаго, породившихъ въ странѣ нашей гнусную крамолу, такіе въ сущности школьническіе проступки какъ студенческіе безпорядки, могли по своимъ послѣдствіямъ принять размѣры важнаго и крайне пагубнаго преступленія и потребовать такой чрезвычайной мѣры, какъ предлагаемая нынѣ во всякомъ случаѣ на короткое время, сначала въ видѣ опыта, хотя бы только три года. Подобная мѣра можетъ и должна быть принята только въ административномъ порядкѣ, а не въ законодательномъ, и не должна входить въ составъ постояннаго законодательства. Что сила этого наказанія не

для всѣхъ одинакова, а для однихъ окажется болѣе, для другихъ менѣе тяжкою, это примѣнимо и ко всякому другому наказанію: каждое изъ нихъ различно поражаетъ подвергающихся ему лицъ, смотря по индивидуальнымъ свойствамъ и особенностямъ каждаго лица и его положенія въ данное время. Что же касается до физически неспособныхъ къ строевой службѣ или недостаточно для нея развившихся, то они могутъ проходить свою службу въ нестроевыхъ должностяхъ и командахъ (фельдшеровъ, буде медики, писарей и т. д.). — 5. Карательныя мѣры, принимаемыя внезапно, по личному усмотрѣнію и произволу, въ данныхъ лишь случаяхъ, безъ всякаго предварепія о возможности ихъ наложенія, конечно, могутъ ожесточить и озлобить противъ правительства тѣхъ, на кого онѣ падаютъ. Но въ данномъ случаѣ предполагается, что учащіеся будутъ неоднократно предупреждаемы, что за устройство или за участіе въ безпорядкахъ скопомъ виновные будутъ не только удаляемы изъ учебнаго заведенія, но и лишаемы всѣхъ вообще льготъ по воинской повинности, и если подобная кара дѣйствительно ихъ постигнетъ, они будутъ должны пенять только на самихъ себя и сѣтовать на своихъ подстрекателей, а вовсе не на правительство, предостерегавшее ихъ отъ участія въ безпорядкахъ и указывавшее на тѣ послѣдствія, которыя оно должно повлечь за собою. Впрочемъ пришлось бы отмѣнить всѣ наказанія за проступки и преступленія, если бы правительству слѣдовало руководствоваться опасеніемъ, что наказанія эти могутъ озлобить и ожесточить противъ него наказываемыхъ. Хочешь не подвергаться наказанію, не совершай проступка или преступленія, за которое оно налагается. Впрочемъ огромное большинство учащихся вовсе не въ пользу безпорядковъ и будетъ только благодарно правительству, что наконецъ-то оно рѣшилось на мѣру, способную воздержать подстрекателей, отрезвить и образумить горячія головы, слишкомъ легко имъ поддающіяся, и придать силу внушеніямъ болѣе разумнаго и спокойнаго большинства. Какъ уже сказано выше, увольняемые изъ учебныхъ заведеній за безпорядки въ огромномъ большинствѣ въ самый моментъ своего увольненія не могутъ считаться людьми, зараженными крамолою или ея гнусными и тлетворными ученіями, или же принадлежащими къ тайнымъ революціоннымъ сообществамъ: если бы въ средѣ ихъ оказались таковые, то по предложеніямъ большинства совѣщанія министровъ они не подлежали бы разсматриваемой здѣсь мѣрѣ. Слѣдовательно, въ армію поступали бы лица, вина коихъ заключается въ легкомыслiи, въ неразумiи, въ непониманіи своего долга, своей пользы и своего положенія, какъ учащихся, въ способности увлекаться дурными внушеніями, весьма часто въ превратномъ пониманіи своего товарищескаго долга, въ горячности, наконецъ, просто въ желаніи пошумѣть, побуянить и конечно, въ недостаточномъ развитіи чувства законности и духа дисциплины. Могутъ быть между ними, конечно, и люди съ шаткимъ, не установившимся и даже превратнымъ образомъ мыслей въ религіозномъ, политическомъ и соціальномъ отношеніи, какихъ не мало поступаетъ и всегда поступало въ армію ежегодно изъ всевозможныхъ учебныхъ заведеній, не исключая даже военноучебныхъ, притомъ даже офицерами. Хотя въ настоящее время армія наша по составу нижнихъ чиновъ своихъ далеко не та, какою была она при Императорѣ Николаѣ I, тѣмъ не менѣе и при сокращенныхъ слишкомъ въ четверо срокахъ службы и при несравненно менѣе суровомъ обращеніи съ нижними чинами, армія наша, благодаря Бога, и въ настоящее время представляетъ собою среду вполнѣ здоровую въ религіозно-нравственномъ и соціально-политическомъ отношеніи, проникнутую духомъ беззавѣтной преданности Престолу и отечеству и вполнѣ дисциплинированную. Попадающіе и имѣющіе и впредь попадать въ эту среду молодые люди съ шаткимъ и даже превратнымъ образомъ мыслей не только не въ состояніи сами воздѣйствовать на нее въ дурномъ смыслѣ, но обыкновенно, напротивъ, подпадаютъ доброму ея вліянію, вліянію всего строя военной жизни и службы, вліянію непреклонно-твердой дисциплины, и сами весьма скоро вполнѣ отрезвляются. Тоже несомнѣнно было бы и съ молодыми людьми, уволенными за безпорядки изъ учебныхъ заведеній, хотя бы нѣкоторые изъ нихъ и были съ превратнымъ образомъ мыслей.

Чтобы, поступивъ въ ряды арміи, они могли стать мишенью для вліяній крамольниковъ, это представляется совершенно невѣроятнымъ. Можно быть вполнѣ увѣреннымъ, что армія, служа самою надежною основою и охраною для всего государственнаго и общественнаго порядка, сама самымъ бережнымъ образомъ охраняется отъ посягательствъ на нее крамольниковъ и можетъ быть легко охраняема, благодаря всему своему строю и господствующему въ ней духу дисциплины. Нѣтъ сомнѣнія, что не менѣе были бы охраняемы отъ козней крамольниковъ и эти нижніе чины, о которыхъ здѣсь рѣчь, и даже еще болѣе, ибо на

нихъ, какъ на бывшихъ участниковъ въ безпорядкахъ, смотрѣли бы болѣе подозрительно и дѣйствительно должны были бы имѣть за ними особенно тщательное наблюденіе, такъ чтобы ни на нихъ не могла дѣйствовать крамола, ни они сами не могли бы дѣйствовать на своихъ сослуживцевъ какимъ либо нравственно-растлѣвающимъ образомъ. Поэтому и слѣдовало бы распредѣлять ихъ въ тѣхъ частяхъ войскъ, которыя пользуются казарменнымъ размѣщеніемъ.

Ни подобное распредѣленіе ихъ, ни особое наблюденіе за ними не представили бы большихъ затрудненій, ибо самое число этихъ лицъ весьма незначительно. Если бы предположить даже нѣчто совсѣмъ невозможное, а именно, что разсматриваемая здѣсь мѣра нисколько не уменьшила бы безпорядковъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, то и тогда оказалось бы, что подлежали бы ей ежегодно изъ обучающихся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ министерства народнаго просвѣщенія 69 человѣкъ (такъ было въ среднемъ выводѣ за 18 лѣтъ, съ 1864 по 1882 г.), изъ другихъ же учебныхъ заведеній по большей мѣрѣ человѣкъ 11, всего, значитъ въ годъ около 80, а черезъ 6 лѣтъ, предполагая для всѣхъ ихъ 6-лѣтній срокъ службы, численность этихъ нижнихъ чиновъ во всей нашей арміи дошла бы всего до 480 человѣкъ. Въ виду такого ничтожнаго числа этихъ лицъ сравнительно съ численностью нашей арміи едва ли можно опасаться, что черезъ нѣсколько лѣтъ эти лица проникли бы во всѣ части ея (разумѣя подъ частями роты и эскадроны), что ни сами они, при господствующихъ въ нашей арміи порядкахъ и дисциплинѣ, не могли бы быть достаточно ограждены отъ происковъ и вліянія крамольниковъ, ни тѣ части, въ которыя они поступили бы отъ предполагаемаго худого вліянія этихъ 480 молодыхъ людей. Чтобъ эти 480 молодыхъ людей (примѣрно по 1 на каждую изъ избранныхъ для сего 480 ротъ или эскадроновъ), большею частью совершенно неиспорченныхъ и безвредныхъ, могли испортить собою и своимъ вліяніемъ нашу армію, это представляется совершенно невозможнымъ. Если бы съ обсуждаемою здѣсь мѣрою была связана хотя бы малѣйшая тѣнь подобной опасности, то, конечно, ее отнюдь не рѣшились бы предложить тѣ лица, которыя нынѣ ее предлагаютъ и которыя вполнѣ проникнуты сознаніемъ всего величія такого по истинѣ національнаго учрежденія, какъ армія, — учрежденія, которое представляетъ собою самый надежный оплотъ противъ всѣхъ враговъ Престола и Отечества, враговъ какъ внѣшнихъ, такъ и внутреннихъ; но именно благодаря этому своему великому національному и историческому значенію и призванію, армія, казалось бы, должна оказать Престолу и Отечеству и эту немаловажную услугу въ борьбѣ съ внутреннюю крамолою, спасая отборную, но сбиваемую съ толку молодежь отъ собственныхъ ея увлеченій и отъ сѣтей, разставляемыхъ ей крамолою. Оказывая подобную услугу обществу и государству, армія не только не вредитъ себѣ и не подвергнетъ себя опасности какой-либо нравственно-политической порчи, а, напротивъ, вмѣстѣ со всею страною обезопечитъ и себя отъ нея въ будущемъ, ибо лишитъ крамолу возможности самымъ легкимъ и удобнымъ образомъ вербовать своихъ адептовъ и агентовъ среди выбрасываемыхъ за безпорядки изъ учебныхъ заведеній молодыхъ людей, предоставляемыхъ въ жертву праздности и сопутствующимъ ей всякаго рода дурнымъ вліяніямъ. Армія есть только часть всего населенія; все что вредно отражается на населеніи вообще, то неблагопріятно дѣйствуетъ и на армію, пополняющую свои ряды изъ населенія. Поэтому всякая мѣра, направленная къ искорененію распространяющейся среди населенія пропаганды крамолы, тѣмъ самымъ предупреждаетъ распространеніе этого зла и въ самой арміи. Поэтому и армія не должна оставаться безучастною въ принятіи мѣръ къ уничтоженію крамолы.

Что она служила бы оздоровляющею и отрезвляющею средой для извѣстной части нашей учащейся молодежи, нынѣ усиленно сбиваемой съ толку, это послужило бы только къ вящей чести и славѣ арміи. Впрочемъ, вездѣ вполнѣ благоустроенная и доблестная армія признается школою высшей дисциплины для всего населенія страны, и этой великой ея задачѣ нисколько не противорѣчило бы привлеченіе въ ея ряды ищущихъ высшаго образованія молодыхъ людей, по тѣмъ не менѣе еще нуждающихся въ довоспитаніи своемъ въ дисциплинарномъ отношеніи, и, конечно, это нисколько не могло бы причинить ущерба чести арміи, и что довоспитаніе было бы блистательно совершено, въ томъ не можетъ быть никакого сомнѣнія.

Нельзя, конечно, отрицать, что и самая лучшая, самая разумная и дѣйствительная мѣра окажется недѣйствительною и безполезною, если ея не будутъ вовсе примѣнять или если ею будутъ пользоваться непослѣдовательно и потому крайне неразумно. Но это уже дѣло тѣхъ вѣдомствъ, въ коихъ состоятъ высшія учебныя

заведенія, не допускать ни бездѣйствія въ этомъ отношеніи ближайшаго учебнаго начальства, ни такихъ его дѣйствій, которыя своимъ неразумѣемъ и непослѣдовательностью являли бы отъ времени до времени только безцѣльную суровость законодателя, не обращая разсматриваемой здѣсь мѣры къ дѣйствительному устраненію студенческихъ безпорядковъ и къ возстановленію въ учащейся молодежи духа порядка и дисциплины Студенческіе безпорядки не такое зло, которое легко было бы сокрыть какъ отъ своего высшаго начальства, такъ и отъ постороннихъ гражданскихъ и военныхъ властей и отъ всего мѣстнаго общества, а потому едва ли и возможно ожидать какого либо попустительства въ этомъ отношеніи какъ отъ ближайшихъ учебныхъ властей, такъ и отъ стоящихъ подъ ними вѣдомствъ. Притомъ же, какъ только учебныя власти были бы надѣлены такимъ могучимъ средствомъ къ водворенію духа дисциплины во ввѣренной имъ учащейся молодежи, то на нихъ, очевидно, должна быть возложена строгая и точно опредѣленная отвѣтственность за ихъ бездѣйствіе и безпечность въ этомъ отношеніи, и въ случаѣ надобности одновременно съ разсматриваемою здѣсь мѣрою должны быть установлены и особые способы наблюденія за дисциплинарнымъ состояніемъ каждаго высшаго учебнаго заведенія. Дѣло отнюдь не идетъ о томъ, чтобы снять съ наставниковъ, съ учебныхъ начальствъ и учебныхъ вѣдомствъ ту заботу о нравственно-дисциплинарномъ отношеніи высшихъ учебныхъ заведеній, которая должна лежать на нихъ, и возложить эту задачу на военное вѣдомство, на армію: совершенно напротивъ, дѣло можетъ и должно идти только о томъ, чтобы, вооруживъ учебныя власти такими и неотразимыми способами дѣйствія на учащуюся молодежь, сдѣлать лежащую на нихъ нравственно-дисциплинарную задачу вполнѣ разрѣшимою вмѣнить имъ въ обязанность подъ строжайшею отвѣтственностью непремѣнное и безотлагательное разрѣшеніе оной.

Дѣйствительно, дисциплина и порядокъ не упали бы въ такой мѣрѣ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, какъ это оказывается нынѣ на дѣлѣ, если бы всѣ ихъ наставники и начальники отъ низшихъ и до высшихъ исполняли какъ слѣдуетъ свои обязанности и пользовались въ надлежащей мѣрѣ тѣми дисциплинарными полномочіями, которыя имъ и доселѣ были предоставлены. Но съ другой стороны, нельзя отрицать, что въ прошедшее царствованіе правительство какъ бы отступилось само отъ университетовъ и другихъ высшихъ учебныхъ заведеній, и предоставило ихъ и учащуюся въ нихъ молодежь въ безконтрольное почти завѣдываніе профессорскихъ коллегій и ими избираемыхъ должностныхъ лицъ, а самимъ этимъ коллегіямъ предоставило управляться и пополняться, какъ знаютъ и умѣютъ. Въ своемъ отчужденіи отъ власти, а нерѣдко и въ борьбѣ съ нею, болѣе всего опасаясь ея вмѣшательства въ свои дѣла и потому не ища въ ней опоры, а, по возможности, и скрывая отъ нея все, что происходитъ въ учебномъ заведеніи, профессорскія коллегіи и избираемыя ими должностныя лица мало-по-малу и неминуемо должны были утратить всѣ тѣ дисциплинарныя полномочія, которыя по закону и по правиламъ были имъ предоставлены. Вся сила и мощь оказались въ рукахъ не начальниковъ и наставниковъ, не профессорскихъ коллегій, стоявшихъ надъ ними, а въ рукахъ учащейся молодежи, которая, дѣйствуя скопомъ и заговоромъ, устраивая сходки и всякаго рода демонстраціи, всегда вдвойнѣ могла напугать всѣ эти выборныя власти — какъ самими безпорядками и безчинствами, такъ чуть ли еще не болѣе необходимостью прибѣгнуть къ вмѣшательству посторонней учебному заведенію власти, какою въ университетахъ считалась даже и власть попечителя округа. Не только помощники инспектора или проректора, не только профессора, но и самъ инспекторъ или проректоръ и ректоръ всячески избѣгали поводовъ и случаевъ дѣлать какія бы то ни было замѣчанія, а тѣмъ паче выговоры студентамъ, чтобы не возбуждать „студенческихъ исторій“. Могъ ли при этомъ сохраниться бывшій прежде грозою для студентовъ академическій карцеръ? Такимъ образомъ мало-по-малу всѣ основы порядка и дисциплины въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ были подорваны, и нынѣ не представляется возможности возстановить ихъ иначе какъ съ помощью такой экстраординарной мѣры, какъ принудительное привлеченіе виновныхъ въ студенческихъ безпорядкахъ къ отбыванію воинской повинности; ибо только возможность прибѣгнуть къ такой мѣрѣ даетъ твердую и надежную опору нынѣ столь расшатанной и поколебленной дисциплинарной власти учебныхъ начальствъ, малѣйшее проявленіе которой въ настоящее время способно вызвать сильнѣйшій отпоръ со стороны отдѣльныхъ студентовъ, а затѣмъ и со стороны болѣе или менѣе значительной ихъ массы.

Всякаго рода другія мѣры не представляются сами по себѣ дѣйствительными, ибо онѣ или непримѣнимы къ массамъ, или не заключаютъ въ себѣ никакихъ га-

рантій оздоровленія, отрезвленія и дисциплинированія молодыхъ людей, способныхъ черезчуръ разгорячаться и разбушевываться. Дѣйствительно, духъ неповиновенія начальству, наиболѣе проявляющійся въ студенческихъ безпорядкахъ, питается главнѣйше тѣмъ разсчетомъ, что, чѣмъ болѣе окажется участниковъ въ этихъ безпорядкахъ, тѣмъ большею безнаказанностью будутъ они пользоваться: отсюда всѣ усилія зачинщиковъ и подстрекателей направлены бываютъ къ тому, чтобы вовлечь въ эти безпорядки сколь можно большее число товарищей. Никакихъ карцеровъ, если бы они и существовали, и никакихъ мѣстъ заключенія не хватило бы на всю эту толпу участниковъ въ безпорядкахъ, и это тѣмъ болѣе, что болѣе или менѣе всѣ высшія учебныя заведенія бываютъ солидарны въ этомъ отношеніи между собою, и безпорядки, начавшіеся въ Харьковѣ или въ Одессѣ, тотчасъ отзываются въ Кіевѣ и въ Москвѣ, въ Петербургѣ и въ Казани, и наоборотъ. Положимъ, что для отрезвленія этой разбушевавшейся молодежи было бы учреждено нѣчто въ родѣ Maison Paternelle, хотя бы и съ сотнею келій (вмѣсто 50-ти), очевидно, что стоило бы только употребить усилія и вовлечь въ безпорядки 200, 300 и болѣе человѣкъ, чтобы учрежденіе это оказалось недѣйствительнымъ, не говоря уже о томъ, сколько времени и какихъ расходовъ потребовало бы его устройство и содержаніе, какъ не легко было бы найти для него руководителей и какъ сомнительно, чтобъ это одиночное заключеніе могло содѣйствовать довоспитанію молодыхъ людей въ дисциплинарномъ отношеніи. Во Франціи „Maison Paternelle“ предназначенъ, правда, отчасти и для строптивыхъ учениковъ лицеевъ и коллегій (нашихъ гимназій), которые совершенно вышли изъ повиновенія родителямъ, наставникамъ и начальникамъ (во Франціи, какъ и у насъ, тѣлесныя наказанія не употребляются), но главнымъ образомъ для неисправимыхъ лѣнтяевъ, для юношей, попавшихъ въ дурную компанію и предающихся кутежамъ, распущенности и мотовству. Какъ мѣра карательная, учрежденіе это ближе всего подходитъ къ карцеру и отчасти къ одиночному тюремному заключенію; какъ мѣра исправительная, оно какъ нельзя болѣе пригодно противъ лѣности и распущенности, но въ весьма малой мѣрѣ противъ духа неповиновенія, ибо почти вовсе не представляетъ случаевъ упражнять свою волю въ безусловномъ подчиненіи волѣ старшихъ. Особыя военныя команды, учрежденныя для исключаемыхъ изъ высшихъ учебныхъ заведеній за безпорядки, конечно, могли бы вмѣстить всѣхъ, кто только подвергся бы этому взысканію, но болѣе чѣмъ сомнительно, чтобы онѣ могли содѣйствовать ихъ отрезвленію и дисциплинированію, и несомнѣнно потребовалось бы огромное число унтеръ-офицеровъ и офицеровъ, чтобы хоть сколько нибудь держать эти команды въ дисциплинѣ и порядкѣ, и можно опасаться самаго тлетворнаго вліянія другъ на друга этихъ молодыхъ людей болѣе или менѣе одинаковаго образованія, одинаковаго направленія и въ одинаковомъ положеніи, особенно же если бы между ними оказались лица съ превратнымъ образомъ мыслей или даже зараженныя ученіями крамолы: въ послѣднемъ случаѣ возможно было бы возникновеніе весьма опаснаго тайнаго революціоннаго сообщества съ опредѣленными планами и замыслами на будущее время по увольненіи изъ такихъ командъ. Притомъ же подобныя команды ни для какихъ военныхъ цѣлей не были бы пригодны и въ сущности никакой службы не несли бы, а были бы въ родѣ существующихъ нынѣ дисциплинарныхъ ротъ и баталіоновъ. Напротивъ, къ отбыванію воинской повинности въ рядахъ арміи можетъ быть привлечено столько лицъ, сколько окажется имѣющихъ надобность въ подобномъ довоспитаніи въ дисциплинарномъ отношеніи. Увеличивать число участниковъ въ безпорядкахъ въ разсчетѣ на безнаказанность окажется уже невозможнымъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ сколько бы ихъ ни было, всѣ они попали бы въ среду вполнѣ здоровую, отрезвляющую и способную всѣмъ строемъ своимъ дѣйствовать на нихъ самымъ дисциплинирующимъ образомъ.

Притомъ же лишеніе всѣхъ льготъ по воинской повинности представляетъ собою кару, устрашающій характеръ которой несомнѣнно побудитъ и самихъ молодыхъ людей и ихъ семейства, а также ихъ наставниковъ и ихъ начальниковъ, стать въ несравненно большей мѣрѣ, чѣмъ теперь, на стражѣ противъ усилій злоумышленниковъ, подстрекателей и зачинщиковъ студенческихъ безпорядковъ.

Быть можетъ, въ разсчетѣ на непослѣдовательность и слабодушіе учебныхъ начальствъ кое-гдѣ и на первыхъ порахъ возникали бы еще студенческіе безпорядки; но и тогда они не содѣйствовали бы пополненію рядовъ крамольной партіи и разносу по странѣ ея ученій, ибо виновные въ безпорядкахъ были бы немедленно привлекаемы къ отбыванію воинской повинности: крамола убѣдилась бы въ безполезности для нея этихъ безпорядковъ, а два-три примѣра лишенія за участіе въ нихъ всѣхъ льготъ по воинской повинности не замедлили бы отрезвить и образу-

мить учащихся и положить конецъ безпорядкамъ, а временемъ дѣйствія этой мѣры и наставники юношества, и учебныя начальства должны были бы воспользоваться для окончательнаго и твердаго водворенія въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ духа дисциплины и порядка.

Указываютъ на Военно-Медицинскую Академію, которая и безъ вышеозначенной мѣры стала почти непричастна въ настоящее время къ студенческимъ безпорядкамъ. Мѣры, которыя были съ этою цѣлью употреблены военнымъ вѣдомствомъ, совершенно невозможны для другихъ вѣдомствъ, и особенно для министра народнаго просвѣщенія по отношенію къ университетамъ. а) Въ Военно-Медицинской Академіи могли быть упразднены, хотя и временно, два низшіе курса въ разсчетѣ на эти курсы въ медицинскихъ и физико-математическихъ факультетахъ въ университетахъ. Очевидна совершенная невозможность этой мѣры для университетовъ. б) Молодые люди, удостоенные пріема въ Военно-Медицинскую Академію, сначала всѣ, а нынѣ двѣ трети всего числа, обращены въ стипендіатовъ правительства и считаются уже состоящими на военной службѣ со всѣми соотвѣтственными правами, обязанностями и требованіями дисциплины. Какъ ни велико число правительственныхъ и частныхъ стипендій въ нашихъ университетахъ, оно далеко не соотвѣтствуетъ двумъ третямъ всего числа ихъ студентовъ и никто изъ стипендіатовъ не считается состоящимъ на службѣ. Едва ли желательно и едва ли возможно какъ увеличеніе числа стипендій въ университетахъ, такъ и зачисленіе стипендіатовъ на службу. в) Привлеченіе на службу по инспекціи въ Военно-Медицинской Академіи военныхъ штабъ-офицеровъ, распространеніе на ея студентовъ нѣкоторыхъ требованій военной дисциплины, возможность располагать для ихъ обузданія въ случаѣ надобности военною силою, а для ихъ наказанія военными гауптвахтами, — все это такія условія, которыя сравнительно съ вышеозначенными, конечно, имѣютъ лишь второстепенную важность, но которыхъ лишены всѣ другія вѣдомства. Что Медико-Хирургическая Академія могла быть очагомъ непрерывныхъ студенческихъ безпорядковъ, находясь въ военномъ вѣдомствѣ, это было обстоятельствомъ по истинѣ удивительнымъ и чрезвычайнымъ.

Наконецъ, г) въ вопросахъ, имѣющихъ несомнѣнную государственную важность, едва ли было бы умѣстно оцѣнивать ту или другую мѣру по тому, насколько она будетъ популярна или непопулярна. Несравненно вѣрнѣе и основательнѣе другой критерій, а именно, полезна ли, необходима ли, удобоисполнима ли и справедлива ли данная мѣра. Всѣми этими качествами, какъ выше изъяснено, отличается разсматриваемая здѣсь мѣра, а потому ее слѣдовало бы принять въ принципѣ, хотя бы въ видѣ опыта на 3 года, и разработать подробныя правила относительно порядка примѣненія ея на дѣлѣ.

Когда журналъ засѣданія комитета гг. министровъ по сему предмету былъ представленъ Государю Императору, на немъ послѣдовала 20-го февраля 1884 г. Собственноручная Его Императорскаго Величества резолюція: „Не раздѣляя опасеній и мнѣній 14-ти особъ, полагаю отложить окончательное рѣшеніе этого дѣла до утвержденія новаго университетскаго устава“.

Новый университетскій уставъ дѣйствительно былъ Высочайше утвержденъ 23-го августа 1884 г., но дѣло о лишеніи виновныхъ въ студенческихъ безпорядкахъ льготъ по воинской повинности болѣе не возобновлялось.

Дѣло 1-го марта 1887 г. и мѣры къ болѣе осмотрительному пріему въ высшія учебныя заведенія.

1887-й годъ ознаменовался событіями въ высшей степени прискорбными: злоумышленіемъ противъ жизни Государя Императора, въ которомъ участниками оказались 11 студентовъ С.-Петербургскаго университета: Петръ Горкунъ, Василій Генераловъ, Михаилъ Канчеръ, Василій Осипановъ, Пахомій Андреюшкинъ, Александръ Ульяновъ. Бронславъ Пильсудскій, Іосифъ Лукашевичъ,, Петръ Яковлевъ Шевыревъ, Говорухинъ Орестъ и Рудевичъ Николай — скрывшійся, и студенческими безпорядками въ концѣ ноября и началѣ декабря, которые повели къ временному закрытію 5-ти университетовъ, Харьковскаго технологическаго института и Казанскаго ветеринарнаго института.

Гнусное дѣло 1-го марта послужило къ обнаруженію, между прочимъ, что въ С.-Петербургскомъ университетѣ продолжали существованіе не только разныя тайныя землячества, но и явныя quasi-литературныя общества, и студенческая читальня, и университетскій буфетъ,[6] — учрежденія, служившія, между прочимъ, для уловленія въ сѣти крамолы безхитростныхъ провинціаловъ, наѣхавшихъ въ Петербургъ изъ захолустьевъ; но за то отсутствовалъ вовсе карцеръ.

Дѣло это побудило профессора философіи въ С.-Петербургскомъ университетѣ и декана историко-филологическаго факультета М. И. Владиславлева представить г. министру Народнаго Просвѣщенія записку, въ которой указывалось, хотя и съ большой осторожностью, на вышеозначенныя бросающіяся въ глаза нарушенія устава и правилъ, и предлагались мѣры къ очищенію С.-Петербургскаго университета отъ вредныхъ элементовъ. Записка эта замѣчательна во многихъ отношеніяхъ. Она не осталась безъ довольно серьезныхъ послѣдствій, выдвинула ея автора на первый планъ и побудила г. министра назначить его ректоромъ С.-Петербургскаго университета. Поэтому признается не излишнимъ сообщить здѣсь подробное извлеченіе изъ этой записки.

Зло, говоритъ М. И. Владиславлевъ, въ университетѣ есть; но относительно массы студентовъ революціонная партія въ немъ не велика и даже менѣе, чѣмъ была до введенія устава 1884 года. Много-ли, мало-ли въ немъ анархистовъ,[7]) объ этомъ можно спорить, но нельзя отрицать, послѣ 1 марта 1887 г., что они въ немъ есть, что ихъ болѣе, чѣмъ взято полиціей, и что они могутъ еще нарости въ немъ же. Огромное, скажемъ подавляющее, большинство студентовъ не сочувствуетъ этой партіи, но есть колеблющіеся и почти наготовѣ пристать къ ней. Матеріалъ для нея несомнѣнно есть. Она можетъ вербовать далѣе себѣ сторонниковъ изъ бѣдняковъ университетскаго пролетаріата, который, перебиваясь изо дня въ день, ища всякихъ знакомствъ, въ надеждѣ воспользоваться ими для заработковъ, рыская по городу въ погонѣ за уроками, всегда подвергается опасности встрѣчи съ революціонерами, готовыми помогать, лишь бы потомъ вовлечь жертву въ свое преступное сообщество. Можетъ эта партія ловить въ свои сѣти и тѣхъ не малочисленныхъ праздныхъ студентовъ, которые, охладѣвъ къ наукѣ и заболтавшись о политикѣ, легко попадаютъ въ притоны, надъ которыми выставленъ флагъ такъ-называемаго народолюбія. Въ столичномъ университетѣ, въ мѣстопребываніи Государя Императора, въ которомъ залогъ спокойствія и благоденствія государства, рѣшительно невозможно оставить студенчество въ настоящемъ его составѣ. Мѣры къ измѣненію состава студенчества должны имѣть двѣ цѣли: во-первыхъ, возможное устраненіе всѣхъ, дающихъ болѣе или менѣе основательный поводъ предполагать хотя нѣкоторую ихъ прикосновенность къ партіи безпорядка, и во-вторыхъ, освобожденіе университета отъ мало и плохо или совсѣмъ не учащагося пролетаріата, не имѣющаго ни въ какомъ отношеніи яснаго положенія. Для сихъ цѣлей слѣдуетъ: послѣ зачета полугодій первымъ 6-ти семестрамъ, признать всѣхъ студентовъ С.-Петербургскаго университета выбывшими изъ него, при чемъ объявить, что могутъ быть обратно приняты въ него лишь тѣ, которые признаются особою комиссіей того заслуживающими. Выбывшимъ студентамъ должно быть объявлено, что желающіе изъ нихъ быть принятыми обратно должны подать (иногородніе по почтѣ) о томъ прошеніе въ комиссію и при этомъ собственноручно изложить свое curriculum vitae въ теченіе университетскаго пребыванія: у кого кто жилъ и какія откуда получалъ средства, чѣмъ предполагаетъ жить далѣе въ Петербургѣ, принадлежалъ ли къ землячеству и къ какому, дать подписку о непринадлежности ни къ какимъ не допущеннымъ правительственною властью товариществамъ. Не подавшіе своевременно прошенія считаются выбывшими изъ университета, и таковымъ высылаются на мѣсто ихъ жительства документы. Комиссія, назначенная министромъ не изъ профессоровъ, но съ участіемъ въ ней университетской инспекціи въ полномъ ея составѣ, должна выдѣлить ненадежный элементъ изъ среды студентовъ и рѣшительно отклонить прошеніе лицъ, такъ или иначе ею замѣченныхъ въ разныхъ проступкахъ, всѣхъ кажущихся подозрительными по нѣкоторымъ основаніямъ, не посѣщавшихъ лекцій вообще или весьма рѣдко, стоящихъ на замѣчаніи у полиціи, отъ которой въ семъ случаѣ должно просить указаній, всѣхъ живущихъ безъ всякихъ опредѣленныхъ средствъ и въ то же время уроженцевъ отдаленныхъ мѣстностей, какъ и тѣхъ, кто вообще не можетъ указать, чѣмъ они жили. За исключеніемъ явно неблагонадежныхъ, всѣмъ выбывшимъ студентамъ и непринятымъ обратно слѣдуетъ дозволить учиться въ другихъ университетахъ (кромѣ московскаго). Если бы, по разборѣ, составъ студентовъ уменьшился на цѣлую треть нынѣшняго, (около 2000 ч.),[8]) то это количество какъ разъ соотвѣтствовало бы тому числу, которое здѣшній университетъ можетъ дѣйствительно обучать и надъ которымъ можетъ имѣть хотя нѣкоторое наблюденіе. Относительно пріема вновь студентовъ въ С.-Петербугскій университетъ М. И. Владиславлевъ замѣчаетъ: необходимо прежде всего установить то положеніе, что совершенно неосновательно, какъ многіе воображаютъ, что на обученіе въ университетѣ, и притомъ въ любомъ русскомъ, существуетъ у каждаго окончившаго гимназическій курсъ неотъемлемое, какъ бы при-

рожденное право. Это есть совершенная иллюзія. При непормальныхъ обстоятельствахъ, каковы нынѣ, правительство можетъ съузить условія, на которыхъ оно дозволяетъ поступать въ университетъ, и обставить поступленіе въ извѣстный университетъ, напримѣръ, въ здѣшній, такъ, какъ оно считаетъ то нужнымъ. Именно теперь оно должно поставить вопросы: 1. Надо ли гимназистовъ, кое-какъ окончившихъ курсъ и, очевидно, бездарныхъ, вести непремѣнно черезъ университетъ, гдѣ они безпомощно, какъ бы въ туманѣ, проведутъ нѣсколько лѣтъ, забывая, что знали и пичему серьезному не выучиваясь? 2. Слѣдуетъ ли сзывать въ университетъ лицъ, которыя, по бѣдности своей, должны перебиваться изо дня въ день копѣечными уроками или перепиской, учиться, съ одной стороны, подъ страхомъ голодной смерти, а съ другой, — отдавая наибольшую часть времени постороннимъ и чуть не механическимъ занятіямъ, безъ средствъ на руководства и пособія, безъ возможности посѣщать лекціи болѣе или менѣе аккуратно, и т. д.? Конечно, нѣтъ. 3. Спеціально въ примѣненіи къ С.-Петербургскому университету есть-ли какая нибудь надобность, говоря вообще, кубанцу или донцу и т. п. итти для образованія непремѣнно въ здѣшній университетъ? Если будущій студентъ тронутъ въ революціонномъ смыслѣ (читалъ книжки, встрѣчался съ мыслящими реалистами), то по пріѣздѣ въ Петербургъ similibus gaudet, сближается съ ними, можетъ быть привозитъ рекомендаціи, и въ скоромъ времени поступаетъ въ банду. Надобно сказать, что именно бѣдняки льнутъ къ петербургскому университету, думая скорѣе тутъ устроиться, чѣмъ въ провинціальномъ городѣ, и легче получить стипендію, такъ какъ ихъ здѣсь много. Попавъ въ Петербургъ, такой студентъ оглушается шумомъ большого города, его глаза разбѣгаются на жизнь. которая несется мимо его, онъ чувствуетъ себя одинокимъ, забытымъ, никому ненужнымъ; даже въ университетѣ имъ никто не интересуется, развѣ для полученія съ него денегъ и исполненія разныхъ формальностей. Между тѣмъ крамола ловитъ его въ читальнѣ, въ университетскомъ буфетѣ, сначала черезъ мѣченаго земляка, съ которымъ онъ естественно желаетъ сблизиться и отъ котораго думаетъ получить совѣтъ и практическія указанія, въ публичномъ скверѣ, гдѣ упыло слоняясь, такъ какъ никакихъ знакомствъ нѣтъ, онъ иногда встрѣчается съ добрыми людьми, готовыми подслужиться уроками, полезнымъ, развивающимъ чтеніемъ и, наконецъ, знакомствомъ съ радѣтелями о благѣ народномъ, на особыхъ квартирахъ съ женщинами. Не такова ли исторія этихъ двухъ казаковъ, взятыхъ послѣ 6-ти мѣсячнаго пребыванія студентами здѣшняго университета, съ бомбами въ рукахъ на Невскомъ Проспектѣ? Развѣ не можетъ она повториться и съ другими студентами, если не принять послѣ того мѣры? Изъ сказаннаго можно вывести относительно набора новыхъ студентовъ въ С.-Петербургскій университетъ: а) Принимать въ него съ разборомъ гимназистовъ даже здѣшняго округа. Мѣстное начальство о каждомъ таковомъ аспирантѣ должно доставить свѣдѣнія: не былъ ли онъ въ чемъ нравственно-дурномъ замѣченъ, благонадеженъ ли по развитію и способностямъ къ высшему образованію, имѣетъ ли какія средства для жизни, отъ кого ихъ получаетъ. б) Могутъ встрѣтиться случаи, когда гимназистъ, безъ всякихъ средствъ къ жизни въ Петербургѣ, обѣщаетъ съ большимъ успѣхомъ пройти университетскій курсъ и по нравственнымъ своимъ качествамъ заслуживаетъ полной поддержки, Вотъ такимъ-то лицамъ и слѣдуетъ давать стипендіи съ момента поступленія ихъ въ университетъ. О казенныхъ стипендіяхъ слѣдуетъ узаконить, что они даются преимущественно гимназистамъ здѣшняго курса, что будетъ вполнѣ справедливо. в) Что же касается до воспитанниковъ гимназій другихъ округовъ, то слѣдовало бы въ принципѣ постановить, что пріемъ ихъ есть не правило, а исключеніе. Кромѣ свидѣтельства о нравственныхъ качествахъ, имущественномъ положеніи и всѣхъ тѣхъ свѣдѣній, какія долженъ представить воспитанникъ здѣшняго курса, необходимо требовать отъ новопоступающаго изъ другого округа еще подробной мотивировки, почему, вмѣсто ближайшаго, онъ желаетъ поступить въ здѣшній университетъ. При рѣшеніи должны приниматься въ расчетъ только уважительныя причины; всего менѣе надежды найти въ столицѣ уроки и платныя занятія. Сокращеніе числа студентовъ дастъ возможность осуществить мысль, къ которой рано или поздно должно придти министерство Народнаго Просвѣщенія: устроить при здѣшнемъ университетѣ, на глазахъ власти, нѣчто въ родѣ профессорскаго института, или сосредоточить здѣсь молодыхъ людей, оставляемыхъ при университетахъ для приготовленія къ профессорскому званію, и здѣшнія научныя силы направить, между прочимъ, на службу и этому дѣлу. При надлежащемъ подборѣ студентовъ и профессоровъ, С.-Петербургскій университетъ можетъ получить такой характеръ и достигнуть такой нравственной высоты, что всякаго рода либеральная болтовня, а тѣмъ болѣе разрушитель-

ныя идеи станутъ въ немъ невозможностью. Но и подборъ студентовъ не достигнетъ желаемой цѣли, если не будетъ обращено вниманіе на подъемъ дисциплины въ студенческой средѣ и на правильное, неуклонное исполненіе правительственныхъ предписаній и указаній всѣми университетскими властями. Первая настоятельнѣйшая нужда университета въ настоящее время есть дѣйствительная постановка инспекціи въ духѣ новаго устава. Въ лицѣ инспектора и помощниковъ его, она должна быть въ большинствѣ случавъ дѣятельною, самостоятельною, строго относиться ко всѣмъ случаямъ нарушенія дисциплины, порядка, установленныхъ правилъ и... карцеръ не долженъ бездѣйствовать. Можетъ быть, составъ инспекціи недостаточенъ и его слѣдуетъ увеличить, но прежде всего слѣдуетъ оживить ее и особенно внушить ей, что она должна слушаться прежде всего своей инструкціи, неотступно требовать отъ студентовъ исполненія ими своихъ обязанностей и неуклонно штрафовать ихъ при всякомъ нарушеніи ими правилъ. Большинство студентовъ живетъ на случайныхъ квартирахъ, занимая комнаты и даже иногда только углы: у многихъ нѣтъ ни порядочнаго знакомства, ни средствъ на книгу, никто о нихъ не заботится, съ кѣмъ они знакомы и что дѣлаютъ. Вотъ тутъ-то и долженъ университетъ оказать нравственную услугу студенту. Инспекція должна знать, какъ и гдѣ онъ живетъ, особенно пріѣхавшій изъ отдаленной мѣстности, съ кѣмъ онъ знакомъ. Должно быть обращено вниманіе на посѣщеніе лекцій студентами. Когда студентъ не занятъ дѣломъ, то онъ, если не бѣгаетъ съ утра до ночи по урокамъ, бездѣльничаетъ, и тутъ какъ разъ — самообразованіе, образованіе въ кружкахъ, поступленіе въ общество. Въ виду важности дѣла и высокой цѣли — сдѣлать С.-Петербургскій университетъ достойнымъ милости Монарха, вѣроятно, профессора и нѣкоторые преподаватели охотно послѣдуютъ приглашенію министерства участвовать въ этомъ дѣлѣ нравственной помощи студенчеству. Небольшія группы учащихся могли бы ввѣриться спеціальному надзору профессора, который обращалъ бы вниманіе на жизнь и ученье студента и могъ бы отъ многаго предостеречь его и во многомъ направить его къ доброму. Русскій студентъ, надобно сознаться, нуждается въ побужденіи къ труду и въ постоянномъ контролѣ, иначе онъ легкомысленно откладываетъ свои занятія ad calendas. Въ принципѣ такимъ мотивомъ и контролемъ служатъ для него зачеты полугодій, и такъ оно будетъ на самомъ дѣлѣ, когда они станутъ правдою. Быть можетъ, полезно будетъ завести при этомъ какіе-либо способы различенія: блестяще-ли, хорошо или только удовлетворительно зачтенъ семестръ, что во всякомъ случаѣ станетъ побуждать даровитыхъ молодыхъ людей изъ уваженія къ себѣ и соревнованія, въ виду будущихъ экзаменовъ въ комиссіяхъ, ревностнѣе заниматься своимъ дѣломъ.

Послѣдствіемъ записки дѣйствительно было удаленіе изъ С.-Петербургскаго университета нѣкотораго числа студентовъ, бывшихъ на дурномъ замѣчаніи у полиціи или у инспекціи и затѣмъ установленіе на будущее время болѣе осмотрительнаго пріема въ студенты этого университета на основаніи тѣхъ правилъ, которыя выше приведены подъ пп. а) и в) изъ записки М. И. Владиславлева, такъ что число студентовъ С.-Петербургскаго университета уменьшилось съ 1906 (къ 1-му января 1887 г.) до 1759 (къ 1-му января 1890 г.). Впрочемъ, какъ записка М. И. Владислава, такъ и въ особенности событіе 1-го марта 1887 г. не могли не напомнить министру Народнаго Просвѣщенія о циркулярномъ предложеніи, состоявшемся еще 12-го января 1880 г. при графѣ Д. А. Толстомъ, о томъ, чтобы начальства гимназій доставляли въ подлежащіе университеты свѣдѣнія о воспитанникахъ гимназіи, заявившихъ желаніе по окончаніи гимназическаго курса поступить въ университетъ, съ возможно полною характеристикой каждаго изъ сихъ молодыхъ людей какъ относительно хода ихъ ученія въ гимназіи, такъ и относительно нравственныхъ ихъ качествъ и внѣклассной жизни. Съ того времени смѣнились три министра Народнаго просвѣщенія, и означенное распоряженіе, хотя и не отмѣненное, было предано забвенію, а затѣмъ изъ судебныхъ разбирательствъ и изъ дознаній касательно распространенія между учащимися противоправительственной пропаганды оказалось, что въ студенты университетовъ и другихъ высшихъ учебныхъ заведеній принимаются нерѣдко молодые люди, которые еще въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ заявляли себя дурными наклонностями и даже принадлежали къ тайнымъ кружкамъ, такъ называемымъ „кружкамъ саморазвитія или самообразованія“, и нерѣдко привлекались къ дознаніямъ въ качествѣ обвиняемыхъ или какъ свидѣтели. Этого, конечно, не могло бы быть, если бы вышеозначенный циркуляръ не былъ забытъ, или „если бы начальники среднихъ учебныхъ заведеній относились къ исполненію указанной въ немъ мѣры не формально, а съ сердечнымъ

участіемъ и въ твердомъ сознаніи, что полная и вѣрная характеристика молодыхъ людей, поступающихъ въ университеты и другія высшія школы, необходима сколько для предотвращенія поступленія въ нихъ негодяевъ, изъ коихъ впослѣдствіи образуются злодѣи, столько вообще для упорядоченія состава студентовъ", и тогда „высшія учебныя заведенія были бы избавлены отъ присутствія лицъ вредныхъ, а молодые люди съ характеромъ, не вполнѣ установившимся, были бы съ самаго начала подчинены болѣе строгому надзору и могли бы исправиться и успѣшно окончить курсъ". Руководясь этими соображеніями и назвавъ неосмотрительностью или же неумѣстною и даже преступною снисходительностью обозначеніе въ увольнительныхъ свидѣтельствахъ отличными по поведенію такихъ молодыхъ людей, которые вовсе этого не заслуживаютъ, г. министръ Народнаго Просвѣщенія въ циркулярномъ предложеніи отъ 7-го іюня 1887 г., признавъ точное исполненіе вышеозначенной мѣры дѣломъ весьма важнымъ, особенно въ настоящее время и, „имѣя въ виду, что педагогическій персоналъ среднихъ учебныхъ заведеній, находясь въ постоянныхъ сношеніяхъ съ учениками въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, иногда въ теченіе всего курса, при должной заботливости о нравственномъ развитіи и добромъ направленіи учащихся, не можетъ не составить себѣ яснаго понятія объ ихъ образѣ мыслей и направленій", предложилъ чрезъ попечителей учебныхъ округовъ начальствамъ среднихъ учебныхъ заведеній сообщать университетамъ и другимъ высшимъ учебнымъ заведеніямъ, по принадлежности, полныя и обстоятельныя свѣдѣнія объ образѣ мыслей и направленіи желающихъ поступить въ нихъ молодыхъ людей, объ ихъ склонностяхъ, условіяхъ матеріальнаго быта и общественной среды, къ коей принадлежатъ ихъ родители, а также доставлять такія-же, по возможности, свѣдѣнія и о постороннихъ лицахъ, кои получатъ свидѣтельства зрѣлости и заявятъ о желаніи своемъ продолжать образованіе"; „тѣхъ же молодыхъ людей, которые, хотя и получатъ аттестаты или свидѣтельства зрѣлости, но почему либо подаютъ мало надежды на успѣшное занятіе науками, лучше отклонять отъ поступленія въ высшія учебныя заведенія, рекомендуя имъ избрать для себя другія занятія".

Распоряженіе это было дополнено другимъ отъ 26-го іюля 1887 г. о томъ, чтобы начальства университетовъ и другихъ высшихъ учебныхъ заведеній зачисляли въ студенты лишь тѣхъ, о которыхъ доставлены необходимыя свѣдѣнія отъ директоровъ тѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній, въ коихъ они обучались и выдержали выпускной экзаменъ, директоры же должны предупреждать абитуріентовъ, что въ случаѣ перемѣны заявленнаго ими намѣренія они должны своевременно сообщать о томъ директору, дабы онъ могъ принять мѣры къ пересылкѣ упомянутыхъ характеристикъ изъ одного высшаго учебнаго заведенія въ другое. За мѣсяцъ передъ тѣмъ (26-го іюня 1887 г.) плата за ученіе въ пользу собственно университета, независимо отъ гонорара, была увеличена съ 10 до 50 рублей въ годъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ состоялось назначеніе Владиславлева ректоромъ университета. Нѣтъ сомнѣнія, что онъ былъ серьезно озабоченъ усиленіемъ дисциплины и надзора за студентами и искорененіемъ того зла, которое, очевидно, гнѣздилось въ университетѣ, и потому въ Петербургѣ студенческіе безпорядки были направлены противъ ректора Владиславлева въ такой же мѣрѣ, какъ въ Москвѣ, Харьковѣ, Казани и Одессѣ они были направлены противъ инспекторовъ Брызгалова, Алякритскаго, Потапова, Балдина и вообще противъ инспекціи.

Студенческіе безпорядки въ Казани.

Въ дни, предшествовавшіе безпорядкамъ, студентовъ въ университетѣ бывало немного, что не представляло, впрочемъ, чего нибудь ненормальнаго, ибо и въ прежніе годы съ началомъ репетицій для зачета полугодій студентовъ тоже бывало немного; къ тому же съ 30-го ноября по 3-е декабря не читали стоихъ лекцій профессора Загоскинъ (исторія русскаго права) и Ермолаевъ (анатомія), у которыхъ бываетъ обыкновенно много слушателей, а между бывшими въ университетѣ студентами не замѣчалось никакого возбужденія и не было ничего предосудительнаго, ни въ ихъ поведеніи, ни въ ихъ разговорахъ, такъ что всѣ эти студенты или огромное ихъ большинство были вполнѣ чужды духу безпорядковъ.

Приготовлялись они, очевидно, внѣ университета въ разныхъ землячествахъ и ихъ органахъ. Такъ, въ ночь съ 29-го на 30-е ноября, было замѣчено полиціей большое сборище студентовъ въ домѣ на улицѣ Георгіевской, но что тамъ происходило осталось невыясненнымъ. Къ числу самыхъ вредныхъ членовъ Симбирско-Самарскаго землячества принадлежали студенты Португаловъ, сынъ ссыльнаго въ Самарѣ врача, и Полянскій, и оба были выбраны въ судьи этого землячества.

У перваго изъ нихъ, по указанію попечителя, былъ произведенъ въ ночь со 2-го на 3-е декабря жандармскій обыскъ, и были найдены гектографъ, и набранные листы вышедшаго гектографированнаго приговора, и письма его сестры, съ поздравленіемъ по случаю выбора его въ студенческіе судьи, что при настоящихъ обстоятельствахъ, говорится въ письмѣ, представляетъ обширное поле для дѣятельности. Какъ несомнѣнно уличенный въ принадлежности къ землячеству, Португаловъ тотчасъ же былъ удаленъ, что, конечно, не помѣшало ему принимать дѣятельное участіе въ подготовкѣ безпорядковъ. Изъ постороннихъ лицъ, мутившихъ студентовъ въ то время, были замѣчены особенно присяжный повѣренный Гиршфельдъ и ученицы федьшерскихъ земскихъ курсовъ дочь генералъ-маіора Балль и мѣщанка Амбарова. Попечитель округа телеграфировалъ въ Петербургъ о необходимости немедленно ихъ выслать изъ Казани, что и было исполнено по распоряженію министра внутреннихъ дѣлъ.

Сигналомъ къ взрыву и здѣсь послужило письмо изъ Москвы. Гектографированная копія съ одного такого письма, полученнаго студентомъ изъ Москвы, о томъ, что тамъ происходило, была найдена помощникомъ инспектора Виноградовымъ въ среду 2-го декабря, въ 6 часовъ вечера, въ одномъ изъ столовъ 12-й аудиторіи, гдѣ около 7 часовъ должны были собраться нѣкоторые изъ студентовъ юридическаго факультета для практическихъ занятій по гражданскому судопроизводству. Письмо это читалось 3-го декабря на такъ-называемомъ общемъ студенческомъ судѣ и тамъ рѣшено было произвести одновременно безпорядки 4-го декабря и въ ветеринарномъ институтѣ, и въ университетѣ, и были установлены всѣ подробности дѣла. — Безпорядки были такимъ образомъ подготовлены въ земляческихъ учрежденіяхъ, объединявшихъ студентовъ и университета, и ветеринарнаго института, и въ обоихъ этихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ были въ точности выполнены рѣшенія „общаго студенческаго суда“.

Дѣло началось въ ветеринарномъ институтѣ, гдѣ 4-го декабря долженъ былъ защищать свою диссертацію ветеринаръ Третьяковъ. На этотъ диспутъ изъ предосторожности не были допущены ни студенты университета, ни постороннія лица. Передъ самымъ началомъ диспута одинъ изъ студентовъ института подошелъ къ столу, за которымъ сидѣли директоръ и члены совѣта, и подалъ директору листъ, говоря, что это петиція студентовъ, и прося тотчасъ же прочесть. Директоръ, не читая листа, сказалъ, что если студенты имѣютъ какія нужды, то пусть переговорятъ о нихъ въ другое время и въ другомъ мѣстѣ. Тогда вся толпа студентовъ поднялась съ своихъ мѣстъ и подошла къ столу. Директоръ, закрывъ засѣданіе совѣта, потребовалъ отъ студентовъ немедленнаго удаленія. Нѣкоторые послушались, но человѣкъ 40 остались въ залѣ и шумно требовали объясненія по поводу поданной петиціи. Послѣ вторичнаго требованія директора, толпа, правда, перешла въ другую аудиторію, но продолжала шумѣть и оказывать явное неповиновеніе. Директоръ поѣхалъ къ попечителю и отъ него, по его указанію, въ 1-ю полицейскую часть, а тѣмъ временемъ студенты-ветеринары направились въ университетъ, гдѣ также начались безпорядки. Несомнѣнные признаки ихъ наступленія въ университетѣ обнаружились къ 10 часамъ утра 4-го декабря. Еще въ 8½ часовъ служитель инспекціи Михайловъ передалъ инспектору письмо на имя ректора съ городскою маркою, но принесенное неизвѣстнымъ мальчикомъ отъ Ферлюдина (фамилія одного изъ студентовъ-юристовъ). Письмо было тотчасъ же отправлено къ ректору, и, какъ оказалось, было анонимное отъ 4-го декабря слѣдующаго содержанія: „Желая предотвратить зло, могущее произойти отъ предполагаемаго возстанія студентовъ университета и ветеринарнаго института, я рѣшился извѣстить васъ, что сегодня, или завтра, или вообще на этихъ дняхъ студенты сговорились устроить общую сходку въ университетѣ, не очень миролюбиваго характера, и такъ какъ отъ этого не будетъ никакого толку, а только безполезно погибнутъ молодыя силы, могущія впослѣдствіи принести несравненно большую пользу обществу, то не мѣшало бы предупредить и не допустить до этого, не прибѣгая къ крайнимъ мѣрамъ и не дѣлая никому зла. Сегодня же будьте осторожны“. Въ одинадцатомъ часу инспектора извѣстили изъ вѣрнаго источника, что студенты юридическаго факультета, которымъ въ этотъ день долженъ былъ читать лекцію ректоръ отъ 12 до 1 ч., при самомъ входѣ его въ аудиторію намѣревались пригласить его вмѣстѣ съ ними пойти въ залъ для собесѣдованія, о чемъ инспекторъ тотчасъ же увѣдомилъ ректора запиской, а затѣмъ, когда студенты въ очень возбужденномъ настроеніи стали собираться въ шинельной и курильной, и одинъ изъ нихъ, входя въ курильную, громко сказалъ: „скоро ждемъ грозной бури“, что тотчасъ же было сообщено инспектору однимъ изъ его помощниковъ, то инспекторъ въ 11½ часовъ отправился

самъ къ ректору, который только тогда далъ ему прочесть вышеприведенное анонимное письмо и заявилъ, что онъ въ залъ толковать со студентами не пойдетъ, а будетъ имъ читать лекцію. Возвратясь въ канцелярію, инспекторъ нашелъ въ ней уволеннаго изъ университета Португалова, который довольно дерзко спрашивалъ, скоро ли ему выдадутъ его документы, на что Н. Г. Потаповъ отвѣтилъ ему, что по дѣйствующимъ правиламъ онъ получитъ ихъ черезъ полицію. Выйдя изъ канцеляріи за 10 минутъ до 12 часовъ и пройдя нѣсколько шаговъ по коридору, Португаловъ, какъ передавали инспектору, громко закричалъ: „готово“. Немедленно изъ шинельной и курильной быстро двинулась толпа съ шумомъ, крикомъ и свистомъ; слышались возгласы: „въ залу“, „ректора“, „долой инспектора“, „къ черту инспектора“, „идите, братцы“. Нѣкоторые, отдѣляясь отъ толпы, забѣгали въ аудиторіи, настежъ растворяли въ нихъ двери и, не стѣсняясь присутствіемъ профессоровъ, кричали: „На сходку! на сходку!“ Студенты-филологи, которымъ въ это время профессоръ Нагуевскій дѣлалъ репетицію по римскимъ древностямъ, спокойно остались на своихъ мѣстахъ и продолжали заниматься, несмотря на весь шумъ и гамъ, а затѣмъ согласно съ его увѣщаніями, по окончаніи своихъ занятій, вмѣстѣ съ нимъ вышли изъ университета и отправились по своимъ квартирамъ. Составилась вскорѣ толпа человѣкъ въ 150—200, которая съ крикомъ подвигалась къ актовому залу. Услышавъ эти крики студентовъ, инспекторъ немедленно вышелъ изъ канцеляріи навстрѣчу толпѣ и усиленно убѣждалъ ее разойтись, вернуться назадъ, не губить себя. Но все напрасно: толпа неудержимо стремилась въ залъ, а за нею вошелъ и инспекторъ, сопровождаемый своимъ помощникомъ Войцеховичемъ и двумя служителями инспекціи. Инспекторъ продолжалъ въ залѣ увѣщевать студентовъ, а они, расположась около него полукругомъ, кричали и махали какими-то листками, которые содержали ту же самую „петицію“, какая ветеринарами была подана ихъ директору, и сверхъ того воззваніе къ студентамъ; обѣ записки были гектографированы. Воззваніе гласило: „Товарищи! Тяжкимъ бременемъ легъ новый университетскій уставъ. Васъ, питомцевъ дорогой alma mater, васъ, представителей молодой интеллигентной мысли, онъ отдалъ во власть шпіонствующей инспекціи, онъ сузилъ и низвелъ на „нѣтъ“ значеніе профессорской коллегіи, сдѣлалъ изъ нихъ учителей-чиновниковъ, онъ ограничилъ доступъ въ университетъ сыновьямъ бѣдныхъ отцовъ, увеличивъ взносъ за право слушанія лекцій, установилъ тяжелыя условія для полученія стипендій и т. д. Но это еще не все: циркуляръ министра Народнаго Просвѣщенія отъ 18-го іюня 1887 года лишилъ вашихъ юныхъ братьевъ возможности даже получить гимназическое образованіе. Наконецъ, въ событіяхъ московскихъ 23-го, 24-го, 25-го ноября текущаго года, когда лилась кровь нашихъ товарищей (два студента было убито), когда нагайки свистали надъ головами ихъ, въ этихъ событіяхъ нанесено было позорное оскорбленіе всей русской молодежи. Казанскіе студенты! неужели мы не встанемъ на защиту попранныхъ правъ нашихъ университетовъ, неужели мы не выразимъ нашего протеста предъ разыгравшеюся во всю ширь реакціей? Мы вѣримъ въ казанское студенчество и зовемъ его на открытый протестъ въ стѣнахъ университета“. А вотъ и текстъ гектографированной петиціи: „Собрало насъ сюда не что иное, какъ сознаніе невозможности всѣхъ условій, въ которыя поставлена русская жизнь вообще и студенческая въ частности, а также желаніе обратить вниманіе общества на эти условія и предъявить правительству нижеслѣдующія требованія. Мы пришли къ заключенію, что:

I. Реформы наивозможно-ближайшаго будущаго по отношенію къ университетамъ должны быть слѣдующія:

a) Для всѣхъ россійскихъ университетовъ уставъ долженъ быть одинъ и тотъ же;

b) Университетомъ должна завѣдывать коллегія профессоровъ совершенно самостоятельно;

c) Никакого контроля со стороны университета надъ частною жизнью студента не должно быть:

d) Студентамъ должно быть предоставлено право сходокъ для обсужденія дѣлъ, касающихся студенчества, а также и право коллективной подачи петицій;

e) Право имѣть свои библіотеки, читальни, кассы взаимной помощи, кухмистерскія и управлять ими черезъ своихъ выборныхъ;

f) Долженъ быть гласный студенческій судъ, рѣшенія котораго профессорская коллегія не можетъ игнорировать;

g) Студенты получаютъ право распредѣлять стипендіи и пособія по усмотрѣнію выборныхъ отъ студенчества лицъ.

II. Уничтоженіе сословности и всякаго рода препятствій, затрудняющихъ доступъ въ учебныя заведенія (напримѣръ, высокая плата, форма и т. д.).

III. Справедливость требуетъ, чтобы наши товарищи — всѣхъ университетовъ — исключенные за студенческія волненія были приняты вновь.

IV. Для удовлетворенія возмущеннаго нашего и общественнаго мнѣнія необходимо, чтобы были наказаны тѣ лица, по приказанію или недосмотру которыхъ были совершены въ 20-хъ числахъ прошедшаго мѣсяца звѣрскія насилія и даже убійства, оффиціально скрываемыя, надъ нашими товарищами, московскими студентами. — Казанскіе студенты."

Сообщая эти „воззванія" и „петицію" г. министру Народнаго Просвѣщенія, попечитель Казанскаго учебнаго округа П. Н. Масленниковъ совершенно справедливо указалъ не только на „отсутствіе практическаго смысла въ дерзкихъ студенческихъ требованіяхъ", но и на то, что требованія эти рѣшительно не имѣютъ никакого мѣстнаго характера или оттѣнка, а, „судя по IV-му пункту этихъ требованій, были редактированы въ Москвѣ", а не въ Казани, а потому и безъ малѣйшаго вниманія къ пособникамъ взбунтовавшихся студентовъ Казанскаго университета — ветеринарамъ, хотя послѣдніе безсмысленно усвоили себѣ вполнѣ эту „петицію".

Между тѣмъ въ актовомъ залѣ Казанскаго университета было совершено гнусное насиліе надъ достопочтеннымъ инспекторомъ студентовъ. На слова его: „замолчите же наконецъ и скажите толкомъ, что вамъ надо", изъ переднихъ рядовъ толпы выступили двое студентовъ, Іоновъ и Алексѣевъ, и приблизились къ Н. Г. Потапову, который, полагая, что они желаютъ ему сообщить желанія студентовъ, спокойно оставался на своемъ мѣстѣ, какъ вдругъ одинъ изъ нихъ, только что поступившій въ августѣ 1887 года на юридическій факультетъ, Константинъ Алексѣевъ, поднялъ правую руку, быстро ударилъ его кулакомъ въ лѣвую щеку около глаза и вслѣдъ затѣмъ вся толпа стала надвигаться на Н. Г. Потапова, который замѣтилъ въ рукахъ двухъ или трехъ студентовъ обломки отъ кресла. Защищая голову руками, инспекторъ началъ подвигаться къ выходной двери, оберегаемый отъ дальнѣйшихъ ударовъ своимъ помощникомъ и двумя служителями инспекціи. Буйная толпа, проводивъ его до дверей, осталась въ залѣ, и Н. Г. Потаповъ могъ свободно пройти корридоромъ второго этажа и немедленно отправился къ ректору сообщить ему о всемъ случившемся. Возвратясь въ университетъ съ ректоромъ, онъ отправился къ себѣ на квартиру, не чувствуя себя способнымъ, послѣ столь сильнаго нервнаго потрясенія, явиться вновь къ сборищу студентовъ для исполненія своихъ обязанностей. Сборище это межъ тѣмъ увеличилось: вслѣдъ за удаленіемъ инспектора часть толпы бросилась изъ актоваго зала въ шинельную съ криками: „Ректора сюда, ректора", „подавайте намъ инспекцію", „наша взяла", и къ этимъ крикамъ присоединилась новая толпа студентовъ. Помощникъ инспектора Войцеховичъ не имѣлъ возможности войти въ залъ, такъ какъ двери въ него студенты затворили, но, оставаясь въ корридорѣ, уговаривалъ студентовъ, шедшихъ въ залъ, не идти туда, но безуспѣшно. Онъ же встрѣтилъ ректора Н. А. Кремлева и проводилъ его въ актовый залъ, но въ самый залъ не вошелъ, потому что ректоръ сказалъ, что ему нѣтъ надобности быть въ залѣ, и остался въ корридорѣ, куда пришелъ и другой помощникъ Виноградовъ. Собесѣдованіе ректора со сходкою студентовъ „происходило при закрытыхъ дверяхъ, оберегаемыхъ отъ входа инспекціи студентами." Какъ и когда произошла передача Алексѣева въ руки полиціи, объ этомъ обстоятельныхъ свѣдѣній не имѣется; на первомъ донесеніи попечителя сказано только, что ректоръ распорядился передачею Алексѣева полиціи. Вѣроятно, это было первымъ дѣйствіемъ ректора по входѣ его въ актовый залъ, и оно было, вѣроятно, исполнено безъ всякаго сопротивленія со стороны Алексѣева или другихъ студентовъ, при помощи г. Войцеховича. Какъ бы то ни было, но въ передаваемыхъ самимъ ректоромъ увѣщаніяхъ и наставленіяхъ, обращенныхъ имъ къ сходкѣ, нѣтъ и помину объ этомъ возмутительномъ актѣ насилія противъ столь почтеннаго должностнаго лица, какъ Н. Г. Потаповъ. Прибытіе ректора было возвѣщено студентамъ криками ихъ товарищей: „Тише, ректоръ идетъ". Затѣмъ ректору стоило большого труда и терпѣнія установить и поддерживать хоть какой-нибудь порядокъ и тишину, чтобы можно было держать рѣчь къ студентамъ; но возгласы вожаковъ: „всѣ студенты долой съ каѳедры" (на которую теперь взошелъ ректоръ) и „очистить мѣсто около каѳедры и передъ каѳедрой" были тотчасъ же исполнены. Ректоръ объявилъ собравшуюся сходку противузаконной, присовокупивъ, что всѣ, кто по его требованію не разойдутся, будутъ переданы во власть полиціи и войска. Студенты отвѣтили, что они сами разойдутся, но предварительно просятъ выслушать причину сходки и ихъ просьбы, что просьбы эти изло-

жены въ „петиціи“, на бумагѣ, которую они тутъ же и положили передъ ректоромъ на каѳедрѣ, и что они просятъ дать ходъ этой ихъ просьбѣ. Ректоръ отвѣтилъ, что бумага не можетъ не быть имъ представлена по начальству, такъ какъ подача ея есть новое нарушеніе ими установленныхъ для нихъ правилъ, что въ ней, безъ сомнѣнія, рѣчь идетъ о давно извѣстныхъ вещахъ — о разрѣшеніи сходокъ, депутацій, читаленъ, ссудныхъ кассъ, кухмистерскихъ и о распредѣленіи самими студентами между собою стипендій и пособій, — словомъ, о вещахъ, которыя были уже не разъ предметомъ обсужденія для университетовъ и для правительства, „и если такія учрежденія не существуютъ, значитъ, правительство признало ихъ существованіе ненужнымъ, и это есть твердое рѣшеніе правительства, и поэтому, продолжалъ ректоръ Н. А. Кремлевъ[9]), я не буду подавать студентамъ никакихъ ложныхъ надеждъ: „я привыкъ говорить со студентами прямо и безбоязненно!“ Эти послѣднія слова были прерваны апплодисментами. Когда они прекратились, то изъ среды студентовъ послышался голосъ, что въ петиціи выражены и другія желанія. Ректоръ взялъ лежавшую передъ нимъ петицію и началъ ее читать. „Отказать рѣшительно, рѣзко въ просьбѣ“ (ознакомиться съ петиціей), „выраженной въ формѣ вполнѣ благопристойной“ — пишетъ ректоръ въ своемъ донесеніи попечителю отъ 19-го декабря 1887 г., — „притомъ при условіяхъ, которыя давали мнѣ надежду на добровольный уходъ студентовъ, это значило бы не смирить толпу, а еще болѣе взволновать ее и, слѣдовательно, вызвать необходимость прибѣгнуть къ крайней мѣрѣ, на которую я былъ уполномоченъ Вашимъ Превосходительствомъ, — къ введенію войска и, слѣдовательно, къ допущенію всѣхъ случайныхъ послѣдствій такой мѣры. По моимъ соображеніямъ, принять тотчасъ же эту мѣру было бы несогласно съ пользою и интересами ни университета и правительства, ни общества и семействъ, къ составу которыхъ принадлежатъ собравшіеся студенты.“

Какъ бы то ни было, „петиція“ студентовъ была принята ректоромъ, и начало ея, гдѣ говорится о „невозможности всѣхъ условій, въ которыя поставлена русская жизнь вообще“, и о „предъявленіи студентами правительству требованій“, подало ректору случай „возможно понятнѣе объяснить основные принципы общежитія, ознакомить вкратцѣ съ основными началами государственной и общественной жизни, при которыхъ только и возможно пользоваться благотворными плодами жизни людей въ обществѣ и безнаказанное нарушеніе которыхъ отняло бы у человѣчества возможность дальнѣйшаго усовершенствованія. Я указалъ на необходимость существованія органовъ, спеціально уполномоченныхъ завѣдываніемъ той или другой стороной, той или другой функціей общественной жизни, заявленіемъ о тѣхъ или другихъ нуждахъ и ходатайствомъ о соотвѣтственныхъ измѣненіяхъ въ существующихъ законахъ и правилахъ, и что самый интересъ общежитія требуетъ, чтобы правительство пресѣкало всякую попытку отдѣльныхъ людей или группъ людей самовольно вмѣшиваться въ такую дѣятельность, которая по закону имъ не предоставлена, что такое противозаконное вмѣшательство наноситъ вредъ обществу и потому не можетъ быть терпимо. Отсюда сдѣлалъ выводъ о противозаконности настоящаго поведенія устроившихъ сходку для подачи петиціи и о необходимости наказанія за такое поведеніе, о томъ, что такое самозванное принятіе на себя студентами не усвоенной имъ закономъ роли есть нарушеніе правъ того самаго общества, о которомъ они якобы принимаютъ на себя заботу, и крайне вредно для успѣховъ народнаго образованія, которые должны быть особенно близки студентамъ университета. Словомъ, мнѣ пришлось прочитать цѣлую лекцію. И долгъ совѣсти побуждаетъ засвидѣтельствовать, что аудиторія, затихнувшая уже въ самомъ началѣ обращенной къ ней рѣчи, все съ возрастающимъ вниманіемъ относилась къ моимъ словамъ, какъ будто предъ ней раскрывалось новое, дотолѣ невѣдомое ей, міровоззрѣніе.“

Лекція профессора римскаго права при столь необычной обстановкѣ произвела на слушателей не совсѣмъ то впечатлѣніе, какое онъ предполагалъ. По крайней мѣрѣ, въ гектографированной прокламаціи по поводу исключенія и высылки изъ Казани нѣкоторыхъ студентовъ говорится: „Но навстрѣчу намъ шла та „наука для науки“, которую такъ яростно защищали нѣкоторые изъ гг. профессоровъ на сходкѣ 4-го декабря, та наука, благодаря которой, говорили они, мы, студенты, могли бы спокойно и безстрастно смотрѣть на гнетъ и страданія дорогой родины... Мы не пошли за нашими учителями.“ Неблагопріятное впечатлѣніе эта лекція ректора произвела и на попечителя округа. „Я вообще, и по моимъ убѣжденіямъ, и по опыту всѣхъ извѣстныхъ мнѣ прежнихъ студенческихъ безпорядковъ, нахожу“, — говоритъ П. Н. Масленниковъ въ одномъ изъ своихъ донесеній, — „бесѣды со студентами профессоровъ университета, а тѣмъ болѣе ректора, во время самаго

разгара этихъ безпорядковъ, совершенно неумѣстными, если эти лица не пользуются сильнымъ нравственнымъ авторитетомъ среди студентовъ, и въ этомъ смыслѣ хотѣлъ дать предложеніе ректору еще до начала безпорядковъ, но не успѣлъ. Его же бесѣды и бывшихъ съ нимъ профессоровъ тѣмъ болѣе неумѣстны и даже противозаконны, что онѣ слѣдовали за нанесеніемъ тяжкаго оскорбленія инспектору студентовъ, и при этомъ ректоръ самъ нанесъ новое оскорбленіе инспекціи, не позволивъ чинамъ ея присутствовать въ залѣ во время этихъ собесѣдованій со студентами. По слухамъ, которые, безъ сомнѣнія, идутъ отъ самихъ же студентовъ, въ рѣчахъ ректора и нѣкоторыхъ профессоровъ сильно проглядывало нерасположеніе и злорадство по отношенію къ инспектору студентовъ и стремленіе выставить дѣйствія инспекціи и попечителя діаметрально противоположными дѣйствіямъ профессорской коллегіи.“

Но еще въ началѣ обращенія ректора къ студентамъ оно дважды было прервано на нѣкоторое время. Часу во второмъ подошла къ университету толпа человѣкъ во сто студентовъ ветеринаровъ, и изъ нихъ сорока удалось проникнуть въ университетъ, и они съ крикомъ побѣжали по корридору по направленію къ актовому залу. Помощники инспектора Виноградовъ и Войцеховичъ употребили всѣ усилія, чтобы задержать ихъ предъ стеклянною дверью, ведущею во 2-й этажъ; но часть ихъ, оттолкнувъ Войцеховича, успѣла прорваться, на помощь же другой, все еще сдерживаемой Виноградовымъ, подоспѣлъ студентъ Подбѣльскій съ другой стороны двери: онъ началъ палкою бить въ ней стекла и грозить ею Виноградову. Этимъ воспользовались задерживаемые имъ ветеринары и вмѣстѣ съ товарищами проникли въ актовый залъ, гдѣ ихъ радостно и шумно привѣтствовали студенты университета. Затѣмъ „лекція“ ректора была прервана заявленіемъ, что и въ другомъ мѣстѣ, въ главной швейцарской, собралась также толпа студентовъ, которая также желала бы его выслушать. За этою толпою отправился самъ ректоръ, но предварительно хотѣлъ зайти къ инспектору, чтобы наскоро освѣдомиться о характерѣ этого сборища. Инспектора онъ встрѣтилъ, не доходя еще до его квартиры, вмѣстѣ съ полиціймейстеромъ, который сказалъ ректору: „Къ вашимъ услугамъ. Я сейчасъ пойду, если считаете нужнымъ, въ залъ и предложу студентамъ удалиться.“ Но ректоръ отклонилъ это предложеніе, сказавъ, что надѣется уговорить студентовъ добровольно удалиться. При этомъ онъ узналъ отъ инспектора, что толпа въ главной швейцарской весьма незначительна, и чрезъ посредство экзекутора (такъ какъ никакихъ чиновъ и служителей инспекціи тутъ не было, кромѣ самого инспектора) пригласилъ и эту толпу въ актовый залъ, полиціймейстера же просилъ распорядиться, чтобы съ улицы никого изъ студентовъ въ университетъ болѣе не пускали.

Когда ректоръ вернулся въ залу, „гдѣ, дѣйствительно, засталъ порядокъ, котораго не нарушали и вновь прибывшіе изъ швейцарской студенты“, сходка стала просить его, чтобы онъ „пригласилъ гг. профессоровъ, которые выслушали бы ихъ самихъ о цѣли ихъ сходки, а эта цѣль, по словамъ ихъ, состояла въ томъ, чтобы университетъ представилъ правительству ходатайство о представленіи студентамъ университета льготъ, изложенныхъ въ петиціи.“ Въ отвѣтъ на это ректоръ „указалъ, 1) что совмѣстное собраніе студентовъ и профессоровъ для обсужденія студенческихъ желаній было бы опять новымъ нарушеніемъ закона, что такое собраніе, какъ противозаконное, не можетъ имѣть никакихъ иныхъ послѣдствій, кромѣ преслѣдованія и наказанія участниковъ его, и все, что бы ни было принято въ этомъ собраніи, было бы признано незаконнымъ и, слѣдовательно, недѣйствительнымъ, а 2) просьба эта и фактически невыполнима, такъ какъ однихъ профессоровъ 60, и если бы сейчасъ была имъ послана пригласительная повѣстка, то пришлось бы ихъ слишкомъ долго ждать.“ Послышался голосъ: „мы готовы ждать цѣлый вечеръ.“

Между тѣмъ въ читальной комнатѣ университета были уже въ сборѣ 16 профессоровъ и 5 приватъ-доцентовъ, и между ними шла рѣчь, что вотъ уже около двухъ часовъ, какъ ректоръ совершенно одинъ предъ возбужденною толпою студентовъ, „что стыдно въ такую опасную для университета минуту оставаться нейтральнымъ, что долгъ и совѣсть, а также и непосредственныя предписанія министерства обязываютъ насъ, профессоровъ,—пишетъ одинъ изъ нихъ, деканъ медицинскаго факультета Щербаковъ къ ректору, — употребить все отъ насъ зависящее для того, чтобы убѣдить студентовъ разойтись, что мѣсто наше не здѣсь, а около васъ, что мы должны сколько возможно помочь вамъ уговорить и успокоить возбужденную толпу. Нѣкоторые изъ профессоровъ тутъ же выразили желаніе, чтобы я, продолжаетъ Щербаковъ, взялъ на себя высказать студентамъ мнѣніе всѣхъ присутство-

вавшихъ моихъ товарищей о незаконности поступка университетской молодежи и напомнить ей ея прямыя обязанности". Дѣйствительно, всѣ 16 профессоровъ и 5 приватъ-доцентовъ пришли въ актовый залъ, и д. с. с. Щербаковъ отъ имени всѣхъ держалъ слѣдующую рѣчь: „По порученію пришедшихъ сюда моихъ товарищей, а вашихъ учителей, я, старѣйшій изъ нихъ, убѣдительно прошу васъ разойтись. Въ этомъ храмѣ чистой науки нѣтъ мѣста безпорядкамъ, подобнымъ настоящему. Вы пришли сюда учиться, учиться и только учиться. Въ теченіе университетской жизни васъ должны поэтому занимать только чисто-научные интересы, рѣшать же интересы общественные вы не призваны, да и не можете. Для этого нѣтъ ни надлежащей степени подготовки, ни надлежащей степени зрѣлости. Только вполнѣ закончивъ свое образованіе, вы можете быть полезными гражданами, только тогда можете съ пользою примѣнять тѣ знанія, которыя здѣсь получаете. Собравшись же незаконно, рискуя поэтому не докончить свое ученье, въ остальную, еще долгую жизнь вашу рискуете остаться безполезными гражданами отечества, интересы котораго вамъ, надѣюсь, такъ же дороги, какъ и намъ, вашимъ учителямъ. Ради науки, которой мы являемся здѣсь представителями, ради пользы дорогого намъ отечества, ради чувства долга и законности, я еще разъ прошу васъ разойтись. Успокоившись вы сами потомъ будете горько осуждать свой поступокъ. Лучше же исправить, когда еще не слишкомъ поздно". Затѣмъ говорили еще профессора Васильевъ, Каноникковъ, И. Н. Смирновъ, Любимовъ и Преображенскій, — изъ коихъ наименѣе благонадежными попечитель считаетъ Васильева и Преображенскаго[10]) (послѣдній вскорѣ затѣмъ подалъ въ отставку). Сходка длилась уже около 4-хъ часовъ. „Краснорѣчію ректора и нѣкоторыхъ его коллегъ не предвидѣлось конца", по словамъ П. Н. Масленникова. Тогда въ 3 ч. 45 м. попечитель округа далъ ему формальное предложеніе, на основаніи ст. 8-й устава, немедленно покинуть залъ и очистить его отъ студентовъ съ помощью полиціи, а если нужно, то и войска, котораго цѣлый батальонъ, и съ боевыми патронами былъ уже наготовѣ. Предложеніе это, полученное ректоромъ въ виду всей сходки, было по всей вѣроятности вкратцѣ ей сообщено, хотя ректоръ ничего объ этомъ не говоритъ, и удаленіе студентовъ приписываетъ только краснорѣчію своему и своихъ товарищей. Тѣмъ не менѣе „студенты заявили, что хотя они и удаляются изъ залы, но такъ какъ ни ректоръ, ни профессора не даютъ имъ надежды на осуществленіе ихъ желаній, то имъ ничего болѣе не остается какъ оставить университетъ и въ знакъ этого они возвращаютъ свои входные билеты, при чемъ стали складывать свои билеты на столъ передъ каѳедрой". Такихъ билетовъ оказалось потомъ 99. Часть студентовъ двинулась было затѣмъ къ выходу, но тутъ же другіе начали требовать, чтобы на ихъ пути при ихъ проходѣ не было ни полиціи, ни инспекціи, или, какъ сообщаетъ объ этомъ ректоръ, „обратились съ просьбой о свободномъ пропускѣ ихъ изъ университета во избѣжаніе могущихъ быть случайныхъ столкновеній кого либо изъ нихъ съ полиціей или съ инспекціей. Я отвѣтилъ, что сдѣлано распоряженіе о свободномъ пропускѣ, но съ тѣмъ, чтобы студенты съ своей стороны воздержались отъ всякаго рода демонстративныхъ поступковъ". Затѣмъ, выйдя изъ залы, онъ пошелъ къ инспектору на квартиру и сообщилъ (по донесенію инспектора отъ 8-го декабря попечителю): Я обѣщалъ студентамъ, что при выходѣ ихъ изъ залы и университета не будутъ слѣдить за ними полиція и инспекція, а потому просилъ меня, чтобы я попросилъ уйти чиновъ инспекціи. Хотя инспекторъ не признавалъ требованія ректора законнымъ, но такъ какъ всѣ бывшіе на сходкѣ студенты были уже замѣчены и переписаны и желательно было скорѣйшее удаленіе ихъ изъ университета въ виду того, что начинало уже смеркаться, „я, говоритъ инспекторъ, счелъ за лучшее исполнить распоряженіе г. ректора и объявилъ помощнику моему Войцеховичу, чтобы онъ удалился изъ университета, и предложилъ тоже самое и другимъ чинамъ инспекціи".

Дѣло и здѣсь, какъ въ Москвѣ, окончилось полнымъ торжествомъ взбунтовавшихся студентовъ и пораженіемъ университетской инспекціи и вообще правительственной власти; пораженіе же это въ Казани было ей нанесено главнѣйше самимъ ректоромъ. При этомъ былъ и полиціймейстеръ. „Переговоривъ съ ними (инспекторомъ и полиціймейстеромъ) о порядкѣ выхода студентовъ и пути для этого выхода, я, пишетъ Н. А. Кремлевъ, возвратился въ залу" и „указалъ студентамъ для выхода ближайшій путь чрезъ дверь, ведущую въ большую выходную швейцарскую. Они немедленно и быстро разошлись". Бурное броженіе между студентами, доносилъ попечитель округа г. министру, продолжалось какъ въ этотъ, такъ и въ послѣдующіе дни: студенты толпами ходили по городу и по Воскресенской улицѣ, въ особенности, гдѣ зданіе университета и 1-ая полицейская часть.

5-го декабря и университетъ, и институтъ были уже временно закрыты, и еще 4-го декабря попечитель собственной своей властью, на основаніи ст. 8-й устава, исключилъ изъ университета 45 болѣе виновныхъ студентовъ и уволилъ 23, не желая показанія инспектора и полиціи подвергать разсмотрѣнію правленія, и 22 студентовъ Ветеринарнаго института, — всего же 90 человѣкъ. Масса студентовъ иногородныхъ начала проситься въ отпускъ, что и было всѣмъ разрѣшено, другіе же, поддаваясь дурнымъ вліяніямъ, начали просить объ увольненіи ихъ вовсе изъ университета, въ подражаніе студентамъ, которые побросали свои входные билеты еще на сходкѣ въ знакъ того, что они желаютъ покинуть университетъ. Попечитель приказалъ ректору, не давая пока хода всѣмъ этимъ прошеніямъ, составить списокъ всѣмъ, подавшимъ оныя и побросавшимъ свои входные билеты и предполагалъ раздѣлить ихъ на 3 категоріи: 1. подлежащихъ, если не исключенію, то увольненію безъ прошенія; 2. подлежащихъ, по сомнительному направленію и малому прилежанію, увольненію по прошенію и 3. достойныхъ по своимъ учебнымъ занятіямъ продолжать курсъ, о коихъ полагалъ войти въ сношеніе съ ихъ семьями, дабы онѣ ихъ образумили.

Сообщенное по телеграфу извѣстіе объ отдачѣ Алексѣева въ дисциплинарный батальонъ на 3 года и послѣдовавшая затѣмъ высылка изъ города исключенныхъ отрезвили студентовъ, и послѣ того случаевъ нарушенія ими спокойствія и порядка въ городѣ не было. Публика вообще обнаруживала любопытство къ безпорядкамъ и сочувствіе къ высылаемымъ. Еще въ самомъ полицейскомъ помѣщеніи и на дорогу ихъ въ большомъ количествѣ снабжали и деньгами, и особенно крѣпкими напитками. По поводу исключенія и высылки изъ Казани нѣкоторыхъ студентовъ университета вскорѣ появилась гектографированная прокламація, въ которой говорится: „Прощай, Казань! Прощай, университетъ! Недалеко еще то время, когда мы въѣзжали сюда полные вѣры и любви къ университету и его жизни; мы думали, что здѣсь, въ храмѣ науки, мы найдемъ тѣ знанія, опираясь на которыя, мы могли бы войти въ жизнь борцами за счастье и благо нашей измученной родины!... Но на встрѣчу намъ шла та „наука для науки“, которую такъ яростно защищали нѣкоторые изъ гг. профессоровъ на сходкѣ 4-го декабря, та наука, благодаря которой, говорили они, мы, студенты, могли бы спокойно и безстрастно смотрѣть на гнетъ и страданія дорогой родины. Вмѣстѣ съ тѣмъ насъ охватило и деморализующее вліяніе инспекціи и ея клики шпіоновъ-клевретовъ... Мы не пошли за нашими учителями... Мы сгруппировались въ землячества, твердо вѣруя, что здѣсь въ товарищескомъ кругу мы поддержимъ другъ друга, здѣсь мы найдемъ также и выходъ нашимъ страстнымъ стремленіямъ къ развитію у насъ убѣжденій и взглядовъ, твердыхъ и честныхъ, читая и бесѣдуя другъ съ другомъ... Но намъ запретили организоваться въ землячества, грозя исключеніемъ!.. Съ каждымъ днемъ гнетъ новаго устава чувствовался жестче и жестче... На весь этотъ гнетъ мы сдержанно отвѣчали мирными протестами въ дни нашего университетскаго акта; кромѣ того мы письменно обращались къ всѣмъ профессорамъ, приглашая придти къ намъ на помощь въ борьбѣ съ гнетомъ новаго университетскаго устава. Въ отвѣтъ — ни слова. Наконецъ, вышли въ свѣтъ извѣстные циркуляры, закрывшіе доступъ въ гимназіи, а тѣмъ самымъ и въ университетъ, неимущей молодежи, дѣтямъ тружениковъ, бѣдняковъ, дѣтямъ крестьянъ, мѣщанъ и т. д. Все это страшно возмутило насъ“... За упоминаніемъ о „нахальной и звѣрской расправѣ со студентами Московскаго университета“ слѣдуетъ такое заключеніе: „Мы уѣзжаемъ изъ Казани съ глубокой вѣрой въ правду нашего дѣла“... „P. S. Искреннее спасибо за сочувствіе и матеріальную поддержку многихъ членовъ Казанскаго общества!!!“

Если подстрекатели сохраняли „глубокую вѣру въ правду своего дѣла“, то уступившій ихъ подстрекательствамъ и подъ ихъ вліяніемъ дерзнувшій поднять руку на своего ближайшаго начальника Алексѣевъ тотчасъ же сильно раскаялся въ своемъ преступленіи. Константинъ Александровъ Алексѣевъ, старшій сынъ обремененнаго большою семьею непремѣннаго члена Уфимскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, коллежскаго, нынѣ статскаго, совѣтника, 19 лѣтъ отъ роду, только въ августѣ 1887 г. поступилъ изъ Уфимской гимназіи на юридическій факультетъ Казанскаго университета; во время пребыванія своего въ университетѣ не имѣлъ никакихъ личныхъ сношеній съ инспекціей и былъ избранъ на гнусное дѣло 4-го декабря, вѣроятно, въ томъ предположеніи, что онъ никому изъ инспекціи неизвѣстенъ. Сгубило его болѣе всего то, что онъ съ самаго начала попалъ въ одно изъ землячествъ (Уфимское). Какъ пишетъ въ своемъ прошеніи на Высочайшее имя несчастный его отецъ, „онъ обучался въ Уфимской гимназіи,

жилъ постоянно въ родной семьѣ, подъ ея вліяніемъ, и совершенно былъ изолированъ отъ вліянія постороннихъ людей. Оторванный, при поступленіи въ университетъ, отъ семьи и ея вліянія, столкнувшись съ совершенно посторонними людьми, съ полнымъ довѣріемъ къ нимъ, онъ могъ совершить свой тяжело-прискорбный поступокъ единственно вслѣдствіе своей молодости и совершенной неопытности." По свидѣтельству жандармскаго полковника Гангардта, онъ далеко не принадлежитъ къ выдающимся по своему умственному развитію молодымъ людямъ, съ политическими или соціальными теоріями незнакомъ, и вообще по кругу своихъ понятій не выдается ничѣмъ изъ массы ординарныхъ гимназистовъ старшихъ классовъ провинціальныхъ гимназій. Нравственныя же его качества представляютъ много симпатичнаго. Хотя въ средѣ его товарищей явилась мысль, быть можетъ, поданная и изъ болѣе высокаго круга, чтобы отрицать самый фактъ, такъ какъ кромѣ инспекціи и студентовъ никого не было при этомъ, или же настаивать на совершеніи этого преступленія вовсе не имъ, а другимъ неизвѣстнымъ ему лицомъ, тѣмъ не менѣе онъ съ перваго же раза не только признался въ преступленіи, но и изъявилъ полное въ немъ раскаяніе. Вскорѣ по преступленіи онъ написалъ письмо къ Н. В. Потапову, но предъявилъ его къ отправленію уже послѣ того, какъ состоялось его осужденіе, дабы не заподозрили его въ неискренности его раскаянія и въ желаніи смягчить себѣ наказаніе. Письмо это гласитъ: „Ваше Превосходительство, Николай Гавриловичъ! Придя въ себя и сознавъ весь ужасъ своего поступка, который я совершилъ не преднамѣренно, а чисто подъ вліяніемъ стадіи увлеченія, умоляю Ваше Превосходительство вѣрить моему искреннему раскаянію, такъ какъ лично противъ Вашего Превосходительства я не могу имѣть ровно ничего, какъ противъ лица, честно и строго исполняющаго свои обязанности. Еще разъ умоляю Ваше Превосходительство, какъ должностное лицо и какъ человѣка, не только принять мое настоящее письменное раскаяніе, но и разрѣшить мнѣ публично испросить прощеніе. Я рѣшаюсь испрашивать Вашего прощенія не въ видахъ облегченія ожидаемаго меня наказанія, а какъ виновный, который въ этомъ прощеніи будетъ почерпать утѣшенія своей совѣсти и всею своею будущею жизнью я постараюсь искупить тяжесть моего преступленія. Умоляю Ваше Превосходительство принять мое увѣреніе въ высокомъ моемъ уваженіи къ Вамъ. Бывшій студентъ Константинъ Алексѣевъ. 9 декабря 1887 г., Казань." Онъ раскаявался также и въ участіи въ студенческой сходкѣ и приготовленіи къ ней и безъ всякаго побужденія добровольно сообщилъ довольно цѣнныя свѣдѣнія объ организаціи студенческихъ землячествъ. По своей натурѣ и по первоначальному семейному направленію онъ далеко не склоненъ къ революціоннымъ протестамъ особенно, же въ такой грубой формѣ, а лишь по слабости характера поддался въ такой мѣрѣ вліянію заправилъ землячества и по натурѣ своей можетъ еще стать добропорядочнымъ человѣкомъ и честнымъ гражданиномъ. Попечитель ходатайствовалъ о замѣнѣ трехмѣсячнаго содержанія въ дисциплинарномъ батальонѣ 3-лѣтнею службою въ рядахъ войскъ. По соглашенію съ министромъ Внутреннихъ Дѣлъ, предположено было по истеченіи нѣкотораго времени исходатайствовать сокращеніе срока наказанія. Отецъ его дважды (19-го апрѣля 1888 г. и 23 іюня 1889 г.) повергалъ на Высочайшее воззрѣніе прошеніе свое и „убитой горемъ всей семьи своей" о помилованіи его сына Константина. По первому его прошенію было сношеніе съ г. военнымъ министромъ, и оказалось, что Алексѣевъ былъ доставленъ въ Бобруйскій дисциплинарный батальонъ только 22-го февраля 1888 г, и по правиламъ подвергнутъ былъ на двѣ недѣли (до 8-го марта) строгому одиночному заключенію, а потомъ 24-марта былъ отправленъ въ Бобруйскій лазаретъ вслѣдствіе открывшейся болѣзни, полученной имъ еще въ Казани, и такимъ образомъ былъ всего 16 дней въ самомъ батальонѣ; поэтому баталіонное начальство затруднялось дать о немъ какое либо заключеніе. Еще и 18 авг. 1889 г. никакого ходатайства о смягченіи ему наказанія получено не было отъ ближайшаго военнаго начальства, „а это по правиламъ необходимо для сокращенія срока пребыванія въ дисциплинарномъ батальонѣ", и сокращенъ онъ можетъ быть по закону на $^1/_6$ часть того времени, на какое сданъ виновный для исправленія.

Въ числѣ исключенныхъ изъ университета были, между прочимъ, Коникова и Матвѣевъ, высланные въ Царицынъ. Здѣсь они пытались образовать кружокъ самообразованія и успѣли вовлечь въ него нѣсколькихъ полуцивилизованныхъ лицъ, но безуспѣшно старались о томъ же относительно гимназистовъ и гимназистокъ. Особенно сочувствовалъ имъ и устраивалъ въ ихъ пользу негласнымъ образомъ спектакль секретарь уѣздной земской управы Жуковъ, когда-то приговоренный къ ссылкѣ въ Сибирь за политическіе преступленія. Заручившись нѣкоторыми

средствами, Коникоръ и Матвѣевъ уѣхали въ Цюрихъ, получивъ заграничные паспорта одинъ изъ Смоленска, а другой изъ Варшавы. Коникоръ — еврей, а Матвѣевъ — сынъ бѣднаго водовоза.

Оправдывая свой образъ дѣйствій во время безпорядковъ 4-го декабря, ректоръ Н. А. Кремлевъ писалъ къ министру Народнаго Просвѣщенія отъ 9-го февраля 1888 года: „Есть слухъ, что на сходкѣ нѣкоторые студенты были съ карманными револьверами на случай столкновенія съ полиціей и войскомъ“ (тѣмъ болѣе жаль, по замѣчанію г. товарища министра, что они не были арестованы), и родители и родственники въ томъ же и слѣдующіе дни приходили къ нему со слезами благодарить его, что ихъ дѣти вышли изъ университета живы и невредимы. „Въ первые дни было подано такихъ прошеній (объ увольненіи изъ числа студентонъ) около 150, но вслѣдствіе моихъ убѣжденій подача прошеній остановилась, а подавшіе стали ходатайствовать о возвращеніи имъ этихъ прошеній. Въ засѣданіи совѣта 5-го декабря 1887 г. слушали обращеніе къ ректору Щербакова, что „только благодаря Вашему (ректора) такту, энергіи и честному отношенію къ дѣлу взволнованная молодежь постигла всю неправильность и незаконность свего поступка и спокойно разошлась со сходки и, такимъ образомъ, исключительно благодаря Вамъ нашъ университетъ избавленъ отъ тѣхъ грустныхъ послѣдствій, которыя несомнѣнно имѣли бы мѣсто въ немъ при введеніи военной силы“. Къ заявленію этому присоединились всѣ присутствовавшіе члены совѣта и, вставъ съ своихъ мѣстъ, привѣтствовали г. ректора, выражая ему свою признательность за его дѣятельность по прекращенію студенческихъ безпорядковъ, энергію и тактъ, благодаря которымъ сходка студентовъ 4-го декабря имѣла такой мирный (?!!) исходъ. О дисциплинарныхъ взысканіяхъ студентамъ, еще не понесшимъ кары за участіе ихъ въ сходкѣ 4-го декабря, попечителемъ округа было предложено правленію 23-го декабря. На другой день ректоръ собралъ правленіе въ экстраординарное засѣданіе, и тутъ же заявилъ, что для опредѣленія степени виновности студентовъ, внесенныхъ въ списки бывшихъ на сходкѣ, онъ находитъ необходимымъ изслѣдовать, какія были дѣйствительныя причины недовольства студентовъ ихъ положеніемъ и, слѣдовательно, причины произведенныхъ ими безпорядковъ, что и разобрать въ правленіи, выслушавъ показаніе каждаго изъ студентовъ. Мнѣніе это было горячо поддерживаемо Щербаковымъ и опровергаемо другими членами, такъ что засѣданіе было отложено до 28-го декабря. „Дѣйствія ректора и сочувствующаго ему декана Щербакова, по убѣжденію попечителя, направлены къ тому, чтобы вмѣсто дисциплинарнаго суда надъ студентами сдѣлать правленіе ареною суда надъ инспекціей, надъ представляемыми ею интересами порядка и косвенно надъ новымъ университетскимъ уставомъ“, „коего эти лица явили себя, особенно въ послѣднее время, явными противниками...“ „Положеніе инспектора въ правленіи при такомъ предсѣдателѣ, какъ ректоръ Кремлевъ, уподобляется нравственной пыткѣ.“ Притомъ же „ректоръ и Щербаковъ городскими разсказами о неправильныхъ будто бы дѣйствіяхъ инспектора, о жестокихъ мѣрахъ противъ провинившихся студентовъ и о необходимости разслѣдовать все дѣло о безпорядкахъ въ университетскомъ совѣтѣ, позволяютъ себѣ волновать общественное мнѣніе и публики, и оставшагося спокойнымъ большинства студентовъ. На эти дѣйствія обратилъ справедливое вниманіе и начальникъ Казанскаго губернскаго жандармскаго управленія и донесъ уже объ этомъ, какъ онъ мнѣ словесно сообщилъ, департаменту полиціи.“ По поводу записи инспекторомъ въ списокъ бывшихъ на сходкѣ студентовъ начали поступать прошенія съ заявленіями объ ихъ alibi, удостовѣренными частью клиническими преподавателями, частью сторонними лицами и даже хозяйками квартиръ. Мысль объ этомъ alibi, по упорно ходящимъ слухамъ, была подана студентамъ-медикамъ самимъ Щербаковымъ, причемъ, по замѣчанію инспектора, многіе изъ студентовъ, бывшихъ на клиническихъ и амбулаторныхъ занятіяхъ, потомъ явились на сходку. Въ виду всего этого попечитель пріостановилъ дѣло о назначеніи правленіемъ дисциплинарныхъ взысканій участвовавшимъ въ сходкѣ студентамъ и сообщилъ г. министру, что „дальнѣйшее оставленіе въ должности гг. Кремлева и Щербакова было бы нежелательно какъ для общаго порядка въ университетѣ, такъ и для правильнаго руководствованія уставомъ 1884 г.“ Сверхъ того „выдающееся количество виновныхъ студентовъ изъ естественниковъ обратило на себя справедливое вниманіе жандармскаго надзора, который связываетъ это число студентовъ съ неблагонадежнымъ направленіемъ одного изъ профессоровъ разряда естественныхъ наукъ, Штукенберга“, неблагонадежность котораго была обнаружена еще въ 1883 г. по дѣлу о фиктивномъ владѣніи публичною библіотекой.[11]) Впрочемъ, жандармскій полковникъ Гангардтъ, нисколько не

отрицая вреднаго направленія ректора Кремлева и декана Щербакова, полагать, что смѣна перваго изъ нихъ можетъ вызвать извѣстное раздраженіе въ нѣкоторой части городского общества, которое можетъ потомъ перейти и къ студентамъ и подать поводъ къ новымъ смутамъ. Инспекторъ студентовъ Н. Г. Потаповъ[12]), какъ ни было для него невыносимо тягостно состоять подъ начальствомъ Кремлева, который, вмѣсто поддержки его, всячески къ нему придирался и оскорблялъ его, тѣмъ не менѣе также склонялся къ временному оставленію Кремлева ректоромъ во избѣжаніе новыхъ смутъ и просилъ только немедленно устранить Щербакова отъ должности декана, заявляя, что иначе ему самому придется проситься въ отставку. И, дѣйствительно, Щербаковъ то и дѣло возбуждалъ въ правленіи нареканія противъ инспектора, усиливаясь доказать, что въ представленный имъ списокъ, съ одной стороны, не занесены лица, присутствіе которыхъ на сходкѣ доказывается оставленными ими на столѣ предъ каѳедрой входными билетами, а, съ другой стороны, записаны лица, фактически тамъ не бывшія, и прибавляя, что странно было бы ожидать отъ инспекціи вполнѣ вѣрнаго списка при томъ положеніи, въ какомъ она находилась 4-го декабря. Хотя инспекторъ объяснилъ, что въ его списокъ внесены только тѣ студенты, которые вошли въ залъ до разрѣшенія ректора впускать въ залъ тѣхъ студентовъ, которые находятся въ университетѣ, и затѣмъ представилъ отдѣльные списки: 1. тѣхъ, которые были на сходкѣ при немъ до прибытія ректора, 2) тѣхъ, которые пришли послѣ, но до разрѣшенія ректора, и 3) тѣхъ, которые пришли послѣ этого разрѣшенія, тѣмъ не менѣе ректоръ и Щербаковъ старались какъ бы уличить его въ противорѣчивости его заявленій и показаній. На представленія по сему предмету попечителя Казанскаго учебнаго округа ему было отвѣчено, что „министерству хорошо извѣстны несогласныя съ видами правительства дѣйствія и распоряженія ректора Казанскаго университета и декана медицинскаго его факультета, но въ виду исключительныхъ въ настоящее время обстоятельствъ, оно затрудняется сдѣлать теперь же (24-го января 1888 г.) какое-либо распоряженіе по отношенію къ означеннымъ должностнымъ лицамъ.“ Вмѣстѣ съ тѣмъ было предложено, несмотря на такія несогласія въ нѣдрахъ самаго управленія университета, ускорить возобновленіе учебныхъ занятій въ университетѣ. Ректоръ Кремлевъ всячески старался замедлить возобновленіе лекцій до марта, ибо, какъ ходили въ городѣ слухи, онъ обязался предъ студенческой сходкой или отстоять виновниковъ ея отъ наказанія, или же самому подать въ отставку. Предложеніе министра отъ 31-го декабря (о возобновленіи лекцій) было нѣкоторыми частными лицами доставлено въ копіи нѣкоторымъ членамъ университетской корпораціи до полученія его попечителемъ и послужило Кремлеву къ распространенію въ городѣ слуховъ, что самъ министръ боится возобновленія безпорядковъ. Вопросъ объ открытіи университета въ засѣданіяхъ 18-го и 19-го января подалъ поводъ Щербакову и особенно Кремлеву къ нескончаемымъ сѣтованіямъ на попечителя, что правленіе не было привлечено къ разсмотрѣнію дѣла о безпорядкахъ 4-го декабря и поэтому ничего не знаетъ ни объ ихъ причинахъ, ни объ ихъ характерѣ, и къ таковымъ же обвиненіямъ инспектора въ несоблюденіи имъ § 22 инструкціи (въ несообщеніи ничего о поступкахъ студентовъ внѣ стѣнъ университета), въ непредусмотрительности и самонадѣянности, въ неисполненіи приказанія о томъ, чтобы держать актовый залъ взаперти и не впускать никого изъ студентовъ въ университетъ послѣ 5-го декабря. Съ іюля 1887 г. были увольняемы и исключаемы студенты, и ректоръ ничего не зналъ о причинахъ этихъ распоряженій и не могъ дать никакихъ объясненій родителямъ и родственникамъ, да и о продолжающемся существованіи землячествъ онъ узналъ только изъ распоряженій начальства объ увольненіи студентовъ за принадлежность къ нимъ. Свою длинную обвинительную рѣчь Кремлевъ заключилъ такъ: „Тяжело отзывались на университетѣ вообще и на ходѣ мирныхъ научныхъ и учебныхъ занятій въ частности безпорядки 4-го декабря, которые, по моему мнѣнію, при болѣе внимательной и предусмотрительной инспекціи, могли бы быть предупреждены или по крайней мѣрѣ, ограничены въ размѣрахъ и формѣ своего проявленія. Но повтореніе безпорядковъ послѣ возобновленія учебныхъ занятій повлечетъ за собою еще болѣе тяжкія послѣдствія, хотя, съ другой стороны, было бы желательно возможно скорѣйшее ихъ открытіе. Вотъ почему въ виду всѣхъ вышеизложенныхъ обстоятельствъ я затрудняюсь высказаться сколько-нибудь опредѣленно въ пользу или противъ возобновленія учебныхъ занятій раньше предположеннаго министерствомъ крайняго срока (1-го марта), особенно въ виду тѣхъ опасеній, которыя выражены въ циркулярѣ г. министра отъ 31-го декабря.“ Деканъ медицинскаго факультета обратилъ вниманіе на то, что циркуляръ этотъ возлагаетъ отвѣтственность на

коллегію профессоровъ, а потому и дѣло о возобновленіи занятій должно быть рѣшено не въ правленіи, а въ совѣтѣ. Затѣмъ правленіе единогласно высказалось въ такомъ смыслѣ, что „такъ какъ оно не принимало участія въ разслѣдованіи дѣла о безпорядкахъ и не имѣетъ свѣдѣній объ ихъ причинахъ ни отъ попечителя округа, ни отъ инспектора, то поэтому оно не имѣетъ данныхъ, чтобы сказать съ увѣренностью, что безпорядки съ возобновленіемъ учебныхъ занятій не повторятся. Но имѣя въ виду заявленіе г. инспектора, что онъ не имѣетъ основаній опасаться безпорядковъ, правленіе, при общемъ желаніи открыть учебныя занятія возможно скорѣе, ожидаетъ о томъ распоряженія отъ г. попечителя, если и Его Превосходительство съ своей стороны не встрѣчаетъ препятствій къ открытію производства испытаній и зачета полугодій.“ Деканъ историко-филологическаго факультета Бѣляевъ сверхъ того заявилъ, что на этомъ факультетѣ репетиціи и испытанія могутъ быть начаты теперь же и что многіе студенты давно уже обращались къ нему съ вопросомъ о началѣ репетицій, которыя для нихъ тѣмъ болѣе важны, что только по зачетѣ полугодія можетъ быть возбуждено ходатайство о продолженіи имъ стипендій, безъ которыхъ многіе студенты окажутся безъ всякихъ средствъ. По вопросу о способахъ узнать мнѣніе всѣхъ профессоровъ относительно времени возобновленія занятій съ нѣкоторою увѣренностью въ сохраненіи спокойствія, ректоръ и деканы факультетовъ медицинскаго и юридическаго (Нелидовъ) полагали, что дѣло это должно быть перенесено въ совѣтъ, а деканы историко-филологическаго и физико-математическаго факультетовъ (Ворошиловъ) и инспекторъ — что отзывы профессоровъ удобнѣе получить чрезъ факультетскія собранія порознь, такъ какъ профессора болѣе компетентны въ сужденіяхъ о студентахъ только своего факультета и въ факультетскія собранія могутъ быть приглашены по этому дѣлу и приватъ-доценты. Послѣднее мнѣніе было одобрено и попечителемъ, и предложеніе министра отъ 23-го января было объявлено профессорамъ чрезъ факультетскія собранія. Изъ нападокъ ректора на инспектора и возраженій сего послѣдняго выясняются, между прочимъ, нижеслѣдующіе факты. Съ самаго вступленія своего въ должность ректора (28-го ноября 1885 г.) Н. А. Кремлевъ оказался крайне недоступнымъ для частныхъ свиданій и бесѣдъ: дома у себя онъ обыкновенно не принималъ инспектора, въ университетъ же приходилъ только на засѣданія правленія и совѣта и на лекціи, и его надобно было ловить въ промежуткахъ между лекціями и говорить съ нимъ большей частью при другихъ, что не всегда было удобно. Притомъ же съ того времени, какъ инспекторъ истолковалъ § 14 правилъ о зачетѣ полугодій въ томъ смыслѣ, что не только инспекція, но и профессора обязаны слѣдить за исправнымъ посѣщеніемъ лекцій студентами, и что при разбросанности университетскихъ помѣщеній и при одновременности чтенія лекцій въ 12-ти и болѣе мѣстахъ и при необходимости чинамъ инспекціи находиться преимущественно при многолюдныхъ аудиторіяхъ нѣтъ для нея возможности знать, пошелъ ли студентъ, прибывшій въ университетъ, на лекцію или же въ какое-либо изъ учебно-вспомогательныхъ учрежденій, ректоръ началъ относиться къ инспектору не совсѣмъ доброжелательно, что и имѣло не мало вліянія на ходъ дѣлъ и на отношенія студентовъ къ инспекціи, а равно и на ходъ студенческихъ безпорядковъ 4-го декабря. Тѣмъ не менѣе всѣ сколько-нибудь выдающіеся случаи со студентами всегда были доводимы инспекторомъ до свѣдѣнія ректора: случаи смерти, самоубійства, „которыхъ, къ сожалѣнію, было не мало въ 1887 году“, случаи заключенія въ карцеръ и т. д. О менѣе важныхъ случаяхъ выговоровъ и замѣчаній ректоръ могъ всегда освѣдомиться въ штрафной книгѣ и въ книгѣ простыхъ выговоровъ по п. а § 31 правилъ (т. е. безъ внесенія въ штрафную книгу). Какъ видно, инспекція въ Казанскомъ университетѣ вела какъ слѣдуетъ свое дѣло.

По возобновленіи лекцій въ ветеринарномъ институтѣ 3-го, а въ университетѣ 6-го февраля 1888 года попечитель округа отнесся къ Казанскому губернатору Андреевскому съ просьбою о содѣйствіи полиціи учебному начальству, опредѣливъ, въ чемъ это содѣйствіе должно состоять: 1) „такъ какъ опытъ бывшихъ въ декабрѣ безпорядковъ показалъ, что они организуются главнымъ образомъ въ такъ называемыхъ землячествахъ и принятыя на этихъ землячествахъ рѣшенія распространяются между студентами на устраиваемыхъ негласно вечерахъ, то весьма желательно, чтобы полиція, отнюдь не дозволяя устройства такихъ вечеровъ, вмѣстѣ съ тѣмъ обо всѣхъ сдѣлавшихся ей извѣстными собраніяхъ студентовъ по землячествамъ сообщала словесно или письменно мнѣ (попечителю) для принятія своевременно надлежащихъ мѣръ. 2) „Весьма важно также для меня имѣть своевременно свѣдѣнія, не дѣйствуютъ ли нѣкоторыя постороннія лица вред-

нымъ образомъ на студентовъ, подбивая ихъ къ агитаціи и безпорядкамъ 3) „Если до свѣдѣнія полиціи дойдутъ какія-нибудь рукописныя или гектографированныя воззванія къ студентамъ, то я былъ бы очень признателенъ за доставленіе мнѣ ихъ для прочтенія“. Далѣе, 4) попечитель сообщаетъ о слухахъ, будто нѣкоторые изъ удаленныхъ или исключенныхъ студентовъ намѣреваются возвратиться въ Казань, и проситъ этого до времени полнаго успокоенія не допускать. Наконецъ, 5) въ случаѣ обнаруженія вновь какихъ-либо безпорядковъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ проситъ предоставить учебному вѣдомству такія же помощь и содѣйствіе, какія были оказаны 4-го декабря. Казанскому губернатору дѣйствительно было предложено министерствомъ внутреннихъ дѣлъ не допускать впредь устройства какихъ-либо студенческихъ вечеровъ съ платою за входъ, такъ какъ сборы съ этихъ вечеровъ въ большинствѣ случаевъ поступали на увеличеніе средствъ студенческихъ землячествъ и на другія недозволенныя цѣли. Донося о тѣхъ попыткахъ, которыя дѣлались 4-го декабря, чтобы вовлечь студентовъ историко-филологическаго факультета въ безпорядки, и о совершенной безуспѣшности этихъ попытокъ, покойный попечитель Казанскаго округа присовокупилъ, что изъ 57 наличныхъ студентовъ этого факультета не было ни одного, сколько-нибудь причастнаго къ дѣлу о безпорядкахъ 4-го декабря, и по этому поводу высказалъ нижеслѣдующее: „Это утѣшительное явленіе обусловливается, по моему мнѣнію, не столько хорошимъ составомъ студентовъ этого факультета и не столько даже составомъ наукъ, преподаваемыхъ въ немъ, сколько разумнымъ распредѣленіемъ занятій, при которомъ чтеніе лекцій правильно чередуется съ самостоятельными работами студентовъ подъ надзоромъ профессоровъ, весьма усердно и съ любовью относящихся и къ студентамъ, и къ своимъ научнымъ занятіямъ.“ Затѣмъ въ письмѣ своемъ отъ 25-го декабря 1887 г., № 675, первою мѣрою „для упорядоченія внутренняго строя университета и даже ветеринарнаго института“ онъ признавалъ „приближеніе порядка занятій на всѣхъ факультетахъ университета и въ ветеринарномъ институтѣ, по возможности, къ порядку занятій, нынѣ принятому на историко-филологическомъ факультетѣ, отводя какъ можно болѣе мѣста, хотя бы и съ нѣкоторымъ ущербомъ для лекціонныхъ занятій, самостоятельнымъ работамъ студентовъ подъ обязательнымъ надзоромъ и руководствомъ преподавателей.“

Студенческіе безпорядки въ С.-Петербургѣ въ концѣ 1887 года.

Свѣдѣній объ этихъ безпорядкахъ сохранилось весьма мало въ дѣлахъ какъ министерства народнаго просвѣщенія, такъ и окружного управленія, и самого университета. Извѣстно только, что безпорядки эти достигали весьма крупныхъ размѣровъ, особенно 9-го, 10-го и 11-го декабря, что направлены они были главнѣйше противъ ректора Владиславлева, что возбуждены были противъ него столько же профессора, сколько и студенты, что пришлось прибѣгнуть къ помощи г. с.-петербургскаго градоначальника, по распоряженію котораго и было арестовано 9-го декабря въ самомъ университетѣ 67 студентовъ, что и затѣмъ безпорядки не прекращались и пришлось закрыть университетъ. Въ ночь на 11-ое декабря поручено было приставу 1-го участка Василеостровской части арестовать 9 студентовъ, замѣченныхъ въ подстрекательствѣ товарищей къ безпорядкамъ. Изъ нихъ двое, не бывъ въ ту ночь разысканы въ своихъ квартирахъ, были на другой день вызваны приставомъ Араповымъ изъ университета подъ тѣмъ предлогомъ, что ихъ требуетъ къ себѣ градоначальникъ, и затѣмъ были арестованы. Узнавъ объ этомъ, профессора Бекетовъ и Менделѣевъ, не стѣсняясь присутствіемъ студентовъ, во всеуслышаніе говорили, что полиція не имѣетъ права производить аресты въ стѣнахъ университета, заявили то же самое ректору и просили возбудить судебное преслѣдованіе противъ пристава Арапова.

Въ самомъ управленіи обнаружилось раздвоеніе: только ректоръ, инспекторъ и деканъ факультета восточныхъ языковъ были въ пользу того, чтобы изъ числа удаленныхъ принять обратно тѣхъ, кто дастъ письменное обязательство, подкрѣпленное честнымъ словомъ, воздерживаться впредь отъ всякаго участія въ сходкахъ и всякаго рода безпорядкахъ. Всѣхъ исключенныхъ и удаленныхъ за безпорядки изъ С.-Петербургскаго университета оказалось больше чѣмъ изъ какого либо другого, отдѣльно взятаго, высшаго учебнаго заведенія, а именно 74 человѣка.

Однимъ изъ студентовъ С.-Петербургскаго университета было получено и доставлено въ министерство письмо, въ которомъ, между прочимъ, говорится: „Все русское студенчество недавно сдѣлало попытку освободиться отъ гнета

постановленій новаго университетскаго устава, губящихъ свободу науки полными произвола программами и распредѣленіями университетскихъ чтеній, губящихъ нашу студенческую свободу и товарищество, приводящихъ къ порядкамъ, прямо оскорбительнымъ для нашего человѣческаго достоинства... Нашъ протестъ выразился въ томъ, что мы лишились 72-хъ (вѣрнѣе, 74-хъ) товарищей... Соберемтесь вновь въ университетскихъ стѣнахъ спокойно безъ шума (не въ протестѣ дѣло) и, пригласивъ къ себѣ кого-нибудь изъ лучшихъ нашихъ профессоровъ, попросимъ довести до свѣдѣнія министра наше заявленіе о полномъ единодушіи всѣхъ насъ съ 72-мя товарищами. Кто намъ не сочувствуетъ, пусть о томъ заявитъ инспекціи, какъ это недавно сдѣлали нѣкоторые изъ студентовъ Медицинской Академіи...“ „... Тѣ измѣненія настоящихъ порядковъ, которыхъ мы добиваемся: 1. Пересмотръ и измѣненіе постановленій, которыя оказались прямо вредными дѣлу науки, вводя подъ именемъ „академической свободы“ искусственную регламентацію науки, не имѣющую болѣе научныхъ основаній, чѣмъ чиновничій произволъ ихъ авторовъ (хорошія иллюстраціи: программа филологическаго факультета и экзаменныя требованія для того же факультета). 2. Возвращеніе университетской автономіи: а) избраніе ректора профессорами сдѣлаетъ немыслимымъ появленіе на этомъ почетномъ мѣстѣ людей, подобныхъ Владиславлеву; б) университетскій судъ избавитъ студенчество отъ безконтрольныхъ распоряженій инспекціи, погубившей столько нашихъ товарищей; доносы потеряютъ силу истинъ, не требующихъ доказательства, и, слѣдовательно, естественно кончится процвѣтаніе сплетничества, которому принадлежитъ львиная доля заслугъ нашей инспекціи. 3. Устраненіе инспекціи отъ вмѣшательства въ раздачу стипендій, цѣль коихъ есть поощреніе способныхъ къ наукѣ, а не къ искательству. 4. Отмѣна безнравственныхъ правилъ, преслѣдующихъ товарищество во всѣхъ его проявленіяхъ (научно-литературныя общества, землячества, студенческія кассы). 5. Смѣна ректора Владиславлева, доказавшаго полную свою несостоятельность и какъ ученый, и какъ ректоръ, и какъ человѣкъ... Просятъ эти листки передавать по прочтеніи кому-либо изъ товарищей... Нелѣпость и безнравственность лѣтняго циркуляра о гимназіяхъ сами по себѣ привели уже къ неоффиціальному приказу о неисполненіи его предписаній. Мы думаемъ, что не зачѣмъ просить профессоровъ доложить министру о нашихъ требованіяхъ. Мы доведемъ ихъ до свѣдѣнія вліятельныхъ людей, пользующихся честною славой, посылая имъ эти листки.“

Студенческіе безпорядки въ С.-Петербургскомъ университетѣ 1890 г.

15-го марта проф. Менделѣевымъ была принята на сходкѣ студентовъ „петиція“ и тотчасъ же препровождена имъ съ посыльнымъ къ г. министру народнаго просвѣщенія безъ всякаго письма въ конвертѣ съ надписью (послѣ титула, имени, отчества и фамиліи г. министра): „отъ проф. Менделѣева, которому передана влагаемая бумага“. „Бумага“ эта нижеслѣдующаго содержанія:

Петиція студентовъ С.-Петербургскаго университета господину министру народнаго просвѣщенія.

Въ среду, 14-го марта, намъ впервые была дана возможность выразить передъ коллегіей уважаемыхъ профессоровъ съ ректоромъ во главѣ наши необходимыя нужды и горячія желанія.

Твердо увѣренные изъ горькаго опыта въ настоятельной необходимости реформъ университетскихъ порядковъ, мы убѣждены, что наши желанія вполнѣ осуществимы, и формулируемъ ихъ слѣдующимъ образомъ:

Мы желаемъ, чтобы уставъ университетовъ и другихъ высшихъ учебныхъ заведеній былъ основанъ на началахъ автономіи, чтобы ректоръ и профессора были избираемы согласно университетскому уставу 1863 г., чтобы были учреждены университетскій и студенческій судъ, а также признаны студенческія корпораціи.

Мы желаемъ, чтобы всѣ, окончившіе средне-учебныя заведенія, безъ различія вѣроисповѣданія, общественнаго положенія и безъ всякихъ тайныхъ характеристикъ со стороны гимназическаго начальства и полиціи, имѣли свободный доступъ въ университетъ.

Наконецъ, мы увѣрены, что, наряду съ этимъ, нашимъ профессорамъ можетъ быть дана свобода преподаванія, прежде существовавшая по уставу 1863 г.

Наше глубокое убѣжденіе въ томъ, что всѣ эти послѣдовательно проведенныя измѣненія въ смыслѣ нашихъ желаній будутъ содѣйствовать развитію студенческой жизни, и только они могутъ обусловить нормальное теченіе ея.

Мы настаиваемъ теперь же на уничтоженіи полицейскихъ функцій инспекціи, пониженій платы и въ частности, по отношенію къ нашему университету, на возстановленіи научно-литературнаго общества, существовавшаго до 1887 г., и студенческой читальни.

Впервые пользуясь возможностью изложить свои желанія, не выходя изъ границъ законности, мы твердо вѣримъ въ то, что подобный способъ выраженія своихъ нуждъ войдетъ въ обиходъ студенческой жизни.

Студенты С.-Петербургскаго университета.

Изъ „петиціи“ этой какъ бы явствуетъ, что 14-го марта существенное содержаніе ея было заявлено и выслушано если не коллегіей, то нѣсколькими „уважаемыми“ профессорами и въ томъ числѣ ректоромъ, и что изъ происходившаго по этому поводу обмѣна мыслей студенты вывели заключеніе, что имъ разрѣшено изложить письменно ихъ желанія для доведенія ихъ до свѣдѣнія высшаго начальства, и одинъ изъ „уважаемыхъ“ профессоровъ дѣйствительно принимаетъ отъ нихъ эту „петицію“ и тутъ же самымъ безцеремоннымъ образомъ отсылаетъ ее къ г. министру. Она была возвращена г. Менделѣеву 16-го марта при слѣдующей бумагѣ: „По приказанію министра народнаго просвѣщенія прилагаемая бумага возвращается дѣйствительному статскому совѣтнику профессору Менделѣеву, такъ какъ ни министръ и никто изъ состоящихъ на службѣ Его Императорскаго Величества лицъ не имѣетъ права принимать подобныя бумаги.“ [13])

Послѣ того, что было 14-го и 15-го марта, весьма естественно, что студенты во всѣ слѣдующіе дни производили безпорядки и въ университетѣ, и на улицѣ, пока масса ихъ не была арестована 17-го и 19-го марта.

19-го марта были задержаны полиціей на улицѣ за участіе въ безпорядкахъ 131 студентъ, и затѣмъ 22-го марта они были освобождены изъ-подъ ареста съ объявленіемъ имъ, за подписками, что въ случаѣ принятія вновь участія въ безпорядкахъ они будутъ лишены права жительства въ столицѣ, арестованные же (въ числѣ 120 человѣкъ) какъ 17-го, такъ и 19-го марта въ самомъ зданіи университета, какъ принимавшіе болѣе близкое и болѣе дѣятельное участіе въ безпорядкахъ, были оставлены подъ арестомъ въ полицейскихъ участкахъ до 24-го марта, когда участь ихъ была рѣшена правленіемъ университета.

Правленіе отнеслось довольно снисходительно къ виновнымъ, и изъ нихъ только 2 исключены, въ томъ числѣ 1 — 6-го семестра и 1 — 8-го, и 20 уволены безъ права обратнаго поступленія въ университетъ, въ томъ числѣ 14 — 8-го семестра, такъ что зачинщиками безпорядковъ здѣсь были преимущественно старшихъ курсовъ. Сверхъ того принимали въ нихъ участіе трое получившихъ свидѣтельство объ окончаніи полнаго курса, за что лишены свидѣтельства объ ихъ благонадежности. 98 студентамъ сдѣланъ выговоръ съ предвареніемъ объ удаленіи и съ лишеніемъ права на стипендіи и другія льготы. Изъ другихъ высшихъ учебныхъ заведеній принялъ нѣкоторое участіе въ безпорядкахъ также Лѣсной Институтъ, и изъ него были исключены 2 и уволены 13 человѣкъ. Всѣхъ исключенныхъ и уволенныхъ за безпорядки въ мартѣ 1890 г. было: изъ Петровской Академіи 31, изъ Московскаго университета 58, изъ Харьковскаго ветеринарнаго института 45, изъ Ново-Александрійскаго института сельскаго хозяйства и лѣсоводства 120, изъ С.-Петербургскаго технологическаго института 25, изъ Лѣсного института 15 и изъ С.-Петербургскаго университета 22, — всего 316 человѣкъ.

По окончаніи безпорядковъ въ министерствѣ народнаго просвѣщенія было получено по городской почтѣ гектографированное весьма пространное воззваніе, озаглавленное: „Къ русскому обществу отъ учащейся молодежи“, имѣющее цѣлью „выяснить внутренній смыслъ все чаще и чаще повторяющихся волненій зъ средѣ товарищей“. Здѣсь въ сущности повторяются все тѣ же требованія, что и въ различныхъ петиціяхъ; но особенность воззванія заключается въ томъ, что оно преимущественно возстаетъ противъ „программъ, стѣсняющихъ (будто бы) преподаваніе“, то есть, вѣроятно, противъ экзаменныхъ программъ, такъ какъ другихъ по крайней мѣрѣ въ университетахъ, которыя были бы даны правительствомъ, не имѣется. „Стоитъ ли пояснять — говорится въ воззваніи — что наука не можетъ укладываться въ рамки программъ, что программа для преподаванія и изученія науки есть могила науки, какъ инструкція для судьи — могила правосудія. Равно навязываніе того или другого предмета для изученія вовсе не ведетъ къ научному образованію . . .“ „Многіе сѣли на эти скамьи и съ талантами и съ жаждой истины, добра и красоты. И этотъ талантъ, и эту жажду сломила программная регламентированная наука.“ Воззваніе оканчивается обращеніемъ къ обществу помочь

своимъ непосредственнымъ въ дѣло. „Вспомните, что и на вашей обязанности сказать слово правды, что ваши дѣти если не губятся, то будутъ погублены той нелѣпой школой съ тѣми нелѣпыми уставами, регламентаціями и воспрещеніями, какіе губятъ насъ. Вспомните и подумайте, что и какъ слѣдовало бы Вамъ — обществу — сдѣлать, чтобы помочь горю, и если можно — сдѣлайте. Исторія помянетъ Васъ добрымъ словомъ. Петербургъ. Мартъ 1890 г.“

Эти все чаще и чаще повторяющіеся безпорядки въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ должны были напомнить, что задача, возложенная еще въ 1882 г. на особое совѣщаніе изъ гг. министровъ — изыскать мѣры къ устраненію означенныхъ безпорядковъ, осталась до сихъ поръ безъ разрѣшенія, и дѣло это не было доведено до конца. Доведя до свѣдѣнія Государя Императора о безпорядкахъ, которые въ минувшемъ мартѣ имѣли мѣсто, между прочимъ, въ Петровской Сельскохозяйственной Академіи, г. министръ государственныхъ имуществъ „счелъ своимъ долгомъ всеподданнѣйше доложить Его Императорскому Величеству, что причины этихъ безпорядковъ, какъ выяснено произведенными изслѣдованіями, коренятся съ одной стороны въ тѣхъ условіяхъ, при которыхъ Академія возникла и продолжаетъ существовать, а съ другой — въ общихъ всѣмъ высшимъ учебнымъ заведеніямъ условіяхъ; послѣднія же заключаются главнымъ образомъ въ легкой доступности студентовъ вредному вліянію извнѣ, при полномъ убѣжденіи ихъ, что отвѣтственность за безпорядки падаетъ только на незначительное число лицъ, тогда какъ большинство ускользаетъ отъ взысканій. Находя съ своей стороны, что принятіе какихъ либо мѣръ противъ частныхъ причинъ безпорядковъ въ томъ или другомъ учебномъ заведеніи не можетъ привести къ благопріятнымъ результатамъ помимо устраненія общихъ причинъ таковыхъ безпорядковъ“, статсъ-секретарь М. Н. Островскій „представилъ на Высочайшее воззрѣніе Государя Императора о томъ, не благоугодно ли будетъ Его Величеству повелѣть ему войти въ сношеніе съ подлежащими министрами относительно новаго обсужденія разсматривавшагося въ 1884 г. въ комитетѣ министровъ вопроса о мѣрахъ къ устраненію безпорядковъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ“. На таковое предположеніе Государь Императоръ 9-го апрѣля 1890 г. соизволилъ, и затѣмъ возникло предположеніе образовать особое совѣщаніе въ прежнемъ его составѣ, а именно: изъ гг. министровъ внутреннихъ дѣлъ, народнаго просвѣщенія, военнаго, юстиціи, путей сообщенія и государственныхъ имуществъ, оберъ-прокурора Св. Синода и управляющаго морскимъ министерствомъ.[14])

Примѣчанія издателя.

[1]) Къ стр. 2. Первые студенческіе безпорядки, происшедшіе въ Харьковѣ в 1858 г., возникли вслѣдствіе избіенія студентовъ полиціей (Лужинская исторія). Избитые студенты были высланы административнымъ порядкомъ на родину. Товарищи высланныхъ потребовали у попечителя Зиновьева разбора дѣла судебнымъ порядкомъ. Попечитель отказалъ и тогда 280 человѣкъ подали прошеніе объ увольненіи, т. е. прибѣгли къ своего рода забастовкѣ. Высланныхъ студентовъ затѣмъ вернули, но тринадцать человѣкъ были исключены, — безъ права поступленія въ другіе университеты. Харьковскіе „безпорядки“ 1858 г. (о нихъ см. „Колоколъ“ за 1858 г. №№ 20 и 22) составляютъ какъ бы пробѣгъ большихъ петербургскихъ безпорядковъ 1899 г.

[2]) Къ стр. 6. П. Г. Рѣдкинъ — извѣстный юристъ, послѣ ректорства бывшій управляющимъ удѣлами и умершій членомъ Государственнаго Совѣта. Рѣдкинъ былъ также предсѣдателемъ Петербургскаго Педагогическаго Общества, забытаго за критику классической системы гр. Д. А. Толстого.

[3]) Къ стр. 7. Записка эта была напечатана въ „Землѣ и Волѣ“ и „Общемъ дѣлѣ“, что повлекло за собой арестъ профессора А. С. Фаминцына, нынѣ ординарнаго академика Имп. Академіи Наукъ.

[4]) Къ стр. 11. Попечителемъ округа былъ кн. М. С. Волконскій.

[5]) Къ стр. 13. Ректоромъ былъ Андрей Николаевичъ Бекетовъ († 1902 г.).

[6]) Къ стр. 39. Циническое замѣчаніе это относится къ „Студенческому научно-литературному Обществу“, предсѣдателемъ котораго былъ проф. О. Ѳ. Миллеръ. Оно было закрыто гр. Деляновымъ въ 1887 г. Среди дѣятельныхъ членовъ его было немалое число лицъ, пріобрѣтшихъ впослѣдствіи извѣстность въ качествѣ ученыхъ и профессоровъ. Дѣятельность „Студенческаго Научно-Литературнаго Общества“ нашла себѣ уже справедливую оцѣнку въ нашей легальной печати, между прочимъ на страницахъ изданій г. Суворина.

[7]) Къ стр. 40. Анархистовъ въ русскомъ революціонномъ движеніи того времени не было. Авторъ впадаетъ здѣсь въ безсмысленное словоупотребленіе, отождествляющее террористовъ съ анархистами.

[8]) Къ стр. 40. М. И. Владиславлевъ (профессоръ философіи!!) осуществилъ „вдвинувшую“ его программу: произвелъ „разборъ“ студентовъ С.-Петербургскаго университета и закрылъ студенческую читальню и столовую, помѣщенія которыхъ „были отведены подъ ..... отхожее мѣсто.

[9]) Къ стр. 47. Н. А. Кремлевъ — извѣстный романистъ, нынѣ членъ консультаціи, при Министерствѣ Юстиціи состоящей. До послѣдняго времени онъ въ качествѣ приватъ-доцента читалъ римское право въ СПб. Университетѣ.

[10]) Къ стр. 49. Васильевъ (А. В.) и Преображенскій — оба математики. Послѣдній изъ нихъ уже умеръ, если не ошибаемся, профессоромъ Новороссійскаго университета.

[11]) Къ стр. 52. А. А. Штукенбергъ — извѣстный геологъ.

[12]) Къ стр. 53. Раньше инспекторъ 3-й гимназіи, впослѣдствіи былъ попечителемъ Казанскаго учебнаго округа.

[13]) Къ стр. 57. Послѣ этого Д. И. Менделѣевъ, научныя заслуги котораго извѣстны всему міру, оставилъ СПб. Университетъ.

[14]) Къ стр. 58. Изъ аналогичнаго особаго совѣщанія, засѣдавшаго въ 1899 г., вышли пресловутыя „Временныя Правила“.

Verlag und Druck: J. H. W. Dietz Nachf. (G. m. b. H.) in Stuttgart.